

ЗАГАДКА

ГОДА

РУДОЛЬФ БАЛАНДИН

ЗАВЕЩАНИЕ ЛЕНИНА

Загадка
37
года

РУДОЛЬФ БАЛАНДИН

**ЗАВЕЩАНИЕ
ЛЕНИНА**

**МОСКВА
«АЛГОРИТМ»
2009**

Оформление серии *С. Курбатова*

Баландин Р. К.

Б 20   Завещание Ленина / Рудольф Баландин. — М. : Алгоритм, 2009. — 288 с. — (Загадка 1937 года).

ISBN 978-5-9265-0679-9

Последние годы жизни В. И. Ленина всегда привлекали историков и публицистов. Именно в этот период Ленин написал свои статьи, считающиеся его политическим завещанием. В них содержится немало фрагментов, по сей день вызывающих споры и разночтения. Однако, вопреки злобным домыслам некоторых псевдоисследователей, автор книги Р. К. Баландин убедительно доказывает, что В. И. Ленин, несмотря на огромную занятость и ухудшающееся состояние здоровья, сумел в своем завещании обозначить важнейшие проблемы, которые стояли перед молодым Советским государством, и наметить меры по их преодолению.

В книге показано, в какой мере события, следовавшие после смерти Ленина, были им предсказаны или напрямую продиктованы и в чем Сталин стал продолжателем дела Ленина.

УДК 323
ББК 63.3

ISBN 978-5-9265-0679-9

© Баландин Р. К., 2009
© ООО «Алгоритм-Книга», 2009

Введение

ПРОШЛОЕ — ПРОЛОГ НАСТОЯЩЕГО

Годы, люди и народы
Убегают навсегда,
Как текучая вода.
В зыбком неводе природы
Звезды — невод, рыбы — мы,
Боги — призраки у тьмы.

Велимир Хлебников

1

Было ли завещание Ленина? Вот первый вопрос.

Ответить на него можно так: Владимир Ильич Ленин никакого завещания не писал, не диктовал.

На этом можно было бы завершить данную работу. Однако имеются достаточно серьезные дополнительные обстоятельства, требующие существенных уточнений и дополнений.

Слово «завещание» имеет юридический смысл: документ, в котором кто-либо дает указания на то, как распорядиться его имуществом или властными полномочиями. В данном случае такое толкование отпадает. У Ленина не было каких-то существенных личных ценностей, а его положение партийного лидера и главы го-

сударства нельзя было передать кому-либо по личному распоряжению.

Однако завещание можно понимать как завет (наставление, совет), адресованный своим последователям. Например, в христианском Священном Писании есть Ветхий Завет и Новый Завет. В основе первого лежат заповеди Моисея, полученные, согласно преданию, от Бога. Таков религиозный Закон, единый и для христиан, и для иудаистов. В основе второго — заповедь любви к ближнему, провозглашенная Иисусом Христом.

Вот и в предсмертных своих работах Ленин высказал некоторые соображения, которые принято считать его политическим завещанием (хотя, повторю, сам он так не считал). Кого-то может покоробить, а то и оскорбить приведенное упоминание о Священном Писании. Однако оно дано не случайно и, уж безусловно, не с целью его сопоставления с ленинскими заветами.

Учение Маркса, дополненное Лениным (марксизм-ленинизм), в Советском Союзе стало, по сути, атеистическим священным писанием. Лев Троцкий едва ли не первым это провозгласил: «Маркс — пророк со скрижалями, а Ленин — величайший исполнитель заветов, научающий не пролетарскую аристократию, как Маркс, а классы, народы, на опыте, в тягчайшей обстановке...»

В таком отношении к партийным вождям нет ничего удивительного. Ведь атеизм — это религиозная концепция, основанная на предположении, что Бога нет. Такой тезис столь же недоказуем, как и противоположный. По этой причине «научного атеизма» быть не может, ибо любое научное учение отличается от религиозного или философского тем, что его можно подтвердить или опровергнуть на основе фактов, а не только рассуждений (философия) и, тем более, веры (религия).

Заветам Ленина первым придал сакральный характер Иосиф Виссарионович Сталин.

На траурном заседании съезда Советов 26 января 1924 года он произнес речь, которую позже называли клятвой: «Мы, коммунисты, — люди особого склада. Мы скроены из особого материала. Мы — те, которые составляем армию великого пролетарского стратега, армию товарища Ленина». Само это начало, звучащее эпически, на религиозный манер, заставляет вспомнить, что в духовной семинарии Иосиф Джугашвили считался отличным учеником и что он писал неплохие стихи.

Сталин перечислял заповеди усопшего вождя, а после каждой из них торжественно провозглашал: «Клянись тебе, товарищ Ленин, что мы с честью выполним эту твою заповедь!»

Вряд ли тогда Сталин был знаком со «Словом о законе и благодати», произнесенным почти за тысячу лет до него митрополитом Иларионом в киевском соборе. Преподобный воскликнул, обращаясь к почившему князю Владимиру: «Восстань, о честный муж, из гроба своего! Восстань, отряхни сон, ибо ты не умер...» И еще: «Радуйся, учитель наш и наставник благоверию! Ты правдою облечен, крепостью препоясан, истиною обвит, смыслом венчан...»

Сходство речей крупного политика и церковного иерарха не случайно. Обращение к умершим так, словно они находятся здесь же, слышат и благословляют ораторов и всех присутствующих, — отличительная черта именно религиозного сознания.

Ленин к тому времени превратился в символическую фигуру. Об этом свидетельствует неподдельное горе народа после его смерти: в лютый январский мороз к гробу с телом Ленина, выставленному в Колонном зале Дома союзов, за четыре дня прошло около 900 тысяч человек. (Об этом следовало бы помнить тем, кто в наше время распространяется об антинародной политике Ленина и отсутствии к нему народной любви.)

Сталин чутко уловил и, возможно, сам переживал подобное чувство. Поэтому его клятва Ленину произвела огромное впечатление на слушателей. Она знаменовала появление нового вождя партии.

Но тут возникает немало тайн и вопросов, обсуждение которых предполагает данная книга.

3

Что следует считать политическим завещанием Ленина?

Кого предполагал Владимир Ильич в свои преемники как партийного и государственного лидера?

Не стал ли Сталин узурпатором власти вопреки завету Ильича?

Чем объяснить тот факт, что преемником Ленина не стал Троцкий?

Исполнил ли Сталин ленинские заветы?

Прервем перечень вопросов. Впереди еще будет их немало. Обратим внимание на самый, быть может, важный: какой смысл сейчас обсуждать проблемы, имеющие исторический смысл?

Мы живем в трудный период России. Перед страной, народом стоит сакраментальный вопрос: «Быть или не быть?» Он вовсе не риторический и не философский, а прагматичный, актуальный. Тем, кому он представляется надуманным или несущественным, напомним несколько очевидных истин, основанных на фактах.

Никогда еще в своей истории русский народ не вымирал так устойчиво и неуклонно в мирное время, да еще когда отдельные кланы, группы, личности неимоверно обогащаются за его счет.

Никогда еще великая держава не распадалась без войн и видимых потрясений столь быстро и радикально, утратив не только многие важные составные части, но и дружеское окружение.

Никогда еще русская культура не находилась в таком упадке и не утрачивала до такой степени своего престижа в мире.

Никогда и ни в какой стране не наблюдалось такого шельмования своего недавнего славного прошлого, такого напора антинародной пропаганды, такого торжества лжи, лицемерия, предательства.

Никогда еще не были столь сильны и объединены антироссийские, антирусские силы, и редко было столь мало у нашей Родины друзей.

Никогда еще Россия не была экологической, а также интеллектуальной колонией Запада, куда постоянно перетекают в огромном количестве наши энергетические и интеллектуальные ресурсы.

Никогда еще так не обострился глобальный экологический кризис. Ныне техническая цивилизация всту-

пила в острое противостояние с окружающей природной средой, а это чревато в ближайшие десятилетия потрясениями для всего человечества.

Никогда еще не было такого бесцельного и бессмысленного существования наиболее промышленно развитых государств, ориентированных на максимальное удовлетворение постоянно растущих материальных потребностей определенной части населения при полном пренебрежении к высшим духовным ценностям.

Никогда еще все эти — и некоторые другие — локальные и глобальные проблемы не составляли такой клубок противоречий, как в XXI веке. Чтобы хотя бы отчасти разобраться в них, необходимо внимательно и честно взглянуть на историю нашей страны и, по возможности, всего человечества.

Никогда не было такой жгучей, хотя и признаваемой немногими, необходимости понять прошлое в динамике и взаимосвязи событий. Ибо в противном случае свершится апокалипсис и Страшный суд над бездумной и безумной нашей технической цивилизацией.

5

Надо ли ворошить прошлое? Не пора ли забыть о том, что было, и заняться насущными проблемами?

Вообще — зачем изучать историю?

Интерес к ней определяется не только естественной человеческой любознательностью. Есть и не менее существенная причина.

Нам надо изучать прошлое, чтобы понять настоящее и получить более или менее надежные ориентиры на будущее.

З а в е щ а н и е   Л е н и н а

Прошрое, словно корневая система дерева, определяет все то, что происходит теперь, предопределяя будущее.

Каждый из нас является результатом всего того, что происходило в прошлом. То же самое относится к любому обществу. Поэтому, познавая прошлое человека или общества, мы познаем самих себя.

Но в наше смутное время России ее сравнительно недавнее прошлое выступает не только в научном и философском аспекте. Оно стало мощным оружием в руках врагов социализма и коммунизма, СССР, а значит, нашего Отечества.

Глава 1

ТРАГЕДИЯ ВОЖДЯ

Болезнь Владимира Ильича

Владимир Ильич Ульянов-Ленин — один из наиболее трагических персонажей истории.

Казалось бы, он осуществил свою заветную революционную мечту. Взять власть в огромной, раздираемой противоречиями стране оказалось неожиданно легко и просто. Не только потому, что слабовольным было Временное правительство. Пожалуй, никто и не дорожил этой властью, не цеплялся и не сражался за нее всерьез, не на жизнь, а на смерть. Это не озадачило ни «ленинскую гвардию», ни самого вождя. Тяжелейшие испытания для них начались позже.

В гражданской жесточайшей войне, когда не раз казалось, что проиграно дело большевистской партии, в конце концов победа была на ее стороне. Тут-то и выяснилось, что удержать и укрепить свою власть в огромной стране, испытывавшей кровавую междоусобицу и революционную перестройку — задача невероятно трудная.

Напряжение внутри общества нарастало. В руководстве партии усиливались разногласия. Все наиболее развитые страны были против Советской России. За рубежом оставалось более миллиона белогвардейцев. Скрытых внутренних врагов было не меньше. В недавно созданном Советском Союзе экономическое поло-

Завещание Ленина

жение было чрезвычайно тяжелым: чудовищный голод, эпидемии (значительно меньше были потери от военных действий). Однако наибольшие опасения и постоянно нарастающую тревогу вызывала ситуация с крестьянством. Она не прояснялась, а все более усугублялась и запутывалась. Чаше и яростней вспыхивали крестьянские бунты. А ведь сельские жители составляли подавляющую часть населения страны...

Умственное и нервное напряжение Ленина не ослабевало, а лишь усиливалось со временем. Ему не довелось почивать на лаврах, принимая чествования. Конечно, были народные шествия, многолюдные митинги. Однако вряд ли это его радовало. Жизнь он завершал в венце терновом. Начиная со второй половины 1921 года он все чаще ощущал нервные срывы, головные боли.

Еще в начале 1917 года он жаловался в письме к сестре Марии Ильиничне: «Работоспособность из-за больших нервов отчаянно плохая». Лечивший его врач-невропатолог профессор В. Крамер сделал весной 1922 года такую запись: «В основе его болезни лежит действительно не одно только мозговое переутомление, но и тяжелое заболевание сосудистой системы головного мозга».

Обратите внимание на этот диагноз, поставленный известным в то время специалистом по невропатологии. Совершенно ясно сказано, что болезнь Ленина объясняется *мозговым переутомлением и заболеванием сосудистой системы головного мозга*. С первым пунктом все понятно, что же касается второго, напомним, что отец Ленина — Илья Николаевич Ульянов — также страдал подобным заболеванием и скоропостижно скончался в возрасте пятидесяти четырех лет.

Мы специально заостряем на этом внимание, поскольку сразу же после смерти Владимира Ильича в стане его врагов возникли всевозможные домыслы о

причинах болезни Ленина. Самой расхожей, как и следовало этого ожидать, оказалась версия о застарелом сифилисе, приведшем к мозговому заболеванию и расстройству психики главы советского правительства. Эта версия была охотно подхвачена на закате горбачевской перестройки ярыми борцами за демократию и продолжает обсуждаться ими до сих пор. Понятно, что никаких официальных медицинских документов они привести не могут и ограничиваются пересказом сплетен по типу «Иван сказал Николаю, Николай — Петру, а Петр — Федору».

Самое удивительное, что некоторые из этих «исследователей», видимо, всерьез верят в то, что у Ленина был сифилис. Дело тут не только в личности Владимира Ильича, которая вызывает у них поистине болезненную ненависть. Для всех этих деятелей кажется совершенно естественным, что лидер влиятельной политической партии мог вести беспорядочную половую жизнь и заразиться венерическим заболеванием. В их «демократической» среде моральная распущенность и вседозволенность — обычные явления. Для этих «борцов за общечеловеческие ценности» и свальный грех — не грех, и педерастия — естественная черта натуры, отчего же им не предположить, что и Ленин был таким же, как они?

С другой стороны, стремление любыми способами опорочить и принизить Ленина объясняется не только очевидным политическим заказом, но и чувством собственной нравственной ущербности «разоблачителей». Английский сатирик Дж. Свифт в «Путешествии Гулливера» описал мерзкую породу выродившихся (в буквальном смысле) людей, дав им прозвище *еху*. Так вот, эти *еху* не могли вытерпеть в своем окружении благородного и чистого (опять-таки в буквальном смысле) Гулливера. Как только *еху* сумели добраться до него,

Завещание Ленина

они его обгадили (снова в буквальном смысле) с головы до ног, дабы он ничем не выделялся из их стада. Как говорится, комментарии излишни.

* * *

Итак, Ленин заканчивал свою жизнь, страдая от тяжелейшего нервного переутомления и заболевания сосудистой системы головного мозга. Несмотря на это, он продолжал работать, пока болезнь окончательно не подкосила его. Последние статьи, письма и записки Владимира Ильича, которые принято считать его политическим завещанием, содержат дельные суждения и предложения. С ними можно не соглашаться, они подчас откровенно полемичны, спорны, однако бессмысленными или глупыми их никак не назовешь.

Воинствующий атеизм Ленина

Весной 1922 года Владимир Ильич, находясь на отдыхе в Подмосковье, работал над статьей «О значении воинствующего материализма».

Комментируя ее, бывший начальственный политработник Советской Армии, ставший при изменившейся ситуации троцкистом и антисоветчиком, Д. А. Волкогонов писал: «Мысли его радикальны и беспощадны. Ленину кажется, что программа разгрома церкви в России не только дает крупные денежные средства советской власти, но и резко продвинет страну вперед по пути социализма. Золото плюс безраздельное влияние коммунистической идеологии! Это так важно и ценно!»

Читая подобные откровения бывшего крупного номенклатурного партийного работника, начинаешь сомневаться: не поразил ли таких деятелей тот недуг, ко-

торый они приписывают Ильичу? Ведь нет никакого сомнения, что пополнение казны государства, пребывающего в жуткой разрухе после мировой и Гражданской войн, действительно важно или, как выразился бы Ленин, архиважно. И господство идеологии правящей партии тоже необходимо для удержания власти.

У наивного приверженца плюрализма может возникнуть возражение: а как же в буржуазных демократиях, в западном цивилизованном обществе разрешена идеологическая борьба разных партий, защищены свобода слова и права личности. Разве нельзя было сделать то же самое в Советской России?

Нет, конечно. Народ надо было спланировать, а не разобщать. Тут демагогия представителей разных партий ничего хорошего дать не может. Государственную систему надо было укреплять хотя бы в связи с угрозой очередной интервенции.

А на Западе, между прочим, так называемая демократия установлена не народная, а буржуазная. Она находится под пристальным призором и управлением при щедром финансировании имущих капиталы и власть.

Но вернемся к проблемам ateизма. Ничего особенного в этом труде Ленина нет. Он высказал вполне адекватные, логичные мысли. В частности, с едкой иронией отозвался о публикации в научном журнале статьи молодого социолога Питирима Сорокина, назвавшего 92,2 развода на 10 000 браков в Петрограде «цифрой фантастической». Прав был Владимир Ильич: «Всякий сколько-нибудь знакомый с общественными условиями в буржуазных странах человек знает, что фактическое число фактических разводов (конечно, не санкционированных церковью и законом) повсюду неизмеримо больше».

Завещание Ленина

И все-таки в конце своей работы Ленин раздраженно заметил: «Рабочий класс в России сумел завоевать власть, но пользоваться ею еще не научился, ибо, в противном случае, он бы подобных преподавателей и членов ученых обществ давно бы вежливенько препроводил в страны буржуазной «демократии». Там подобным крепостникам самое настоящее место».

Как известно, он санкционировал такую высылку из Советской России нескольких десятков противников материализма, атеизма и марксизма (своеобразное триединство). В этом, пожалуй, проявилась не только чрезмерная «твердокаменность» ленинского мировоззрения. Сказалась и его чрезмерная нетерпимость к тем, кто не разделял его взгляды. Насильственное избавление сторонников господствующей идеологии от идейных противников не укрепляет, а ослабляет эту самую идеологию. Она становится прибежищем бездарных апологетов, крикливых демагогов, подлых лицемеров, ловких приспособленцев (пример Волкогонова, а также Горбачева, Ельцина и многих других показателен).

* * *

Той же весной Ленин передал членам Политбюро письмо по поводу беспорядков, произошедших в городе Шуе, когда толпа набросилась на тех, кто стал проводить реквизицию церковных ценностей.

«Нам во что бы то ни стало необходимо произвести изъятие церковных ценностей, — писал Ленин, — самым решительным и самым быстрым образом...» Далее он предлагает применять к церковникам, организующим выступления против власти или враждебно на-

строенным по отношению к ней, самые жесткие меры, вплоть до расстрела.

Это письмо Ленина вызывало и вызывает негодующие крики у защитников церкви, которых в наши дни вдруг оказалось чрезвычайно много. Хотелось бы напомнить им некоторые простые истины.

Православная церковь в течение долгого времени была надежным оплотом царской власти в России; плохо это или хорошо, — другой вопрос. С начала XVIII века волею Петра I церковь стала частью государственного механизма. Совершенно естественно, что, являясь, по сути, государственной организацией, церковь и действовала в интересах государства, политика которого далеко не всегда отвечала чаяниям широких масс населения страны.

Не случайно, что среди народа существовало, мягко говоря, прохладное отношение к священнослужителям. В русском фольклоре было множество издевательских рассказов о священниках, что верно подметил еще А. С. Пушкин и блестяще отразил в своей «Сказке о Попе и его работнике Балде».

В конце концов, церковь разделила с правящим режимом ответственность за провалы его политики и вместе с ним понесла кару в революционные годы. Так было во Франции во времена Великой французской революции, так было и у нас после Октября 17-го.

Репрессии против церкви, проводимые советским правительством, усугублялись ее борьбой с советской властью. Требуя от власти соблюдать «Божьи заповеди», священнослужители сами поступали с властью не по-божески. Ни для кого не секрет, что священники активно участвовали в Гражданской войне на стороне антисоветских сил, поднимали восстания на территории

Завещание Ленина

красных, организовывали заговоры и т. д. Все это происходило на фоне общественных потрясений, кровавой междоусобицы, жестоких революционных и контрреволюционных методов подавления своих противников в смутный период российской истории. И если в наше время президент демократической страны мог ввести в столицу танки и расстрелять собственный парламент, то чего же нам требовать от людей, живших в ту суровую эпоху?

Что же касается позиции церкви, занятой ею в голодном двадцать втором году, то иначе, как странной, ее не назовешь. Вместо того, чтобы отдать, по заветам Спасителя, последнюю рубашку ближнему своему, священники не пожелали помочь своей пастве, умирающей от голода, и отчаянно защищали свое «злато и серебро» от передачи в фонд голодающих. Надо ли удивляться, что Ленин с присущей ему категоричностью требовал применения расстрела для «мракобесов от поповщины»?

Не нужно забывать, что Ленин не был святым и благоверным правителем, каким объявили ныне царя Николая II. Ленин был жестким политиком, благодаря чему он смог, по словам Черчилля, вытащить страну из хаоса и анархии и вернуть ее на торный путь цивилизации.

Великодержавный шовинизм Сталина

6 октября 1922 года Ленин написал Каменеву (Льву Борисовичу Розенфельду):

«Т. Каменев! Великодержавному шовинизму объявляю бой не на жизнь, а на смерть. Как только избавлюсь от проклятого зуба, съем его всеми здоровыми зубами.

Надо абсолютно настоять, чтобы в союзном ЦИКе
председательствовали по очереди
русский
украинец
грузин и т. д.
Абсолютно!
Ваш Ленин».

Очевидно, что Владимир Ильич не утратил чувства юмора и оптимизма. И все-таки, почему вдруг такое отношение к великодержавному (то есть русскому) национализму? Или у представителей других национальностей, населяющих Россию, ничего подобного не наблюдалось?

Разберемся в сущности вопроса. Поводом для данного обращения, связанного с образованием СССР, послужило, казалось бы, мелкое событие. Грузинские националисты хотели выделить свою республику из Закавказской федерации (объединявшей Азербайджан, Армению и Грузию). Им противостояли сторонники Орджоникидзе. Когда один из националистов оскорбил последнего, тот ответил пощечиной. Этому проступку придали особое значение, направив для его расследования в Тифлис комиссию во главе с Дзержинским. Она никаких серьезных санкций в отношении Орджоникидзе не применила.

Ленин после беседы с Дзержинским, а затем Зиновьевым придал инциденту поистине символический характер, квалифицировав его, как уже говорилось выше, в качестве великодержавного шовинизма. Ильич обрушился на весь «российский аппарат», защищая национальные меньшинства: «При таких условиях очень естественно, что «свобода выхода из союза»... окажется пустою бумажкой, неспособной защитить российских инородцев от нашествия того истинно русского челове-

Завещание Ленина

ка, великоросса-шовиниста, в сущности, подлеца и насильника, каким является типичный русский бюрократ. Нет сомнения, что ничтожный процент советских и советизированных рабочих будет тонуть в этом море шовинистической великорусской швали, как муха в молоке».

Далее Ленин перешел к выводам и обобщениям: «Поэтому интернационализм со стороны угнетающей или так называемой «великой» нации (хоть великой только своими насилиями, великой только так, как велик держиморда) должен состоять не только в соблюдении формального равенства наций, но в таком неравенстве, которое возмещало бы со стороны нации угнетающей, нации большой, то неравенство, которое складывается в жизни фактически...»

Ленин пояснил: «Нужно возместить так или иначе своим обращением или своими уступками по отношению к инородцу то недоверие, ту подозрительность, те обиды, которые в историческом прошлом нанесены ему правительством «великодержавной» нации».

Если разбирать эти высказывания так, как их разбирают противники Ленина, то есть без учета конкретной исторической обстановки, не вникая в смысл того, о чем говорил Владимир Ильич, — картина вырисовывается зловещая. Получается, что глава советского правительства был отчаянным русофобом и ненавидел титульную нацию государства, которым руководил. А чему тут удивляться, — поясняют нам защитники русских устоев, — ведь Ленин был по материнской линии евреем! Сами понимаете...

Не будем вдаваться в генеалогические споры, отметим лишь, что еврейские корни Ленина выявили раньше всех именно евреи, причем евреи, живущие в Советском Союзе, где Ильич на протяжении десятилетий был

культовой фигурой. Как только советская система рухнула, так сразу еврейские авторы и позабыли о том, что Ленин — еврей. Зато эту гипотезу охотно подхватили наши записные патриоты, забывшие горькие слова бывшего диссидента Александра Зиновьева: «Мы метили в коммунизм, а попали в Россию».

* * *

Итак, о чем идет речь в письмах Ленина по национальному вопросу, в чем обвиняют Владимира Ильича его враги? Первое — он ругал великодержавный русский шовинизм. Но разве не было шовинизма в царской России? Разве не называли ее «тюрьмой народов»? Единичные примеры, когда представителям так называемых «инородцев» удавалось занять высокое положение в государстве, лишь подтверждают общее правило: российская империя во многом жила за счет безжалостной эксплуатации нерусского населения. Национальные окраины страны являлись, по сути, ее колониями, — отсюда множество восстаний за равноправие и даже за независимость от России, которые неоднократно потрясали империю Романовых.

Проводником и олицетворением шовинистической политики был русский бюрократ, проводящий великодержавную линию и безжалостно обирающий местное население, которое нередко отставало от русского по уровню культуры. Шовинизм поощрялся и активно внедрялся бюрократией в русское народное сознание; недаром все русские националистические организации до 17-го года так или иначе были связаны с правительством и с самим царем.

Подобное явление характерно для всех государств, в которых одна нация занимает привилегированное

Завещание Ленина

положение по отношению к другим. За всевозможными расовыми и националистическими теориями часто скрываются обычные экономические интересы.

Стремясь построить государство принципиально нового типа, государство, основанное на равенстве трудящихся всех национальностей, Ленин просто обязан был объявить беспощадную борьбу великорусскому шовинизму. Но обратите внимание, что Владимир Ильич называет «подлецом и насильником» не русского человека вообще, а *бюрократа*, прикрывающегося шовинистическими лозунгами. Этого же бюрократа Ленин именует «великорусской швалью» и сожалеет, что в стране еще так мало новых управленцев из числа «советских рабочих», свободных от националистических предрассудков.

Далее следует логический вывод: для того чтобы бывшие угнетенные нации поверили в свое равноправие и включились в процесс создания нового государства, им необходимо дать дополнительные привилегии. Только при таком условии малая нация почувствует себя действительно равной с титульной нацией страны.

Что же касается великой угнетающей нации, «великой только своим насилием», то здесь опять-таки идет речь не о русской нации в обобщенном виде, а о том положении, в которое она была поставлена своим правительством «в историческом прошлом». Волей или неволей, но эта нация нанесла обиды «инородцам», и для многих из них она, в самом деле, была велика только своим насилием. И снова Ленин подчеркивает, что для преодоления недоверия необходимо доказать свое подлинное стремление отказаться от шовинизма в межнациональных отношениях.

Попытка объединить людей не по национальному, а по какому-либо иному, высшему признаку, собственно,

не новая в мировой истории. Вспомним Новый Завет, в котором говорится о тех временах, когда не будет «ни эллина, ни иудея, ни римлянина», но все люди объединятся во Христе. Ленин, по-своему, конечно, тоже пытался осуществить мечту о равноправном единении «всех языков». Увы, время показало, что до этого еще очень далеко! Но можно ли осуждать Ильича за попытку приблизить прекрасное будущее человечества?

* * *

Второе, за что часто осуждают Ленина, когда вспоминают о его последних работах, посвященных национальному вопросу, — это якобы за русофобию.

Большую нелепость трудно себе представить! Владимир Ильич гордился достижениями России, восторгался ее культурой — достаточно почитать воспоминания о нем М. Горького. Ленин и по своему характеру был стопроцентно русским человеком. Категоричность, максимализм, постановка великих целей и готовность идти на любые жертвы во имя их достижения — разве это не черты русской натуры?

А обостренные чувства справедливости и правды, вспыхивающие бунтами, когда переполнялась чаша народного долготерпения? Восстания С. Разина и Е. Пугачева были поэтому чисто русскими бунтами, так же как и революция 17-го года была чисто русским явлением.

Задумайтесь, почему Ленина в народе называли почтительно-ласково — «Ильич»? Так, по отчеству, раньше именовали уважаемых мужичков-хитрованов, башковитых, радеющих за общество, артельных вожаков. Никого из деятелей нашего государства, кроме Ленина, не удостоил народ подобным уважительным обращением. Это о многом свидетельствует и, уж по

Завещание Ленина

крайней мере, опровергает измышления о русофобстве Владимира Ильича!

Третье обвинение заключается в том, что Ленин будто бы был ставленником все тех же инородцев, прежде всего евреев, проводил политику в их интересах, и сама наша революция-то была чуть ли не еврейской! Те, кто утверждают это, приводят цифры о количестве «инородцев» в различных органах советского государства. В любом случае получается, что русские вроде бы и в большинстве, но вот в процентном соотношении, в сравнении с общим количеством в стране лиц определенной национальности...

Подобные утверждения могут делать или очень наивные люди, или одержимые ненавистью к русской революции. Нормальный человек, знающий Россию, должен понимать, что Русь всегда, от самых своих истоков, впитывала в себя народности и нации, многое заимствовала у них и одновременно приобщала к своей жизни, к своей культуре.

В русских бунтах и в русской революции принимали участие многие нации и народности не потому только, что угнетались они великодержавным царским правительством (хотя и эта причина тоже была), но из-за влияния на них русской идеи о высшей справедливости и всеобщем благе. Как сказал бы Л. Н. Гумилев, русский народ обладал высокой степенью пассионарности с большой силой притяжения.

От этого в войске Е. Пугачева значительную часть составляли башкиры, татары и другие народности Поволжья и Приуралья; от этого в Красной Армии и в советском государственном аппарате служили латыши, грузины, евреи, армяне и еще масса людей разных национальностей, включая венгров и китайцев.

Все они проникались русским духом сопротивления, служили идеям русской революции, стремились, как и русские, построить Царство Божье на земле. Поэтому их надо считать, прежде всего, русскими революционерами, а уж потом вспоминать, кто они по национальности. Причем, иногда эта национальность вообще терялась, совершенно растворялась в русской революционной среде. Так, грузин Джугашвили стал русским революционером Сталиным, соратником Ленина и создателем великой советской империи, объединившей более сотни народов.

* * *

Как уже говорилось, в национальном вопросе И. В. Сталин придерживался несколько иных взглядов, чем Ленин.

Сталин не считал нужным предоставлять «инородцам» какие-либо преимущественные права. Для него главным было создание государства с твердой центральной властью, подчиняющей себе все нации страны.

Как это ни парадоксально, и Сталин и Ленин оба были правы. План Ленина был рассчитан на скорейшее развитие каждой народности в составе Советского государства, а план Сталина предусматривал скорейшее развитие всего этого государства. План Ленина было труднее исполнить, это были стратегические замыслы; план Сталина был больше тактическим, приближенным к жизненным реалиям.

Понимал ли это Владимир Ильич? Безусловно, но он мерил своей меркой. Для него принцип равноправия наций был священным, и он не допускал никаких нарушений этого принципа. Отсюда резкие высказывания Ленина о национальной политике Сталина: «Тот гру-

З а в е щ а н и е   Л е н и н а

зин, который... пренебрежительно швыряется обвинением в «социал-национализме» (тогда как он сам является настоящим и истинным не только «социал-националом», но и грубым великорусским держимордой), тот грузин, в сущности, нарушает интересы пролетарской классовой солидарности, потому что ничто так не задерживает развития и упрочнения пролетарской классовой солидарности, как национальная несправедливость...»

Трагедия Ленина в данном случае была в том, что он видел, как мечта об интернационализме в очередной раз в истории человечества отступает под напором требований времени об упрочнении национального государства.

«Ленин на отдыхе»

Резкие высказывания Ленина в адрес Сталина могли бы свидетельствовать о полном разрыве их отношений. В действительности все было не так просто и однозначно. В 1922 году Ленин, вынужденный по болезни отсутствовать на заседаниях Политбюро, направлял сюда свои послания и обычно первым адресатом ставил Сталина. Ленин из всех других своих соратников предпочитал встречаться с ним. Поэтому именно Сталина Политбюро назначило ответственным наблюдателем за состоянием здоровья вождя.

Обратим внимание на одну малоизвестную статью Сталина. Написал он ее 15 сентября 1922 года по настоятельной просьбе редакции газеты «Правда», где она и была опубликована через 8 дней под заголовком «Тов. Ленин на отдыхе. Заметки». Интересно не только содержание, но и стиль этого сочинения.

По словам автора, Ленин, во время «первого свидания с ним в июле, после полуторамесячного перерыва, произвел... впечатление старого бойца, успевшего отдохнуть после изнурительных непрерывных боев и посвежевшего после отдыха.

— Мне нельзя читать газеты, — иронически замечает тов. Ленин, — мне нельзя говорить о политике, я старательно обхожу каждый клочок бумаги, валяющийся на столе, боясь, как бы он не оказался газетой и как бы не вышло из этого нарушения дисциплины.

Я хохочу и превозношу до небес дисциплинированность тов. Ленина. Тут же смеемся над врачами, которые не могут понять, что профессиональным политикам, получившим свидание, нельзя не говорить о политике...

Совершенно другую картину застал я спустя месяц. На этот раз тов. Ленин окружен грудой книг и газет (ему разрешили читать и говорить о политике без ограничений). Нет больше следов усталости, переутомления... Спокойствие и уверенность вернулись к нему полностью».

Если Сталин не приукрашивает состояние здоровья вождя, то оно, по-видимому, испытывало периодические спады и подъемы, но все-таки наблюдалось неуклонное ухудшение.

Пересказывая темы их беседы, Сталин переходит на телеграфный стиль:

«Внутреннее положение... Урожай... Состояние промышленности... Курс рубля... Бюджет...

— Положение тяжелое. Но самые тяжелые дни остались позади. Урожай в корне облегчает дело. Улучшение промышленности и финансов должно прийти вслед за урожаем. Дело теперь в том, чтобы освободить учреждения и предприятия от ненужных расходов, сократить наши учреждения и предприятия и улучшив их ка-

З а в е щ а н и е   Л е н и н а

чественно. В этом деле нужна особая твердость, и тогда вылезем, наверняка вылезем.

Внешнее положение... Антанта... Поведение Франции... Англия и Германия... Роль Америки...

— Жадные они и глубоко друг друга ненавидят. Раздерутся. Нам торопиться некуда. Наш путь верен: мы за мир и соглашение, но мы против кабальных условий соглашения. Нужно крепко держать руль и идти своим путем, не поддаваясь ни лести, ни запугиванию.

Эсеры и меньшевики, их бешеная агитация против Советской России...

— Да, они задались целью развенчать Советскую Россию. Они облегчают империалистам борьбу с Советской Россией. Попали в тину капитализма и катятся в пропасть. Пусть барахтаются. Они давно умерли для рабочего класса.

Белая пресса... Эмиграция... Невероятные легенды о смерти Ленина с описанием подробностей...

Товарищ Ленин улыбается...»

* * *

Прервем цитату. Сталин перечислил множество разнообразных тем, которые они обсуждали. Он хотел показать, что вождь вновь, как прежде, входит в курс всех дел и начинает их контролировать.

Но Ленина все чаще беспокоят мысли о смерти. Как закоренелый атеист и материалист он ее не боится: всего лишь переход в небытие, к вечному покою; нечто подобное желанной нирване буддистов, избавляющей от всех забот и страданий этого мира.

Например, в середине июня после очередного приступа спазма сосудов он сказал не без иронии своему лечащему врачу Кожевникову:

— Вот история, так будет кондрашка!

Через некоторое время пояснил, почему так считает:

— Мне уже много лет назад один крестьянин сказал: «А ты, Ильич, помрешь от кондрашки», — и на мой вопрос, почему он так думает, он ответил: «Да шея у тебя больно короткая».

Об этом он говорил спокойно и с улыбкой. Хотя, судя по всему, Ленин находился под впечатлением того разговора с крестьянином. Осматривавшему его профессору Ленин пожаловался на ослабление работоспособности, бессонницу и отсутствие душевного покоя.

Он все мучительней переживает болезнь и отход от активной политической и государственной деятельности. По мнению Д. А. Волкогонова, подробно описавшего последние два года жизни Владимира Ильича, объяснение этому простое: «Власть для Ленина — смысл его жизни. Он не собирается с нею расставаться, будучи совершенно больным... Просто власть для Ленина как личности была высшим смыслом его существования, способом реализации своих убеждений, хотя он не был тщеславным человеком».

Примерно так рассуждают те, кто лишен твердых убеждений высшего порядка, превышающих его личные амбиции. Такой человек способен увидеть в Ленине (или в Сталине) лишь маниакального властолюбца и трудоголика. Это мнение людей, не желающих признавать, что такое в реальности, а не в мечтаниях большая, почти абсолютная власть, которую приобрел Ленин. Для неумного честолюбца она действительно становится высшим (по его разуму) наслаждением. Но ведь Ленин, как признают даже его враги, был умен и лишен тщеславия.

Другое дело — стремление реализовать свои убеждения. Став во главе государства, он отдавал все силы на его укрепление. Оставаясь безусловным вождем пра-

З а в е щ а н и е   Л е н и н а

вающей партии, заботился о ее единстве и способности управлять обществом.

Ни материальные ценности, ни власть сама по себе не были для Ленина вожделенными. Он был энтузиастом идеи социализма и коммунизма, определяющей цель его жизни.

Ленину грозила не просто утрата жизни. Любому здравомыслящему человеку ясно, что его личное пребывание на свете, как всякого другого, рано или поздно завершится. Но для того, кто воодушевлен идеей, страшной всего — при жизни — потеря смысла существования.

Поясним, что имеется в виду. Несмотря на утешающие высказывания врачей и близких, Ленин прекрасно сознавал, что сосудистое заболевание головного мозга (как сейчас мы говорим — рассеянный склероз) может привести к параличу, к полной инвалидности. Он хотел, он требовал, чтобы в такой момент кто-то из них дал ему яд.

Его сестра Мария Ильинична в своих воспоминаниях, опубликованных только в конце 1989 года, писала:

«Зимой 20/21, 21/22 годов В. И. чувствовал себя плохо. Головные боли, потеря работоспособности сильно беспокоили его. Не знаю точно когда, но как-то в этот период В. И. сказал Сталину, что он, вероятно, кончит параличом, и взял со Сталина слово, что в этом случае тот поможет ему достать и даст ему цианистого калия. Сталин обещал.

Почему В. И. обратился с этой просьбой к Сталину? Потому что он знал его за человека твердого, стального, чуждого всякой сентиментальности. Больше ему не к кому было обратиться с такого рода просьбой...

С той же просьбой обратился В. И. к Сталину в мае 1922 года после первого удара. В. И. решил тогда, что все кончено для него, и потребовал, чтобы к нему вызвали

на самый короткий срок Сталина. Эта просьба была настолько настойчива, что ему не решились отказать. Сталин пробыл у В. И. действительно минут пять, не больше. И когда вышел от Ильича, рассказал мне и Бухарину, что В. И. просил его доставить ему яд, так как, мол, время исполнить данное раньше обещание пришло. Сталин обещал. Они поцеловались с В. И., и Сталин вышел. Но потом, обсудив совместно, мы решили, что надо ободрить В. И., и Сталин вернулся снова к В. И. Он сказал ему, что, переговорив с врачами, он убедился, что не все еще потеряно... В. И. заметно повеселел и согласился, хотя и сказал Сталину:

— Лукавите?

— Когда же Вы видели, чтобы я лукавил...»

Ленин мужественно боролся с болезнью. И она долго не могла сломить его. Как мы знаем из очерка Сталина, приведенного выше, летом того же года Ильич почувствовал себя лучше (отметим, что лечили его известные отечественные и зарубежные врачи). 31 октября он смог произнести речь на заседании ВЦИКа. 13 ноября на пленуме Конгресса Коминтерна он выступал в течение часа на немецком языке, и вновь без запинок.

Однако облегчение было временным. В конце ноября, идя по коридору, он упал из-за судороги в правой ноге (произошло, по-видимому, локальное нарушение кровообращения в двигательном центре левого полушария головного мозга). 12 декабря он работал у себя в кремлевском кабинете, как оказалось, в последний раз. Его здоровье стало заметно ухудшаться.

Во второй половине декабря в записях врачей, лечащих Ильича, постоянно встречаются записи типа: «стал нервничать», «настроение стало хуже», «настроение плохое».

Завещание Ленина

К весне 1923 года Ленин почувствовал, что положение его безнадежно. Он уже не мог ни передвигаться, ни писать, и даже внятно разговаривать. То, что он хотел сказать, понимала только неотступно опекавшая его Надежда Константиновна. И тогда она, несмотря на резкое ухудшение личных отношений со Сталиным, обратилась к нему с необычной просьбой...

Впрочем, об этом эпизоде свидетельствуют документы. Вот главный:

«Строго секретно.
Членам Пол. Бюро.

В субботу 17 марта т. Ульянова (Н.К.) сообщила мне в порядке архиконспиративном «просьбу Вл. Ильича Сталину» о том, чтобы я, Сталин, взял на себя обязанность достать и передать Вл. Ильичу порцию цианистого калия. В беседе со мной Н.К. говорила, между прочим, что «Вл. Ильич переживает неимоверные страдания», что «дальше жить так невыносимо», и упорно настаивала «не отказывать Ильичу в его просьбе». Ввиду особой настойчивости Н. К. и ввиду того, что В. Ильич требовал моего согласия (В. И. дважды вызывал к себе Н. К. во время беседы со мной и с волнением требовал «согласия Сталина»), я не считал возможным ответить отказом, заявив: «Прошу В. Ильича успокоиться и верить, что, когда нужно будет, я без колебаний исполню его требование». В. Ильич действительно успокоился.

Должен, однако, заявить, что у меня не хватит сил выполнить просьбу В. Ильича, и вынужден отказаться от этой миссии, как бы она ни была гуманна и необходима, о чем и довожу до сведения членов П. Бюро ЦК.

И. Сталин.

21 марта 1923 г.».

Повторим: желание Ленина покончить жизнь самоубийством — свидетельство глубокой трагичности его судьбы. Он был сильным человеком и мужественно боролся с болезнью до тех пор, пока не понял, что она неизбежно победит.

Вспомним слова поэта-мыслителя Федора Тютчева:

Пускай Олимпийцы завистливым оком
Глядят на борьбу непреклонных сердец.
Кто, ратуя, пал, побежденный лишь Роком,
Тот вырвал из рук их победный венец.

Глава 2

КОНФЛИКТ

Две силы есть — две роковые силы,
Всю жизнь свою у них мы под рукой,
От колыбельных дней и до могилы, —
Одна есть Смерть, другая — Суд людской.

Федор Тютчев

«Сталин слишком груб»

В письме XII съезду ВКП(б) от 24 декабря, которое принято считать одним из политических завещаний вождя, Ленин дал краткие характеристики пяти крупнейшим партийным деятелям, уделив главное внимание Сталину и Троцкому. Через несколько дней он счел нужным дополнить:

«Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общении между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях отличается от тов. Сталина только одним перевесом, именно, более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т. д. Это обстоятельство может показаться ничтожной мелочью. Но я думаю, что с точки зрения предохранения от раскола и с точки зрения написанно-

го мною выше о взаимоотношении Сталина и Троцкого это не мелочь или это такая мелочь, которая может получить решающее значение.

Ленин.

Записано Л. Ф. 4 января 1923 г.».

Это письмо странным образом расходится с тем, что мы знаем об отношениях Ленина и Сталина в 1922 году.

Вспоминается статья Сталина о его посещении Ленина летом 1922 года. Идиллия!

Какими были их отношения в последующие дни? Хорошими. Ленин и Сталин несколько раз встречались и долго беседовали (например, 6 декабря — почти два часа). В периоды резкого ухудшения здоровья и угрозы паралича Ленин, как мы знаем, не нашел никакого другого доверенного лица (кроме Крупской), к кому мог бы обратиться с просьбой дать ему яду. Значит, их отношения тогда не были омрачены никакой размолвкой.

Врачи разрешали Ленину работать лишь ограниченное время. Тем не менее Ильич был достаточно деятелен, а 15 декабря даже написал письмо Троцкому («Писать ему очень трудно», — отметила секретарь).

Однако уже на следующий день ему стало хуже. Крупская от его имени просила секретаря передать Сталину, что на Пленуме ЦК Ленин выступать не сможет. Он заболел. Только 23 декабря он вызвал на квартиру секретаря. Она отметила: «В продолжение 4-х минут диктовал. Чувствовал себя плохо. Были врачи». В дальнейшем он также мог диктовать недолго, не более десяти минут.

Но и тогда, диктуя письмо к съезду, Ильич не обмолвился о грубости Сталина, а лишь высказал сомнение, что тот сумеет всегда достаточно осторожно пользоваться имеющейся у него властью Генерального сек-

Завещание Ленина

ретаря. Почему же через десять дней он вдруг резко заговорил о грубости Сталина? Известно, что за этот срок он никакими делами не занимался. Не могло же это быть беспричинным спонтанным решением, объяснимым только лишь его болезненным состоянием? В такое трудно поверить.

Конечно, мы говорим не о письме как таковом, а о диктовке, и, возможно, сумбурной. Запись почти наверняка редактировали сначала секретарша, затем жена, а там и сам автор. Тем более удивительно, что, скажем, Крупская не стала отговаривать мужа, по крайней мере, смягчить формулировки. Да и как-то странно выглядит большое дополнение к письму, посвященное вопросу, который сам автор считает мелочью (или полагает, вполне резонно, что так считают другие).

Если Ленин предполагал, что его добавление к письму поможет предохранить руководство партии от раскола и улучшит взаимоотношения Сталина с Троцким, то при чем тут сталинская грубость? Мягкий, вежливый, терпимый и внимательный к товарищам, «некапризный» руководитель вряд ли благодаря этим качествам сможет преодолеть внутрипартийные разногласия. Помнится, Ленин и сам ненавидел соглашателей.

Предположим, все перечисленные Лениным недостатки характера Сталина (которые могут «показаться ничтожной мелочью») действительно существовали. А во всех других отношениях Генеральный секретарь вполне достоин своего поста. И предлагается подобрать кого-то другого, обладающего всеми его главными достоинствами без мелких недостатков. Как тут поступить, если новая кандидатура не названа?

Полагаю, в таком случае любое собрание примет решение не производить никаких замен, и обяжет ру-

ководителя внимательней контролировать свое поведение, не допускать грубостей (об оскорблениях речи нет), быть деликатнее и т. п.

Итак, судя по всему, одной из загадок «завещания Ленина» следует считать его дополнение к письму с предложением избрать нового генсека по причине грубости Сталина. Эта мысль пришла ему в самом начале 1923 года, не раньше. Наиболее разумное предположение: кто-то подсказал Ильичу эту мысль. Кто и зачем?

Причина ясна: желание снять Сталина с высокого поста. Кем заменить? Наиболее вероятной кандидатурой был бы Троцкий.

Но кто имел в ту пору доступ к Ленину и мог повлиять на него? Скорее всего — Крупская. К тому времени у нее со Сталиным был пренеприятный разговор (об этом инциденте мы еще поговорим). Однако, судя по имеющимся сведениям, в начале года она умолчала о конфликте. И все-таки должна была сказаться ее возникшая или усиливающаяся неприязнь к Сталину, оскорбленное самолюбие. Не желая сильно раздражать мужа, она могла напомнить ему эпизод с пощечиной, которую дал Орджоникидзе грузинскому националисту, а Сталин не осудил этот поступок и вообще проявлял русский великодержавный шовинизм. (Все это, безусловно, мог припомнить Ильич и сам.)

Возможно, существуют какие-то материалы, не учтенные нами, позволяющие более точно и убедительно ответить на данный вопрос. Так или иначе, но факт остается фактом: делегаты съезда не сочли доводы Ленина о грубости и неделикатности Сталина сколько-нибудь вескими для того, чтобы хотя бы поставить на обсуждение вопрос о снятии его с поста Генерального секретаря.

Ссора

В начале марта 1923 года личные отношения между Лениным и Сталиным резко ухудшились. Имеется документ, подтверждающий это:

«Товарищу Сталину.

Строго секретно. Лично.

Копия тт. Каменеву и Зиновьеву.

Уважаемый т. Сталин.

Вы имели грубость позвать мою жену к телефону и обругать ее. Хотя она Вам выразила согласие забыть сказанное, но, тем не менее, этот факт стал известен через нее же Зиновьеву и Каменеву... Поэтому прошу Вас взвесить, согласны ли Вы взять сказанное назад и извиниться или предпочитаете порвать между нами отношения.

С уважением *Ленин*».

Странно уже одно то, что письмо, выдержанное в корректном тоне, примерно в стиле вызова на дуэль, посвящено инциденту, случившемуся около двух месяцев назад.

Тогда произошло то, что мы уже вскользь упоминали. Началось все с того, что 21 декабря Надежда Константиновна записала под диктовку Ленина одно деловое письмо. Она утверждала, что сделала это с разрешения врачей. По-видимому, так и было. Но ведь для составления письма Ильичу пришлось вникать в текущие политические проблемы. А этого делать врачи не рекомендовали.

Сталин, на которого ЦК возложил ответственность за соблюдение режима, установленного врачами для Ленина, позвонил Крупской и обругал ее за то, что она нарушила партийную дисциплину и не заботится о здо-

ровые вождя. (Второй упрек был совершенно несправедливым.) Он угрожал Надежде Константиновне разобратить ее поведение на Контрольной комиссии.

Точное содержание их разговора неизвестно. По свидетельству М. И. Ульяновой, Сталин, вызвав Крупскую к телефону, «в довольно резкой форме, рассчитывая, видимо, что до В. И. это не дойдет, стал указывать ей, чтобы она не говорила с В. И. о делах, а то, мол, он ее в ЦКК потянет. Н. К. этот разговор взволновал чрезвычайно: она была совершенно не похожа сама на себя, рыдала, и пр.».

Были со стороны Сталина высказаны ей какие-то особенно грубые, бранные слова? Это совсем не обязательно. Надо иметь в виду нервное напряжение, которое испытывала в то время Крупская. Неужели она меньше Сталина заботилась о здоровье мужа?!

Безусловно, ее оскорбила угроза Сталина публично обсудить и осудить ее поступок. Для старого члена партии, которым она являлась, это было бы позором.

Почему Сталин позволил себе такую выходку? Его враги объясняют просто: он хотел навредить Ленину. Однако такая версия весьма сомнительна, даже нелепа.

Судите сами. Владимир Ильич все еще считается вождем и лидером партии. С ним постоянно находится Надежда Константиновна. Она имеет возможность больше, чем кто-либо иной, влиять на него. Какой смысл Сталину или кому-то еще портить с ней отношения?

Никакого смысла в этом нет. Можно возразить: а если коварный генсек специально нагрубил Крупской для того, чтобы она пожаловалась мужу, а тот, в свою очередь, вспылит, чрезмерно взволновался и получил инфаркт или инсульт. Разве такое невозможно?

Возможно, если все эти три человека были на редкость глупы, наивны, а Сталин вдобавок еще и вовсе

З а в е щ а н и е   Л е н и н а

потерял рассудок в предвкушении абсолютной власти. Правда, такому злодею, обладай он хотя бы средними умственными способностями, следовало бы действовать просто и радикально, дав Ильичу яду.

Не мог Сталин нарочно нагрубить Крупской хотя бы потому, что она вовсе не обязательно должна была тут же сообщить случившееся Ленину. (Она действительно этого не сделала, что и предполагал Сталин.) Кроме того, Ленин от такого сообщения мог бы не скончаться от удара, а, как он выражался, «взъяриться» и отомстить обидчику жены. Но, скорее всего, следовало бы ожидать, что Крупская, ничего не сказав Ленину из-за заботы о его здоровье, все-таки постаралась косвенно, обвиняками внушить ему мысль, что Иосиф Виссарионович по некоторым своим личным качествам не подходит для должности Генерального секретаря партии.

Последнее предположение, возможно, близко к истине.

* * *

Итак, можно сделать предварительный вывод: Сталин нагрубил Крупской под влиянием эмоций, в гневе, ибо считал своим долгом выполнять поручение ЦК и заботиться о том, чтобы все рекомендации врачей выполнялись неукоснительно.

На гневное письмо Ленина Сталин сразу же ответил. Его послание — на официальном бланке и без пометки «секретно» — по стилю серьезно отличается от ленинского:

«Т. Ленин!

Недель пять назад я имел беседу с тов. Н. Конст., которую я считаю не только Вашей женой, но и моим старым партийным товарищем, и сказал ей (по телефону)

прибл. следующее: врачи запретили давать Ильичу полит. информацию, считая такой режим важнейшим средством вылечить его. Между тем Вы, Н. К., оказывается, нарушаете этот режим: нельзя играть жизнью Ильича...

Я не считаю, что в этих словах можно было усмотреть что-либо грубое или непозволительное, предпринятое «против» Вас, ибо никаких других целей, кроме цели быстрейшего Вашего выздоровления, я не преследовал. Более того, я считал своим долгом смотреть за тем, чтобы режим проводился. Мои объяснения с Н. Кон. подтвердили, что ничего, кроме пустых недоразумений, не было тут, да и не могло быть.

Впрочем, если Вы считаете, что для сохранения «отношений» я должен взять назад сказанные выше слова, я их могу взять назад, отказываясь, однако, понять, в чем тут дело, где моя «вина» и чего собственно от меня хотят.

Сталин.

7.III.23 г.».

Письмо имеет некоторые характерные особенности, позволяющие понять чувства автора. Например, две одинаковые даты, стоящие в начале и в конце. Забывчивость автора сделается понятной, если учесть изменение его почерка. Сначала он ясный и ровный, но постепенно становится все менее разборчивым, рваным, нервным, а подпись и вовсе похожа на закорючку, что совершенно не свойственно Сталину.

Можно предположить, что Иосиф Виссарионович очень торопился и поэтому стал писать слишком бегло и неразборчиво. Вряд ли для такого важного письма он не мог уделить лишних пять минут. Он не просто раздражен, но и обижен ленинскими упреками. Даже не считает нужным употреблять формальное «уважаемый».

Завещание Ленина

Безусловно, его возмутило то, что конфиденциальный разговор с Крупской кто-то (не обязательно она сама) передал Ильичу. Тем более что с ней он уже объяснился по поводу инцидента и, по-видимому, они, по меньшей мере, договорились о том, чтобы Ильич ничего о нем не узнал. Но вышло иначе. И Сталин, старый конспиратор, заподозрил неладное.

Кто сообщил Ленину о ссоре? Зачем это было сделано? Почему вдруг именно в данный момент ему был передан «компромат» на Генерального секретаря? Могло ли так произойти случайно?

Обмен резкими письмами между Лениным и Сталиным, давними друзьями, вызывает много вопросов. Поэтому есть смысл сначала выяснить его предысторию.

Почему возник конфликт?

Большое недоумение вызывает то обстоятельство, что речь шла об инциденте, произошедшем два месяца назад. Он давно уже был исчерпан. С тех пор Сталин не раз общался с Крупской. Лично ей не было никакого смысла ворошить прошлое.

Столкновение двух партийных лидеров произошло в самое неподходящее время для них обоих. Владимир Ильич продолжал болеть, и лишние волнения, да еще такие сильные, могли только усугубить его состояние (что и произошло). В апреле должен был состояться XII съезд ВКП(б), и Сталину могло сильно навредить ухудшение отношений с Лениным, все еще сохранявшим свой высокий авторитет.

Случайно ли произошло такое совпадение?

Все прекрасно знали: у Владимира Ильича нервное расстройство. Зачем же в таком случае раздражать его,

сильно волновать? Тем более что его состояние волнообразно то ухудшалось, то временно улучшалось. А тут — такое потрясение!

В конце 1922 года его по рекомендации врачей, можно сказать, изолировали от любой текущей работы. Однако ничем, кроме политики, он по-прежнему не интересовался, приступив к чтению семитомника «Записки о революции». (Автор Н. Н. Суханов, участник революционных событий, бывший меньшевик и член ЦИКа, работал в ряде советских учреждений как экономист и редактор периодических изданий. Его жена М. И. Гляссер была секретарем Ленина по вопросам партийного руководства.)

В середине января его секретарь М. А. Володичева записала в дневнике дежурств:

«Владимир Ильич вызывал от 6-ти до 7-ми на полчаса. Читал и вносил поправки в заметки о книге Суханова. В течение минут 10-ти, 15-ти диктовал продолжение о том же...

В то время, когда диктовал фразу «Нашим Сухановым...», — на слове «...и не снится...» остановился и, пока обдумывал продолжение, шутливо бросал слова: «Вот какая память! Совершенно забыл, что я хотел сказать! Черт возьми! Беспамятность удивительная!» Просил сейчас же переписать заметки и дать ему.

Наблюдая его во время диктовки несколько дней подряд, заметила, что ему неприятно, если его прерывают на полуфразе, т. к. тогда он теряет нить мыслей».

Нетрудно заметить, что из этих наблюдений нельзя сделать вывод о каком-либо расстройстве психики Ленина, в чем пытаются уверить нас его противники. Конечно, небольшие провалы в памяти, отсутствие прежней сосредоточенности и гибкости мысли указывают на заболевание сосудистой системы головного

Завещание Ленина

мозга. Но Владимир Ильич следит за своим состоянием, старается шутить. Нормальная реакция. Учтем, что в это время он диктовал несколько статей (о них еще будет речь), которые тоже считаются частью его «завещания». В них трудно усмотреть отсутствие здравого смысла, логики.

29 января секретарь Л. А. Фотиева записала, что Сталин спросил ее, «не говорю ли я Владимиру Ильичу чего-нибудь лишнего, откуда он в курсе текущих дел?.. Ответила — не говорю и не имею никаких оснований думать, что он в курсе дел».

Что означает этот разговор? То ли проницательность Ленина была так велика, что он догадывался, основываясь на предыдущем опыте, о ходе текущих дел в партийном аппарате. Не исключено, что, несмотря на запрет врачей, кто-то информировал его об этом. Кто? Скорее всего, секретарь Гляссер. Весьма вероятно, она симпатизировала Троцкому, у которого были неплохие отношения с ее мужем Сухановым.

Впрочем, возможно, кое-что ему она «по секрету» сообщала, а о чем-то он и сам догадывался. Во всяком случае, как мы уже говорили, нельзя считать спонтанными ни его добавление к письму съезду от 24 декабря, ни, тем более, приведенную выше совершенно секретную и весьма резкую записку в адрес Сталина.

Она адресована «лично», хотя и с копией, предназначенной для Зиновьева и Каменева. Выходит, эти два члена Политбюро вели «конспиративные» разговоры с Надеждой Константиновной, обсуждая, в частности, поведение Сталина. Мог ли Ленин от них узнать о ссоре Сталина с Крупской? Трудно сказать. В то время они не были сторонниками Троцкого. Конечно, политики могут иметь какие-то свои, нам не понятные основания для тех или иных поступков. И все-таки, вряд ли «ком-

промат» на Сталина исходил от них (если только в тот момент у них с Троцким не было тайного сговора).

4 февраля, как отметила М. А. Володичева, Владимир Ильич диктовал продолжение статьи «Лучше меньше, да лучше» больше получаса. «Вид свежий, голос бодрый... Надежда Константиновна передала мне, что у него был немецкий доктор (Ферстер), который наговорил ему много приятных вещей, разрешил гимнастику, прибавил часы для диктовки статей, и что Владимир Ильич был очень доволен». Однако после двухчасового перерыва его состояние ухудшилось: «Темп диктовки был медленнее обычного. Компресс на голове. Лицо побледнело. Видимо, устал».

На следующий день ему лучше не стало. Диктовал медленно, а после очередной запинки сказал:

— Что-то у меня сегодня не гладко, не бойко идет.

Вечером того же дня он работал 20 минут, был относительно бодр, хотя говорил медленно, жестикулируя левой рукой и перебирая пальцами правой.

Лечащий врач в эти дни отметил, что у Ленина наблюдались «сперва незначительные, а потом и все более глубокие, но всегда только мимолетные нарушения речи... Владимиру Ильичу было трудно вспомнить то слово, которое ему было нужно, то они проявлялись тем, что продиктованное им секретарше он не был в состоянии прочесть, то, наконец, он начинал говорить нечто такое, что нельзя было совершенно понять».

Последнее замечание злопыхатели немедленно перетолковали как указание на бред безумца. Но в действительности наблюдалось расстройство речи, а не умственной деятельности. Это разные вещи. Нечто подобное происходит с теми, кто перенес инсульт, затронувший речевой центр, расположенный в левом полу-

Завещание Ленина

шарии головного мозга. Эти люди не теряют даже чувства юмора, хотя внятно говорить не могут.

У Ленина вновь и вновь наступали периоды улучшения состояния. Он упорно принимался за работу, диктуя свои статьи. 7 февраля, запнувшись на словах «и чем круче эта революция», несколько раз их повторил и засмеялся:

— Тут я, кажется, завяз окончательно, так и отметьте — завяз на этом самом месте!

Болезнь его протекает пульсациями. 12 февраля он не может работать из-за сильных головных болей, и врачи вновь категорически запрещают ему читать газеты. А уже днем 14-го Фотиева записывает: «Голова не болит. Сказал, что он совершенно здоров. Что болезнь его нервная и такова, что иногда он совершенно бывает здоров, т. е. голова совершенно ясна, иногда же ему бывает хуже». Но вечером: «Вызвал снова. Затруднялся речью, видимо, устал».

Кому это выгодно?

В конце февраля здоровье Ленина, судя по всему, несколько улучшилось. Он смог продиктовать сравнительно большую статью «Лучше меньше, да лучше». Кроме того, в зоне его внимания была национальная проблема.

И вот 5 марта произошло резкое и решающее обострение болезни, теперь уже без сколько-нибудь значительных улучшений в дальнейшем. Вряд ли можно сомневаться, что не случайно это событие совпало с гневным письмом Сталину, которое он тогда начал писать, но отложил, сказав, что у него сегодня что-то плохо выходит.

Одновременно он просил Троцкого выступить на Пленуме ЦК партии по «грузинскому делу». Возможно, Владимир Ильич вновь решил критиковать Сталина за русский великодержавный шовинизм. Это стало бы более веским основанием для снятия его с поста генсека.

Но Лев Давидович не был таким простачком, чтобы демонстрировать перед делегатами съезда свои претензии на высшую ступень власти и соперничество со Сталиным. Тем более когда это произошло бы на фоне «озвучивания» ленинских тезисов по национальному вопросу. Будучи хитроумным политиком, Троцкий отклонил предложение Владимира Ильича, сославшись на болезнь.

6 марта, закончив письмо Сталину, Ленин почувствовал себя плохо. Надежда Константиновна просила секретаря не пересылать письмо (возможно, она считала, что инцидент исчерпан, и не желала вновь обострять отношения с Иосифом Виссарионовичем). Однако на следующий день Володичева, переговорив с Каменевым, настояла на том, чтобы распоряжение Владимира Ильича было выполнено. (Не она ли сообщила Ленину о бывшей ссоре Сталина с Крупской?)

Сталин ответил тотчас. Его ответ не был сразу передан Ленину, который серьезно заболел.

* * *

Итак, судя по всему, известие о конфликте Сталина с Крупской, полученное Лениным с опозданием на два месяца, нанесло сильный удар, прежде всего, по нему. Вряд ли Надежда Константиновна, по какой-то непонятной причине вдруг припомнив давнюю обиду и решив отомстить Генеральному секретарю, рискнула бы пожертвовать ради такого сомнительного удовольствия здоровьем мужа.

Завещание Ленина

В принципе, она могла решиться на такой шаг. Но это произошло бы не из-за личной неприязни (мелочность была ей чужда), а только из каких-то политических соображений.

Предположим, она была твердо уверена, что надо непременно, отбросив все сомнения и не считаясь со здоровьем мужа, снять Сталина с его поста. Но откуда бы взялась у нее такая уверенность и решимость? И ради кого она совершила бы поступок, способный повредить Ильичу? Был только один претендент на верховную власть — Троцкий. Она относилась к нему с уважением, не более того.

Так кто же и ради чего решил нанести «двойной удар» — и по Ленину, и по Сталину? Точнее даже так: невзирая на возможные тяжелые последствия для здоровья Ленина, восстановить его против Сталина, чтобы снять его с поста Генерального секретаря партии на предстоящем съезде ВКП(б)?

А может быть, Сталин из опасения, что из-за ленинской рекомендации, изложенной в письме к съезду, будет лишен поста генсека, специально использовал свой конфликт с Крупской для того, чтобы нанести смертельный удар по ее мужу? Некоторые авторы вполне серьезно оценивают такую возможность как весьма вероятную. При этом они ссылаются на страшное коварство, бесчеловечную жестокость и восточную хитрость Иосифа Виссарионовича.

Данная версия выглядит по меньшей мере глупой. Как, при всем своем хитроумии, мог этот злодей предугадать резкое ухудшение здоровья Ильича после получения им известия о ссоре Сталина и Крупской? Созвал предварительно консилиум врачей? Тут ведь надо было действовать наверняка. Проще всего было предугадать возмущение Ильича. Кстати, так и произошло; сначала

возмущенное письмо, а только затем нервный срыв и ухудшение здоровья.

Учтем и то, что Ленин не счел нужным писать дополнительное письмо к съезду, а ограничился сугубо личным частным посланием. О том, что Сталин груб и способен злоупотреблять властью, он написал раньше.

Но главное даже не это. Ведь Владимир Ильич все не собирался обнародовать свое «завещание» (кажется, это Надежда Константиновна уже после его смерти назвала данные документы «политическим завещанием Ленина»). Следовательно, Сталин был заинтересован в том, чтобы здоровье Ильича не ухудшалось, ибо в противном случае «завещание» было бы опубликовано. При этом Сталину было целесообразно как можно мягче обходиться с Крупской и ни в коем случае не вступать в конфликт с Лениным.

Если бы Сталин подозревал Крупскую в кознях против него, или же она считала его виновным, хотя бы отчасти, в обострении болезни Ленина, то после его смерти отношения между ними стали по меньшей мере натянутыми. Этого не произошло. Судя по всему, она не была злопамятной и полагала, что былой конфликт со Сталиным давно исчерпан.

Крупская в конце 1924 года, написав первые главы воспоминаний о Ленине, послала рукопись Сталину. В сопроводительной записке призналась: «Это я написала с маху и, признаться, не могла перечесть... Напишите, пожалуйста, что думаете... Простите, что обращаюсь к Вам с этой личной просьбой, но что-то не могу сама решить. Но писать воспоминания я могу только так».

Ответ Сталина: «Надежда Константиновна! Прочитал Ваши воспоминания залпом и с удовольствием. Нужно обязательно напечатать, по возможности без изменений».

З а в е щ а н и е   Л е н и н а

На мой взгляд, имеется наиболее вероятный и обоснованный ответ на вопрос, кому было выгодно до предела обострить отношения Ленина со Сталиным. В этом был заинтересован прежде всего, если не исключительно, Троцкий. Кто ему помогал? Скорее всего, либо Гляссер, Володичева, либо Фотиева.

Понимая, что подобное серьезное обвинение должно быть более точно аргументировано, не настаиваю, что предложенная версия единственно верная. Любая вероятность, пусть даже и большая (скажем, 90%), все-таки не достоверность.

Существует непонятный перерыв в записях дежурных секретарей Ленина как раз на конец февраля — начало марта. Вряд ли никто из них не считал нужным отмечать свои наблюдения. В это время он диктовал статью «Лучше меньше, да лучше», где нет намека на сильное раздражение по какому-нибудь поводу; нет высказываний против Сталина (вообще не упомянуто ни одной фамилии).

В 45-м томе полного собрания сочинений Ленина в конце этой его последней работы указано: «Печатается по записи секретаря (машинописный материал)», но фамилия не приведена. Можно предположить, что та, кому диктовал Владимир Ильич, «проговорились» о ссоре Крупской со Сталиным. Тогда Ленин мог потребовать от жены пояснений и затем написал гневное письмо генсеку.

Пожалуй, только кто-то из секретарей, а не Надежда Константиновна, мог (могла) сначала намекнуть Ленину на грубое поведение Сталина (в конце 1923 года, когда он считал нужным дополнить письмо к съезду — в пользу Троцкого, и в начале марта, когда ему стали известны подробности ссоры, да еще, возможно, в пре-

увеличенном виде). Зиновьев и Каменев в тот период были настроены против Троцкого. Хотя, как знать, видя растущий авторитет Сталина, кто-то из них мог попытаться воспрепятствовать этому, используя веское мнение Ленина.

Вновь повторяю: конфликт между тяжело больным, с малыми надеждами на выздоровление бесспорным лидером партии и государства с генсеком был выгоден прежде всего, если не единственно, Льву Давидовичу. Он понимал, что если на предстоящем съезде не удастся снять Сталина, то тот еще более укрепит свою власть и постарается в скором времени окончательно подорвать его позиции в партийном руководстве. Другого благоприятного момента сохранить свой авторитет и подняться на высшую ступень в партийной иерархии у Троцкого могло и не быть.

В начале 1923 года практически все в руководстве партии сознавали, что даже если Ленин будет жив, то его здоровье никогда уже не будет таким, как прежде, и работать в полную силу он уже не сможет. А только так требовалось действовать руководителю партии и государства в то трудное для страны и народа время.

Кто заменит Ленина? Этот вопрос был чрезвычайно актуальным и важным. Приобретало существенное значение его собственное мнение о том, кого он сам считает своим преемником. И это, безусловно, прекрасно понимал Троцкий.

Если он и организовал «компромат» на Сталина, то ничего особо злодейского в этом нет. Он действовал как профессиональный политик и весьма честолюбивый человек. Никаких оснований заботиться о здоровье Ленина у него не было. Он привык использовать людей как средство для достижения своих целей. Вряд

Завещание Ленина

ли случайно Политбюро уполномочило Сталина, а не кого-то другого (например, Троцкого) следить за соблюдением Лениным режима, рекомендованного врачами.

Лениниана Троцкого

Едва ли самая большая и чрезвычайно важная загадка «политического завещания» связана с тем, что оно сравнительно быстро — несмотря на запрет Ильича! — стало известно некоторым членам Политбюро, после чего была спровоцирована серьезная ссора между Лениным и Сталиным.

Мог ли Троцкий использовать упомянутое письмо к съезду и конфликт Крупской со Сталиным в своих интересах?

Кому-то может показаться, что вопрос этот звучит кощунственно по отношению к прославленному деятелю Революции и Гражданской войны, павшему жертвой сталинских репрессий. Тем более что Лев Давидович посвятил Владимиру Ильичу немало своих работ, отзываясь о нем в самых возвышенных тонах.

Судя по всему, Троцкий знал о том, что Ленин в своем письме поставил его на второе место после Сталина и указал на его серьезные недостатки как руководителя. Не потому ли он утверждал в 1925 году: «Никакого «завещания» Владимир Ильич не оставлял, и сам характер его отношения к партии, как и характер самой партии, исключает возможность такого «завещания»». По его словам, «под видом «завещания» в эмигрантской и иностранной буржуазной и меньшевистской печати упоминается обычно (в искаженном до неузнаваемости виде) одно из писем Владимира Ильича, заключавшее в себе советы организационного порядка».

Формально он был прав. Юридически оформленного завещания не было. Его и не могло быть, ибо власть в Советском государстве не передавалась по наследству. Как мы знаем, Ленин не предлагал кого-то конкретно на свое место, но лишь предельно кратко и достаточно емко характеризовал некоторых партийных лидеров. Однако обстоятельства сложились так, что тяжелая болезнь, а затем смерть прервали деятельность вождя. Поэтому его последние работы оказались, по сути, именно завещанием.

Почему же Троцкий не пожелал этого признать? По-видимому, ему не понравился отзыв о нем Ленина. Ведь Лев Давидович искренно верил в свое призвание как единственного достойного преемника «вождя мирового пролетариата». Так думал не только он один, но и некоторые влиятельные большевистские лидеры.

На исходе Гражданской войны А. В. Луначарский с восторгом отзывался о талантах Троцкого и признал кое в чем его превосходство над Лениным:

«Не надо думать, однако, что второй великий вождь русской революции во всем уступает своему коллеге; есть стороны, в которых Троцкий бесспорно превосходит его: он более блестящ, он более ярок, он более подвижен...

Когда происходит истинно великая революция, то великий народ всегда находит на всякую роль подходящего актера, и одним из признаков величия нашей революции является то, что Коммунистическая партия выдвинула из своих недр или позаимствовала из других партий, крепко внедрив их в свое тело, столько выдающихся людей, как нельзя более подходящих к той или другой государственной функции.

Более же всего сливаются со своими ролями именно два сильнейших среди сильных — Ленин и Троцкий».

Завещание Ленина

Тут, как говорится, ни убавить, ни прибавить. Фигуры расставлены как на шахматной доске. Две наиглавнейшие. Бесспорные лидеры. Хотя некоторые комплименты в адрес Троцкого могут вызвать улыбку: более блестящ, ярк, подвижен, да еще и подходящий актер для своей роли. Последнее, конечно же, сказано в переносном смысле, но в сочетании с первыми качествами выглядит как признание в человеке не столько политика и деятеля, сколько актера и демагога.

Луначарского восхищает его ораторский талант: «Эффектная наружность, красивая широкая жестикация, могучий ритм речи, громкий, совершенно не устающий голос, замечательная складность, литературность фразы, богатство образов, жгучая ирония, парящий пафос, совершенно исключительная, поистине железная по своей ясности логика — вот достоинства речи Троцкого».

Такое впечатление производил Лев Давидович на своего сторонника, точнее, на многих своих поклонников. В этой связи интересно и полезно обратить внимание на реакцию других людей, представителей более или менее значительной части русского народа.

В декабре 1918 года А. Л. Ратиев пришел на объединенное собрание Курского партактива. Зал бывшего Дворянского собрания был переполнен. На сцене полукругом выстроились в два ряда люди. Вышли два военных стенографа. Каждый сел за свой стол, положив перед собой бумагу, карандаши и наган. Напряжение росло. Наконец в центре сцены появляется Председатель Реввоенсовета Республики Троцкий: наглухо застегнутая тужурка, бриджи, хромовые сапоги, пенсне. Начинает долгую речь. Говорит о международном положении. Все внимательно слушают. Переходит к внутреннему положению. И тут взрывается:

— Чем компенсировать свою неопытность? Запомните, товарищи, — только террором! Террором последовательным и беспощадным! Уступчивости, мягкотелости история никогда нам не простит. Если до настоящего времени нами уничтожены сотни и тысячи, то теперь пришло время создать организацию, аппарат, который, если понадобится, сможет уничтожать десятками тысяч. У нас нет времени, нет возможности выискивать действительных, активных наших врагов. Мы вынуждены стать на путь уничтожения, уничтожения физического всех классов, всех групп населения, из которых могут выйти возможные враги нашей власти...

— Есть только одно возражение, заслуживающее внимания и требующее пояснения. Это то, что, уничтожая массово, и прежде всего интеллигенцию, мы уничтожаем и необходимых нам специалистов, ученых, инженеров, докторов. К счастью, товарищи, за границей таких специалистов избыток. Найти их легко. Если будем им хорошо платить, они охотно поедут работать к нам...

По заверению Ратиева, он предельно точно передал слова Троцкого. Но так или иначе, основной посыл революционного террориста был, безусловно, таким. Следует только иметь в виду: такой людоедской установки Ленин не давал.

Троцкий всегда вел себя как индивид, стоящий над толпой. Другое дело — отношение к Ленину. Тут Лев Давидович не скупился на красивые выражения. Вот, к примеру, выдержки из его речи на заседании ВЦИКа 2 сентября 1918 года, после покушения на Ильича:

«Какое счастье, что все, что мы говорим, и слышим, и читаем в резолюциях о Ленине, не имеет формы некролога. А ведь до этого было так близко...

Завещание Ленина

...В эти трудные часы, когда русский рабочий класс на внешнем фронте, напрягши все силы, борется с чехословаками, белогвардейцами, наемниками Англии и Франции, наш вождь борется против ран, нанесенных ему агентами тех же белогвардейцев, чехословаков, наемниками Англии и Франции. Тут внутренняя связь и глубокий исторический символ!..

О Ленине никто не мог сказать, что в его характере не хватает металла; сейчас у него не только в духе, но и в теле металл, и таким он будет еще дороже рабочему классу России...

Каждый дурак может прострелить череп Ленина, но воссоздать этот череп — это трудная задача даже для самой природы...»

Быть может, кто-то восхитится подобными ораторскими перлами. Но если вдуматься, эти выражения смахивают на пародию или скрытую иронию, если не на пустозвонство.

Ссылка на близость некролога производит странное впечатление. Не менее странное выражение: «вождь борется против ран». Как можно бороться против ран, остается только гадать. Если — с ранами, то и вовсе скверно звучит. А сколько агентов разных стран нанесли вождю раны! Даже удивительно, что их всего две. Безусловная железная логика присутствует в мысли о том, что чем больше металла в теле вождя, тем он дороже рабочему классу. Тут, правда, не совсем ясно, кто подорожает (вождь) или что (металл). Но в любом случае как-то делается не по себе, когда вспомнишь, что оратор намекает на пули, всаженные в живое тело с целью убийства. Неужели мало двух?

Тонко подмечено, что любой дурак, была бы охота, может прострелить череп Ильича. Вроде бы дураков маловато, вот и не прострелили. А какая глубокая мысль

о воссоздании черепа Ильича силами природы! Хотя если подумать, то придешь к выводу, что в данном вопросе природа вообще выглядит беспомощной. Ей не под силу сотворить точную копию черепа не только гения, не только гоминида или на худой конец низшего примата, но и лягушки или рыбы. У нее с незапамятных времен заведено обходиться без штампованной продукции. А вот Троцкий, как видно, без штампов обойтись не мог, а использовал их подчас невпопад.

В данном случае причина, как мне представляется, в неискренности оратора. Удрученный горем или потрясенный неожиданным известием человек нередко несет нескладную околесицу. Это понять и простить нетрудно. Но когда говорят излишне красиво и цветисто, в этом видится привычка к ораторским приемам, рассчитанным на толпу, не склонную к размышлениям.

* * *

Но может быть, в данном конкретном случае Льву Давидовичу отказало вдохновение? Тогда обратимся к его докладу на VII Всеукраинской партийной конференции 5 апреля 1923 года. Он заговорил о болезни Владимира Ильича. Обронил свежую мысль: «Создать гения нельзя даже и по постановлению могущественнейшей и дисциплинированной партии...» А то ведь кто-то думает, будто гениев производят по мудрым постановлениям, да еще усилиями могучей и дисциплинированной партии, а не каким-нибудь доисторическим способом.

Правда, затем оратор успокоил: «...но попытаться в наивысшей мере, какая достижима, заменить его во время его отсутствия можно: удвоением коллективных

Завещание Ленина

усилий. Вот теория личности и класса, которую в популярной форме политруки излагают беспартийному красноармейцу». Остается только пожалеть беспартийного красноармейца, которого потчуют подобными теориями.

Тут впору вспомнить высказывание Луначарского — восторженного почитателя ораторского таланта Троцкого: «К искусству отношение у него холодное, философию он считает вообще третьестепенной, широкие вопросы миросозерцания он как-то обходит, и, стало быть, многое из того, что является для меня центральным, не находило в нем никогда никакого отклика. Темой наших разговоров была почти исключительно политика».

Учтем и такие его замечания: «у Троцкого был сухой и надменный тон»; «Троцкий — человек колющий, нетерпимый, повелительный»; «Троцкому очень плохо удавалась организация не только партии, но хотя бы небольшой группы»; «даже немногие его личные друзья... превращались в его заклятых врагов». Перед нами предстает весьма ограниченная, но чрезвычайно самодовольная, самовлюбленная, вдохновенно болтливая личность.

Уже одно это заставляет предполагать, что по отношению к партии большевиков и лично к Ленину Троцкий занимал прагматичную политику: использовал удачно подвернувшуюся конъюнктуру для возвеличивания самого себя.

Имеет смысл вспомнить несколько иные высказывания Троцкого в адрес так превозносимого им вождя и учителя. Из письма грузинскому меньшевику Чхеидзе: «Каким-то бессмысленным наваждением кажется дрянная склока, которую систематически разжигает

сих дел мастер Ленин, этот профессиональный эксплуататор всякой отсталости в русском рабочем движении... Все здание ленинизма в настоящее время построено на лжи и фальсификации и несет в себе ядовитое начало собственного разложения».

Впрочем, Ильич не оставался в долгу, прилепив мастеру красноречия кличку «Иудушка», называя его «проходимец», «шельмец», «подлейший карьерист». Но, как опытный политик, Ленин понимал, что работать приходится с теми людьми, какие есть. Он мог заставить трудиться на благо партии и Троцкого, и многих других, подобных Льву Давидовичу.

Безусловно, мнения людей меняются со временем. На нашей памяти сколько раз одни и те же люди непомерно восхищались вождями, а при смене руководства поносили прежних вождей, изливая свои восторги в адрес новых. Некоторые умельцы ухитрились проделать подобный трюк, своеобразное политическое сальто-мортале четырежды (от Сталина до Горбачева), а то и пять раз.

Подобные чемпионы возникли уже после Троцкого, который, надо отдать ему должное, до их уровня не опускался. Но если уж Ильич назвал его Иудушкой, то вряд ли в последующие несколько лет имел серьезные основания усомниться в правильности такого определения. Тем-то и отличается Иудушка, что до его сути не докопаешься: он говорит одно, а думает, возможно, нечто совсем другое.

Правда, из всего этого еще не следует, что именно Троцкий постарался, невзирая на тяжелую болезнь Владимира Ильича, спровоцировать его конфликт со Сталиным. Остается неясной роль в этом инциденте Каменева и Зиновьева (о ней мы еще упомянем).

Альтернативная ложь

В нормальной дискуссии одной версии нередко противопоставляют другую — альтернативную. В политике и пропаганде, увы, в качестве альтернативы доверчивой публике преподносится красочно упакованная грязная ложь. Тем более в наше время рыночной продажности и покупаемости.

Какая же есть альтернатива выводу, к которому мы пришли? Она имеет широкое распространение, ибо тиражируется в прессе, по радио и телевидению. Даже имеется соответствующая пьеса весьма известного политдраматурга М. Шатрова, обласканного вниманием членов Политбюро, а затем и «демократов». Она называется «Дальше... дальше... дальше!», хотя в смысле извращения истории вроде бы дальше ехать некуда.

Вкратце альтернативная версия истории болезни и «завещания» Ленина, обиды Крупской, выдвижения Сталина на вершину власти в стране и последующих событий такова.

Когда Владимир Ильич почувствовал себя плохо, исполненный коварства Сталин постарался максимально изолировать его от партии, Политбюро и народа. Зачем? Из непомерного честолюбия. Чтобы остаться на вершине власти. Ведь Ильич хотел снять его с поста генсека. И даже еще неизвестно, что бы он дополнительно предпринял, если бы его не подверг домашнему аресту исполненный коварства и честолюбия Коба.

Надежда Константиновна разгадала этот бессовестный план. Она попыталась вызволить мужа из политического заключения, тайно сообщая ему о темных делах, творимых в Политбюро Сталиным. Когда тот понял, что его коварный и честолюбивый замысел срыва-

ется, то страшно обозлился. Он смертельно оскорбил Крупскую, с целью нанести двойной удар сразу и по ней, и по Ленину. Это ему удалось, ибо по части обругивания он был хорошим специалистом, пройдя курс обучения у сокамерников в царских тюрьмах и пересылках.

Из-за резкого обострения болезни вождя все пришли в замешательство. И тогда исполненный коварства, честолюбия и грубости генсек воспользовался случаем. Он притворился обиженным и сделал вид, что подает в отставку. Заодно пригрозил, что, если эту отставку примут, он учинит массовый террор. Без Ильича некому было его урезонить. К тому же у нас принято жалеть обиженных. Испуганные жалостливые партийцы вынуждены были согласиться на его предложение отвергнуть его предложение об отставке, и она была отвергнута.

Исполненный коварства, честолюбия, грубости, обид и терроризма злодей натравил одних своих врагов на других. Пока они грызлись, он первым подоспел к гробу вождя, которого свез в Мавзолей, и объявил себя его наследником. Угрожая репрессиями, приказал установить культ своей личности, запретив даже упоминание о ленинском завещании, где раскрывались его отвратительные качества и содержался призыв свергнуть тирана и грубияна с поста генсека.

Лишенные Ленина и его завещания, окончательно запутанные и запуганные партийцы с ужасом и отвращением провозгласили культ личности Сталина, назначив его своим вождем. Но в глубине своей души они чувствовали беспредельную любовь к своему любимцу Бухарину и еще более любимому Кирову, которого мечтали видеть на высоком посту генсека. За него они тайно проголосовали. Но тайну эту раскрыл Сталин.

И тогда он, исполненный коварства, честолюбия, грубости, обид, терроризма, отвратительных качеств и

Завещание Ленина

культу своей личности, обезумев от безграничной власти, приступил-таки к массовым репрессиям. Миллионы крестьян загнал в колхозы, в Сибирь или в архипелаг ГУЛАГ. Устроил голод, чтобы избавиться от недовольных. Учинил кровавую расправу над Кировым, а затем и над Бухариным и всей ленинской гвардией.

Последующие события умом не понять, аршином общим не измерить. Они напрочь лишены здравого смысла. Ибо Сталин преисполнился не только коварства, честолюбия, грубости, обид, терроризма, отвратительных качеств и культу своей личности, но также безграничной власти, паранойи, разных маний и безумия. Поэтому перед Великой Отечественной войной он истребил всех талантливейших советских военачальников.

Ему хотелось запугать фашистов по старому великодержавному принципу «бей своих, чтоб чужие боялись». Своих он перебил, но чужих не испугал — времена изменились. Не зная, что еще натворить, он замыслил нанести коварный удар в спину ничего не подозревающим немцам, которые доверчиво заключили с ним мирное соглашение. План его сорвался в последний момент, когда доверчивые, исполненные мирных замыслов фашисты вынуждены были первыми начать Великую Отечественную войну.

Советский народ, терроризированный Сталиным, сначала решил свергнуть тирана, загнавшего их в колхозы и на архипелаг ГУЛАГ. Но потом передумал, потому что Гитлер колхозы не отменил. Доблестные союзники нанесли фашистам сокрушительный удар в Африке, после чего фюреру ничего не оставалось, как признать свое поражение, застрелиться и написать завещание, а советским войскам захватить Берлин.

Исполненный неисчислимых пороков и маний, страшный злодей всех времен и народов, предводитель

империи зла и рабски покорных ему великоросских шовинистов приписал себе лавры победителя, отстранив и огорчив истинного Маршала Победы Жукова. Этому ему показалось мало, и он замыслил истребить всех евреев. Правда, начал с врачей, и к тому же русских. Но ведь с безумца взятки гладки.

Тиран всегда ненавидел евреев, завидуя их уму и предприимчивости (началось это еще с Троцкого). Но эту свою страсть он коварно скрывал, приблизив к себе Кагановича и Мехлиса, заставив жениться на еврейках своих приближенных, раздавая многим евреям Сталинские премии и всяческие награды. Однако на этот раз от его злодеяний и замыслов содрогнулся даже Божественный промысел и вынес ему смертный приговор...

Впрочем, мы слишком углубились в альтернативное прошлое. Оно получилось в стиле Всемирной истории, обработанной «Сатириконом». Но, по сути, все изложено так, как наврано во множестве публикаций, теле- и радиопередачах. Самое замечательное, что значительная часть публики воспринимает подобные версии всерьез.

Короче говоря, вся «альтернативная история», которую постоянно, поныне вбивают СМИ в головы наших граждан, — это обилие выдерганных отовсюду фактов и мнений, скрепленных липкой массой лжи и клеветы.

Как это было

Но как на самом деле понимать историю с несостоявшейся отставкой генсека? Говорят, это было его иезуитской хитростью, финтом, обманным движением. Но как тогда толковать его письмо от 19 августа 1924 года:

«В Пленум ЦК РКП.

Полуторогодовая совместная работа в Политбюро с тт. Зиновьевым и Каменевым после ухода, а потом, и смерти Ленина, сделала для меня совершенно ясной невозможность честной и искренней совместной политической работы с этими товарищами в рамках узкой коллегии. Ввиду этого прошу считать меня выбывшим из состава Пол. Бюро ЦК.

Ввиду того, что ген. секретарем не может быть не член Пол. Бюро, прошу считать меня выбывшим из состава Секретариата (и Оргбюро) ЦК.

Прошу дать отпуск для лечения месяца на два.

По истечении срока прошу считать меня распределенным либо в Туруханский край, либо в Якутскую область, либо куда-либо за границу на какую-либо невидную работу.

Все эти вопросы просил бы Пленум разрешить в моем отсутствии и без объяснений с моей стороны, ибо считаю вредным для дела дать объяснения, кроме тех замечаний, которые уже даны в первом абзаце этого письма.

Т-ща Куйбышева просил бы раздать членам ЦК копию этого письма.

С ком. прив. *И. Сталин...*»

Прежде всего, обратим внимание на загадочный отказ сотрудничать с Зиновьевым и Каменевым. Почему? Всего лишь три месяца назад они на XIII съезде выступали вместе, критиковали Троцкого — и вдруг... Что могло измениться за столь короткий срок?

Наиболее вероятное объяснение: ему стали известны некоторые новые сведения, возмущившие его до глубины души. Выяснилось, что они нечестны и неискренни. В чем? Или в том, что за это время они начали тайно

налаживать контакты с Троцким. Или же ему стало известно, что именно эти двое подговорили Крупскую рассказать мужу о своей ссоре со Сталиным.

Не исключено, что произошло и то и другое. Ведь Зиновьев был третьим по счету претендентом на ленинское наследство. Он пользовался беззаветной поддержкой влиятельной Ленинградской партийной организации. Ему было выгодно подорвать авторитет Сталина, не вступая с ним в явное противоборство.

Он и Каменев могли рассчитывать на то, что Ленин в гневе напрочь рассорится со Сталиным и предложит съезду снять его с поста Генерального секретаря. А на съезде они критиковали Троцкого, потому что он был, можно сказать, вторым по очереди на место «первого среди равных». Когда выяснилось, что претензии Ленина не существенны, и съезд оставил Сталина на прежней должности, Зиновьев и Каменев вполне могли начать переговоры с Троцким для того, чтобы объединенными усилиями «свергнуть» Генсека.

Судя по стилю заявления об отставке, Сталин был сильно возмущен и раздражен, что с ним случалось нечасто. Двuruшников и предателей он смертельно ненавидел. А тут, пожалуй, был такой случай.

В конце декабря 1926 года Сталин вновь повторил свое заявление:

«В Пленум ЦК (т. А. И. Рыкову).

Прошу освободить меня от поста генсека ЦК. Заявляю, что не могу больше работать на этом посту, не в силах больше работать на этом посту.

И. Сталин.

27.XII.26 г.».

Можно предположить, что он хитрил, твердо зная, что его отставку не примут. Но, во-первых, знать это

Завещание Ленина

наверняка было невозможно: в руководстве партии не было единомыслия. Во-вторых, если он был так уверен, значит, его авторитет в то время был непоколебим. Хотя наиболее простое, понятное и логичное объяснение: в подобных критических ситуациях руководитель проверяет, насколько прочны его позиции, пользуется ли он поддержкой большинства. И если получается отрицательный результат, ему, если только он не глуп, действительно пора покинуть свое кресло.

Сталин в 1923 или в 1924 году не мог быть уверенным, что его отставку отклонят. Его вполне могли снять (он ведь подтвердил вроде бы свою «капризность», о которой писал Ленин). Проблема была лишь в том, кого предложить взамен. Каменев и Зиновьев разругались с Троцким. Сталин занимал позицию «над схваткой», поддерживая первых двоих и отчасти защищая от их нападков Троцкого. Положение Сталина было наиболее твердым. Да и Ленин не нашел у него серьезных недостатков, кроме грубости. Но ведь в партийных баталиях никто из них, включая Ильича, не отличался особой деликатностью.

Ситуацию прояснил сам Иосиф Виссарионович на Пленуме ЦК и ЦКК 23 октября 1927 года: «Я на первом же заседании пленума после XIII съезда партии просил пленум ЦК освободить меня от обязанностей генерального секретаря. Съезд сам обсуждал этот вопрос. Каждая делегация обсуждала этот вопрос, и все делегации единогласно, в том числе Троцкий, Каменев, Зиновьев, обязали Сталина остаться на своем посту».

Так ли все было? Наверняка так. Если бы в действительности было иначе, Сталина тут же уличили в обмане. Никто ему не возразил, слова его не уточнил.

Как известно, на XIV партийном съезде Каменев в своем выступлении критиковал политику Сталина и

предложил сместить его с поста Генерального секретаря. Его прервали гневные выкрики с мест. Он выдержал паузу и продолжил: «Я должен договорить до конца. Именно потому, что я неоднократно говорил товарищу Сталину лично, именно потому, что я неоднократно говорил группе товарищей-ленинцев, я повторяю это на съезде: я пришел к убеждению, что товарищ Сталин не может выполнить роли объединителя большевистского штаба...»

В поднявшемся шуме слышались голоса: «Неверно!», «Чепуха!», «Вот оно в чем дело!», «Раскрыли карты!». Одна только ленинградская делегация аплодировала докладчику. Но зал встал, приветствуя Сталина. Его вновь избрали Генеральным секретарем.

Глава 3

НАСЛЕДНИКИ

Кто превзойдет меня? кто будет равен мне?
Деянья всех людей — как тень в безумном сне,
Мечта о подвигах — как детская забава.
Я исчерпал до дна тебя, земная слава!
И вот стою один, величьем упоен,
Я, вождь земных царей и царь — Ассаргадон.

Валерий Брюсов

Избранники Ленина

25 декабря 1922 года Ленин продиктовал вторую часть своего письма к съезду. В ней сказано о шести партийных лидерах. Принято считать, что именно среди них находится тот, кого он считал достойным занять высшую ступень в партийной иерархии... Впрочем, при жизни Ленина об этом говорить было преждевременно, и сам он подобные разговоры не вел.

Итак, о ком и как писал в своем «завещании» Владимир Ильич? Что он имел в виду, какие преследовал цели в послании XII съезду ВКП(б)?

Судя по всему, он вовсе не собирался называть своего преемника. В начале письма совершенно определенно заявил: «Мне хочется поделиться с Вами теми соображениями, которые я считаю наиболее важными». Высказав несколько организационных предложений (о них поговорим позже), сделал вывод: «Устойчивость нашей партии благодаря такой мере выиграла бы в ты-

сячу раз». Дальше — подпись и дата: 23.XII.22 г. Вот и все. Никаких упоминаний о «наследниках».

Правда, уже на следующий день он диктует продолжение. И поясняет, что имел в виду устойчивость Центрального Комитета партии, которому угрожают раскол и серьезные партийные разногласия.

Следовательно, нет оснований считать письмо «завещанием» Ленина в смысле назначения преемника и обсуждения соответствующих кандидатур. Его цель — предложить меры для укрепления единства в партийном аппарате.

Чтобы гарантировать руководство партии от раскола, он «намерен разобрать здесь ряд соображений чисто личного свойства». С этого, можно сказать, и начинается его «завещание» (лишь по недоразумению так названное).

«Я думаю, — пишет он, — что основным в вопросе устойчивости с этой точки зрения являются такие члены ЦК, как Сталин и Троцкий. Отношения между ними, по-моему, составляют большую половину опасности того раскола, который мог бы быть избегнут и избежанию которого, по моему мнению, должно служить, между прочим, увеличение числа членов ЦК до 50, до 100 человек».

Следующий абзац также заслуживает внимания:

«Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью. С другой стороны, тов. Троцкий, как доказала уже его борьба против ЦК в связи с вопросом НКПС, отличается не только выдающимися способностями. Лично он, пожалуй, самый способный человек в настоящем ЦК, но и чрезмерно хвастающий самоувереннос-

Завещание Ленина

тью и чрезмерным увлечением чисто административной стороной дела».

Дальше Ильич упоминает Зиновьева, Каменева, Бухарина и Пятакова. В каждом из них он видит положительные и отрицательные качества. Он напоминает, что Зиновьев и Каменев своими самовольными действиями едва не сорвали Октябрьскую революцию 1917 года. Бухарин — любимец партии, «ценнейший и крупнейший теоретик». «Но его теоретические воззрения очень с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистскими, ибо в нем есть нечто схоластическое (он никогда не учился и, думаю, никогда не понимал вполне диалектики)».

«Пятаков — человек несомненно выдающейся воли и выдающихся способностей...» Прекрасная характеристика, если не учитывать продолжения: «...но слишком увлекающийся администраторством и административной стороной дела, чтобы на него можно было положиться в серьезном политическом вопросе».

Какой напрашивается общий вывод? Кто из названной шестерки способен хотя бы отчасти заменить Ленина?

Об этом поговорим далее. А пока дадим предварительные характеристики двух лидеров ВКП(б), которых Ленин считал наиболее выдающимися (после себя). Не считаясь с предложенной им очередностью, начнем со второго — Троцкого.

Демон Революции

Этот человек стал чрезвычайно популярен, как ни странно, именно в «демократических» кругах современной России. А некогда о такой возможности не могли помыслить ни его сторонники, ни он сам.

Льва Давидовича Троцкого называли Демоном Революции. Действительно, его роль в революционной российской смуте была видной и в значительной степени зловещей. Хотя в последнее время СМИ стали преподносить его в розовом свете, противопоставляя не только Сталину, но и Ленину (реже — объединяя с Лениным в противовес «сталинизму»).

Сошлемся на мнение идейного противника большевиков, талантливое писателя и проницательного мыслителя Марка Алданова (Ландау): «У Троцкого идей никогда не было и не будет. В 1905 году он свои откровения взял взаймы у Парвуса, в 1917-м — у Ленина. Его нынешняя оппозиционная критика — общие места эмигрантской печати. С «идеями» Троцкому особенно не везло в революции. Он клялся защищать Учредительное собрание за два месяца до того, как оно было разогнано. Он писал: «ликвидация государственного спаивания народа вошла в железный инвентарь завоеваний революции» — перед восстановлением в Советской России казенной продажи вина. Но в большом актерском искусстве, как в уме и хитрости, Троцкому, конечно, отказать нельзя. Великий артист — для невзыскательной публики, Иванов-Козельский русской революции».

Столь хлесткий вывод Алданов подтвердил несколькими убедительными примерами. По его словам, Троцкий «разыграл Брестское представление, закончив спектакль коленцем, правда, не вполне удавшимся, зато с сотворения мира невиданным: «войну прекращаем, мира не заключаем». С началом Гражданской войны самой бенефисной ролью стала роль главнокомандующего Красной Армией... После первого разрыва с Троцким большевики (т.е. Сталин) опубликовали несколько до-

Завещание Ленина

кументов, из которых как будто неопровержимо следует, что роль эта была довольно скромной...».

Обратим внимание на некоторые ключевые периоды революционной деятельности Троцкого: Октябрьская революция, Брестский мирный договор, руководство Красной Армией.

«Осуществление почти бескровной победы революции 25 октября (7 ноября) 1917 года, — писал английский советолог Э. Карр, — является заслугой Петроградского Совета и его Военно-революционного комитета... Как впоследствии сказал Сталин, съезд Советов «лишь принял власть из рук Петроградского Совета». Все очевидцы тех событий отдадут должное энергии и организаторским способностям, которые проявил в то время Троцкий... Но высшая стратегия революции проводилась Лениным с помощью созданного им инструмента — большевистского крыла Российской социал-демократической рабочей партии. Хотя победа была завоевана под лозунгом «Вся власть Советам!», победили не только Советы, но и Ленин и большевики... Триумф партии почти полностью явился, по-видимому, результатом успешного и последовательного руководства Ленина».

Можно, конечно, упрекнуть Ленина в том, что вся власть в конечном счете перешла не к Советам (это был бы анархический по сути вариант), а к большевикам, что и определило авторитарный режим правления. Но вспомним, что Троцкий был одним из самых яростных сторонников однопартийной диктатуры. Когда на II Всероссийском съезде Советов поступило предложение создать правительство, представляющее все социалистические и демократические партии, Троцкий ответил: «Мы им говорим: вы — ничтожества и потерпели

крах. Ваша роль окончена, идите туда, куда вам предназначено: на свалку истории».

То самое коленце Троцкого в период заключение Брестского мира, о котором упомянул Алданов, могло бы дорого обойтись (да и недешево обошлось) советской власти. Тогда для большевиков (в конце 1917-го) создавалась критическая ситуация. Они победили отчасти благодаря широкой популярности их лозунга «Мир — народам!», но пришла пора обеспечить этот мир, что оказалось совсем непросто.

Немцы соглашались на мир, но при больших территориальных уступках со стороны России. Ленин шел на это. Бухарин выступал за продолжение «революционной войны». Троцкий подкинул оригинальную нелепицу — «ни мира, ни войны».

Вот как описывает дальнейшие события Н. Верт:

«26 января Троцкий вернулся в Брест. Прирожденный оратор, он пустился в словесные маневры. Германские военные начали тем временем терять терпение. Делегации центральноевропейских держав подписали мирный договор с представителями Рады. Те тут же попросили у Германии военной помощи, чтобы противостоять большевикам, войска которых только что вошли в Киев. Эта просьба послужила поводом к новому германскому вторжению. Отныне время играло против большевиков. 10 февраля Троцкий прерывает переговоры... Несколько дней спустя ленинские опасения подтвердились, и центральноевропейские державы начали широкое наступление от Прибалтики до Украины».

Ленин предложил срочно послать телеграмму в Берлин с согласием на мир. Троцкий, а особенно Бухарин были против, считали, что надо ожидать скорой революции в Германии. Их сторонники оказались в

большинстве. Однако наступление с Запада развивалось так быстро и неотвратно, что вскоре пришлось принимать ленинское предложение. На этот раз условия германской стороны были более жесткими, чем на переговорах в Бресте. Вновь большинство ЦК, включая Троцкого, было против мира. Ленин пригрозил отставкой, если не будет достигнуто мирного соглашения с Германией. Советская Россия потеряла огромные территории, где находилось 26% общего числа населения страны и значительная часть ее промышленного потенциала. В значительной степени это случилось по вине Троцкого, бывшего тогда Наркомом иностранных дел.

* * *

Его кипучая деятельность во время Гражданской войны тоже вызывает немало сомнений, не говоря уж о том, с какой жестокостью расправлялись по указанию Троцкого с отступавшими с поля боя красноармейцами.

Когда в начале 1918 года кипели страсти вокруг заключения Брестского мирного договора с австро-германским блоком, оставались без должного внимания события, разыгравшиеся на северо-западной окраине в районе Мурманска. Антанта, под предлогом помощи России, ввела свои боевые корабли в Мурманский порт. А немцы надеялись захватить Мурманск руками белофиннов (в Финляндии тоже шла гражданская война). Угроза Мурманску возросла после срыва Брестских мирных переговоров.

Антанта предложила Советской России военную помощь против немцев и их союзников. Переговоры с ее представителями вел Нарком иностранных дел Л. Д. Троцкий. Британский генерал Пуль телеграфировал по этому поводу из Москвы в Лондон: «Я считаю,

что нужна немедленная военная акция для обеспечения захвата порта Мурманска англичанами. Я полагаю, что будет возможным получить искреннюю поддержку Троцкого».

Такая поддержка была. На запрос Мурманского Совета, как им поступить с предложением Антанты оказать материальную и военную помощь в связи с угрозой немецкого наступления, Троцкий ответил: «Вы обязаны принять всякое содействие союзных миссий и противопоставить все препятствия против хищников». В результате 6 марта в Мурманске высадился отряд английских морских пехотинцев численностью до 299 человек с двумя легкими орудиями. В апреле представитель Великобритании Р. Локкарт направил в Лондон докладную записку об условиях военного сотрудничества с Советской Россией, выработанных в ходе переговоров с Троцким, ставшим к тому времени Наркомом по военным делам.

События в Мурманске получили и другую оценку. Олонецкий губисполком заявил, что соглашение с Антантой «подчинит Мурманский край экономическому и военному влиянию европейских правительств, ведущих, в окончательном счете, к развитию сепаратизма в условиях благоприятствующих капиталистическому строю». Столь же резко реагировал Архангельский Совдеп (Мурманск входил в состав Архангельской губернии).

На VII экстренном съезде РКП(б) Ленин предупреждал: «На нас наступление готовится, может быть, с трех сторон; Англия или Франция захотят у нас отнять Архангельск — это вполне возможно». Но Троцкий по-прежнему был поборником активного сотрудничества с Антантой. Локкарт писал 5 мая представителю США в России полковнику Р. Робинсу о том, что Троцкий

Завещание Ленина

«представил все возможности для союзного сотрудничества в Мурманске».

Гражданская война в Финляндии закончилась победой белых. На финском берегу Балтики высадилась немецкая пехотная дивизия. Надо было оборонять Мурманск и от немцев, и от Антанты. Этого сделано не было. К руководству Мурманским Советом пришел ставленник Троцкого — А. М. Юрьев. До революции он несколько лет жил и работал в США, а после роспуска Мурманского Совета служил у местного американского консула переводчиком и занимался распределением западного продовольствия, поступавшего в город; после разгрома белогвардейцев был предан суду за контрреволюционную деятельность, получил расстрельный приговор, замененный 10 годами лагерей (дальнейшая его судьба нам неизвестна).

Антанта при полном попустительстве Юрьева наращивала свои войска в Мурманске, доведя их до 4 тыс. человек. В конце июня с прибывших транспортов высадилось 1,5 тыс. британских военнослужащих. При этом в Париже, Лондоне и Вашингтоне не скрывали своих антибольшевистских намерений.

В переговорах по прямому проводу Ленин требовал от Мурманского Совета выражения протеста против увеличения военного присутствия западных стран и призывал дать им отпор. Но эти указания не были приняты во внимание. С подачи Юрьева члены Мурманского Совета проголосовали за сотрудничество с Антантой — под гудение мотора низко пролетавшего британского самолета с прибывшего накануне авианосца «Найрана».

Так разворачивалась интервенция Антанты на Русском Севере. Оказывая ей поддержку, Троцкий нарушал Брестский мирный договор с Германией, по кото-

рому корабли Антанты должны были быть удалены из портов России. Почему он шел на это? Не ради ли срыва мирного договора с Германией? Или у него были еще какие-то соображения?

* * *

Обратимся к другому эпизоду.

Несмотря на все усилия внутренней и внешней контрреволюции, в конце 1917 и начале 1918 года не удавалось развязать крупномасштабную гражданскую войну в России. Проходили только локальные вооруженные выступления белогвардейцев. Весной 1918 года едва ли не единственной пороховой бочкой, способной взорвать ситуацию и начать всеобщую смуту, был Чехословацкий корпус. Сформированный еще в царское время из австро-венгерских пленных чехов и словаков, желавших бороться за независимость своей родины, этот корпус после заключения Брестского мира погрузился в эшелоны и двинулся к Владивостоку, чтобы оттуда отправиться в Западную Европу и принять участие в военных действиях на стороне Антанты.

Полностью разоружиться Чехословацкий корпус не пожелал. Совнарком пошел на уступки и передал через И. В. Сталина: «Чехословаки продвигаются не как боевая единица, а как группа свободных граждан, везущая с собой известное количество оружия для защиты от покушений со стороны контрреволюционеров».

И вдруг 21 мая многие Советы территорий, через которые продвигались чехословацкие эшелоны, получили телеграмму начальника оперативного отдела Наркомвоенмора С. И. Аралова: «По приказанию Троцкого предлагаю вам предложить чехословакам, находящимся в эшелонах, организовать в рабочие артели по специальности или вступить в ряды советской Красной

Завещание Ленина

Армии». Затем последовало еще более решительное указание: «Предлагаю немедленно принять срочные меры к задержке, к разоружению и расформированию всех эшелонов и частей Чехословацкого корпуса...»

Однако еще раньше чехословацкое руководство провозгласило корпус «составной частью чехословацкого войска, состоящего в ведении Верховного главнокомандования Франции» и его переход на содержание западных союзников. Тем самым Троцкий, помимо всего прочего, обострял отношения России с Францией, в то время как в апреле японцы высадили десант во Владивостоке.

Секретные приказы Троцкого стали каким-то образом известны командованию Чехословацкого корпуса, которое приняло решение — оружия не сдавать, а при необходимости пробиваться на восток с боем. А Троцкий 25 мая издал приказ № 377, согласно которому все Советы были обязаны немедленно разоружить чехословаков под угрозой расстрела. Подчеркивалось, что, если в одном из эшелонов окажется хотя бы один вооруженный, все должны быть выгружены из вагонов и заключены в лагерь для военнопленных. (И это секретное распоряжение тут же стало известно чехословакам.)

28 мая Аралов направил Омскому военному комиссару телеграмму: «Троцкий приказал, его приказ по отношению к чехословакам привести в исполнение. Вам посылаются бронированные поезда из Москвы». Но и тогда Гражданской войны еще не было. Историк В. Лебедев писал: «Началась она с сызранского предательства...» Под влиянием рабочих Сызранский большевистский Совдеп пропустил через Сызрань эшелоны, заключив с ними договор. Но из Москвы летели грозные телеграммы Троцкого. В результате из Сызрани в

тыл пропущенным чехословацким эшелонам был направлен сызранский гарнизон, усиленный подошедшими подкреплениями. Из Самары навстречу им шли сосредоточенные там многочисленные красные войска. Чехословаки попали в настоящую ловушку... Разбив в неравном бою под Липягами большевиков, чехословаки вступили в Самару». Там при их поддержке было создано правоэсеровское правительство — Комитет Учредительного собрания. Правоэсеровские крестьянские дружины окружили Ижевск и Златоуст, где начались антисоветские восстания. Активизировались уральские белоказаки Толстова, оживились разбитые большевиками оренбургские казаки Дутова. Деникин двинулся на Северный Кавказ. Краснов атаковал красных с юга. Был создан единый антисоветский фронт. Началась крупномасштабная Гражданская война.

В телеграмме, направленной Совнаркому 30 мая 1918 года, чехословаки справедливо возлагали ответственность за вооруженный конфликт на советскую власть, которая «...в лице военного комиссара Троцкого вела переговоры с чехословаками неискренним способом, обещая делегациям чехословаков одно и отдавая местным Совдепам тайные распоряжения совсем другого рода».

Троцкий продолжал настаивать на своем, подчеркивая, что «остается во всей силе приказ о расстреле застигнутых с оружием в руках». Этот приказ только усугубил ситуацию. И если удалось справиться с мятежом, то не благодаря, а вопреки действиям Льва Давидовича.

Конечно, в той междоусобице у Троцкого были немалые заслуги в связи с созданием Красной Армии, использованием в ее рядах высокообразованных царских офицеров и генералов Генштаба. Именно им принадле-

жат по праву лавры победителей, а вовсе не безмерно прославленным тогда Тухачевскому, Якиру и некоторым другим красным командирам.

* * *

А вот как из-за Троцкого едва не рухнул Южный фронт. 18 июня 1919 года Лев Давидович, находясь в Харькове, издал приказ № 112: «Южный фронт наш пошатнулся. Кто виноват?.. Ворота открыты... анархо-бандитами, махновцами... Чрезвычайный Военный Революционный трибунал под председательством товарища Пятакова рассмотрел дело о предателях-махновцах... махновский штаб уничтожен, но яд махновщины еще не истреблен».

Эти обвинения не имели оснований. Махно отклонил предложение Шкуро перейти на сторону белых. Его армия обороняла широкий, стокилометровый участок фронта. Махновцы потерпели поражение в 20-х числах мая, но продолжали сражаться с деникинцами еще почти месяц. Командование Украинским фронтом доносило: «Махно еще сражался, когда бежала соседняя 9-я дивизия, а затем и вся 13-я армия... Причина поражения Южного фронта отнюдь не в украинской партизанщине» (в махновщине).

Начальник штаба Махно В.Ф. Белаш вспоминал: «Действия Троцкого, особенно его предательское распоряжение № 96/с (секретное. — Р. Б.) от 3 июня и особенно третий пункт этого распоряжения, где под страхом строжайшей ответственности запрещалось снабжать нас боевыми припасами и любым военным имуществом, — разрушали Красный фронт (мы ведь были дивизией Красной Армии и сражались в одной линии фронта с ней и подчинялись одному командованию), разоружали нас в пользу Деникина».

Бывший командир 2-й Украинской Красной Армии А.Е. Скачко писал в своих мемуарах: «Приказ Троцкого об объявлении Махно вне закона настолько играл на руку белым, что они отпечатали его во множестве экземпляров и разбрасывали среди войск Махно».

Ситуация фантастическая, вряд ли когда-то происходило нечто подобное. Выходит, Троцкий действовал как провокатор и самый настоящий враг народной армии.

Политика троцкистов на Украине настраивала против советской власти массы крестьян. Помещичьи земли не раздавались крестьянам, а на них создавались совхозы (явно преждевременные в тот период), проводились широкие реквизиции, в частности отбирали у крестьян лошадей. Но главное, что шла жестокая борьба против махновцев, в основном — повстанцев-крестьян, сторонников анархо-коммунизма.

«Не мог мириться Троцкий, — считал В. Ф. Белаш, — с тем, что авторитет и слава командиров, выходцев из народа, невероятно росла... Терпеливо вынашивал Троцкий мечту избавиться от таких. (Это подтвердили судьбы Ф. К. Миронова, Б. М. Думенко, Е. М. Мамонтова, Н. А. Каландаришвили и многих других. — Р. Б.)»

Вольно или невольно (что менее вероятно) Троцкий своими методами содействовал переходу «сознательной революции» (верная формулировка Махно) в революционную смуту. Сдав Украину Деникину, он продлил Гражданскую войну.

Для чего же он упорно способствовал разжиганию Гражданской войны? Авантюрист и честолюбец, охваченный угаром вождизма и упоенный властью, он вел очень крупную политическую игру. Ему нужна была широкая арена для своих действий, в идеале — вся Евразия или даже весь земной шар. Пусть эта арена будет

Завещание Ленина

залита кровью и слезами, но зато она даст проявить во всем блеске его несомненные ораторские, публицистические и организаторские способности!

Правда, и в этом случае не исключены какие-то иные, потаенные причины.

«Всегда равен себе»

Как уже говорилось, в начале марта 1923 года здоровье Владимира Ильича ухудшилось. (По-видимому, врачи были правы, рекомендуя максимально оградить Ильича от политических проблем). 10 марта у него произошел инсульт, приведший к потере речи и почти полному параличу правой половины тела. Через три дня «Известия» опубликовали правительственное сообщение. Указывалось, что в связи со значительным ухудшением здоровья Ленина признано необходимым публиковать медицинские бюллетени о ходе его болезни.

Тотчас отозвался Владимир Маяковский:

Тенью истемня весенний день,
выклеен правительственный бюллетень.
He!

Не надо!..

Разве гром бывает немотою болен?!

Разве сдержишь смерч,

чтобы вихрем не кипел?!

Разве пульс

такой

секундами гудит?!

Вечно будет ленинское сердце

клокотать

у революции в груди...

Характерная черта: поэт не сомневается, что революция продолжается. Если так, то на первый план выступала фигура Демона Революции. Возможно, поэтому по Москве поползли слухи, что состояние вождя безнадежно, а его преемником будет Троцкий. Хотя не исключен другой вариант: был запущен «пробный шар» для того, чтобы выяснить реакцию общества на данную кандидатуру.

Был и другой, более серьезный сигнал. Тогда же газета «Правда» опубликовала, можно сказать, программную статью члена ЦК РКП(б) и секретаря Исполкома Коминтерна Карла Радека «Лев Троцкий — организатор победы».

Вообще-то этот специальный номер газеты был посвящен юбилею — 25-летию I съезда партии в Минске. Но получалось так, будто юбиляром выступает Лев Давидович, который, кстати сказать, на съезде не присутствовал, ибо членом партии стал значительно позже. До сих пор только Ленина принято было безмерно превозносить. На этот раз автор расточал изощренные комплименты в адрес Троцкого: «великий представитель русской революции», «великий умственный авторитет», «знаменосец вооруженного народа». Восхвалялись его «организационный гений» и «гениальное понимание» военных вопросов. «Он был всем в одном лице», а его «труд и дело... будут предметом не только любви, но и науки новых поколений рабочего класса, готовящихся к завоеванию всего мира». К этому ведет «партия и с ней ее вождь Л. Д. Троцкий».

Такие славословия были, пожалуй, с удивлением, а то и с возмущением восприняты старыми большевиками. Они знали, что «стальная фигура Троцкого», которой восхищался Радек, в действительности (и в отличие от Сталина) вовсе не отличалась непреклонностью,

Завещание Ленина

стойкостью и принципиальностью. Не случайно Ленин в письме Инессе Арманд так отозвался о нем в феврале 1917: «Приехал Троцкий, и сей мерзавец сразу снюхался с правым крылом «Нового Мира» против левых циммервальдцев!! Так-то!! Вот так Троцкий!! Всегда равен себе = виляет, жульничает, позирует как левый, помогает правым, пока можно...» (Для справки: на Циммервальдской международной социалистической конференции, состоявшейся в сентябре 1915 года в Швейцарии, у социалистов выделилось левое крыло, возглавляемое В. И. Лениным.)

Показательно, что Ленин отметил как обычное качество Троцкого — позирование, нечестность, умение приспособливаться к текущей ситуации. Однако, в отличие от Сталина, Троцкий был недалек от истины, самоуверен, упоен своим красноречием. Он не понимал, что возбуждать лозунгами, пламенными призывами толпу совсем не то же самое, что доказывать верность своей позиции. К тому же он явно недооценивал своих противников. А это в любом единоборстве грозит поражением.

Вот как описал одно из его революционных выступлений американский журналист Исаак Маркусон: «Появление Троцкого было тем, что называется у актера удачным выходом. После паузы и в соответствующий психологический момент он появился из-за кулис и быстрыми шагами направился к небольшой трибуне... Еще до его появления по обширной аудитории пронесся трепет ожидания. Из уст в уста передавались слова: «Идет Троцкий!» Он был элементарен, почти груб в своей страсти — человеческое динамо высокого напряжения. Он низвергал на аудиторию Ниагару слов; ничего подобного я никогда не слышал. В них звучали, прежде всего, тщеславие и дерзость».

Однако ситуация в стране и партии радикально изменилась. И как бы ни старался Радек, раздувая культ Троцкого, получился не воздушный шар, вздымающий личность под облака, а мыльный пузырь, который вскоре лопнул. Не на громкие слова теперь обращали внимание партийцы, а на дела. Но тут у Троцкого позиции были весьма уязвимыми. Вот как о нем отзывались участники октябрьского Пленума ЦК партии:

«Он ни разу не посетил заседаний Совнаркома ни при Ленине, ни после отхода его от работы, он ни разу не был на заседании СТО (Совета Труда и Оборона. — Р. Б.), ни старого, ни реорганизованного. Он ни разу не внес ни в Совнарком, ни в СТО, ни в Госплан какое бы то ни было предложение по хозяйственным, финансовым, бюджетным и тому подобным вопросам. Он категорически отказался от поста заместителя Ленина. Это он, по-видимому, считает ниже своего достоинства».

После таких высказываний в адрес руководителя можно считать его карьеру завершенной. И если за последние два десятилетия нередко пишут, будто Троцкого отстранили от власти из-за козней Сталина, то ничем, кроме глупости и лжи, такие утверждения не назовешь. Вот уж поистине Лев Давидович сам себя высек... нет, не как унтер-офицерская вдова, а представил самого себя с помощью Радека высеченным из монолитной скалы, воздымающейся над восторженной толпой. Но такой монумент самому себе был явно преждевременен.

«Он ведет себя по формуле: «Все или ничего», — было отмечено на Пленуме. — Троцкий фактически поставил себя перед партией в такое положение, что или партия должна предоставить т. Троцкому диктатуру в области хозяйственного и военного дела, или он фактически отказывается от работы в области хозяйст-

Завещание Ленина

ва, оставляя за собой лишь право систематической дезорганизации ЦК в его трудной повседневной работе».

Кандидатура Троцкого как преемника Ленина после таких отзывов о работе Льва Давидовича (точнее сказать, из-за его нежелания заниматься рутинным повседневным трудом) отпала окончательно. Хотя и прежде, в письме Ленина съезду, она находилась лишь на втором месте.

«Чудесный грузин»

Так отозвался о Сталине в феврале 1913 года Ленин в письме Горькому. Тогда Коба (подпольная кличка И. В. Джугашвили) работал в Вене, изучая в библиотеках литературу преимущественно по национальным проблемам. Отметим в этой связи, что он, следовательно, отлично владея грузинским и русским языками, неплохо знал немецкий язык, а также латинский и греческий, которые изучал в духовной семинарии.

В то время Ленин был полностью согласен с высказываниями Сталина, приведенными в статье «Национальный вопрос и социал-демократия», и даже отверг предложение о дискуссии на эту тему: «Конечно, мы абсолютно против. Статья очень хороша... Вопрос боевой, и мы не сдадим ни на йоту принципиальной позиции против бундовской сволочи».

Приходится напоминать об этом, ибо за последние двадцать лет многократно писалось и говорилось на многомиллионную аудиторию, будто Иосиф Виссарионович был малообразован, не знал языков, плохо разбирался в теориях и т. д. Все это надо было для того, чтобы не просто развенчать «сталинизм», но и унижить русский и, шире, советский народ, якобы тупо подчи-

нявшийся умственно отсталому и психически больному тирану.

Марк Алданов посвятил Сталину статью, опубликованную в 1927 году в парижской газете. В ту пору за рубежом о руководителе Советского Союза отзывались преимущественно весьма не лестно. Считалось, что в отличие от Троцкого Сталин — не более чем партийный функционер с ограниченным кругозором и невысоким интеллектуальным уровнем.

Такое мнение было обусловлено в значительной мере тем, что новый вождь коммунистической партии не относился к числу «пламенных ораторов», возбуждающих эмоции толпы бурным темпераментом и броскими фразами. Не был он и автором ярких публицистических статей.

Тем не менее Алданов предугадал в нем крупного государственного деятеля (как, между прочим, и в Гитлере, — почти во всем антипод Сталина, а уж тем более по национальному вопросу).

«Мне крайне трудно, — признавался Алданов, — «объективно» писать о большевиках. Скажу, однако, тут же: это человек выдающийся, бесспорно самый выдающийся из всей ленинской гвардии. Сталин залит кровью так густо, как никто другой из ныне живущих людей, за исключением Троцкого и Зиновьева. Но свойств редкой силы воли и бесстрашия, по совести, отрицать в нем не могу. Для Сталина не только чужая жизнь копейка, но и его собственная, — этим он резко отличается от многих других большевиков».

* * *

Вновь обращаю внимание на распространенные в «демократических» кругах современные высказывания о Сталине политиков, писателей, журналистов, значи-

тельно уступающих ему не только в уме и жизненном опыте, но и в образовании. Утверждают, будто он написал себе заслуги в подпольной деятельности и во время революции, Гражданской войны. Откуда такое мнение? От Троцкого. Сошлюсь опять на Алданова, не скрывавшего свои антисоветские взгляды.

«В своих книгах, посвященных октябрю 1917 года, — пишет он, — Троцкий отечески расхваливал самых серых революционеров... Но о Сталине Троцкий совершенно забыл упомянуть, Сталину не малейшего букетика не досталось. Двухтомный труд Троцкого о 1917 годе украшен портретами Свердлова, Иоффе, Антонова-Овсеевко, Подвойского, Крыленко, — портрет Сталина так и не попал в книгу. Между тем роль нынешнего диктатора в Октябрьской революции была чрезвычайно велика: он входил и в «пятерку», ведавшую политической стороной восстания, и в «семерку», ведавшую стороной организационной».

Случайно ли Сталину доверили столь ответственные посты? Нет, конечно. Ведь он, помимо всего прочего, как отметил Алданов, «был верховным вождем так называемых боевиков Закавказья». Они устраивали налеты на банки и почты. Наиболее знаменитым и успешным оказалось «изъятие» в центре Тифлиса огромной суммы денег (около 300 тысяч золотых рублей) местного отделения государственного банка. Деньги везли в фаэтоне, сопровождаемом полицейскими и казачьим конвоем. С помощью гранат и стрельбы террористы устроили панику, разогнали конвой (было убито и ранено полсотни человек) и скрылись. Следствие виновных и денег не нашло.

«Сталин занимал уже тогда, — отметил Алданов, — слишком высокое положение в партии для того, чтобы

исполнять роль рядового террориста. По-видимому, ему принадлежало высшее руководство этим делом. Бомбы же для экспроприации были присланы из Финляндии самим Лениным. Ленину для нужд партии и были позднее отвезены похищенные деньги. Ни Сталин, ни Камо (Тер-Петросян, активный участник акции. — Р. Б.), в отличие от многих других экспроприаторов, не пользовались «эксами» для личного обогащения».

Приехав в Петербург после Февральской революции, Сталин «сразу оказался ближайшим помощником Ленина. Роль Сталина была, однако, не показной. Показную роль играли вначале Зиновьев, а потом Троцкий».

Для Сталина партийная работа была главным делом жизни. Его избрали в состав ЦК РСДРП, возглавляемый Лениным, в 1912 году. Через пять лет он стал членом Политбюро (в мае 1917-го). Его, в отличие от Троцкого, с полным основанием можно было считать одним из наиболее старых и последовательных большевиков-ленинцев.

Правда, за последние 20 лет упорно навязывается мнение, будто своими победами в октябрьском перевороте и в Гражданской войне большевики во многом обязаны Троцкому, а Сталин в этих событиях играл второстепенные роли, непомерно раздутые в период его культа. Определенный резон в последнем утверждении есть. Преувеличения сталинских деяний порой действительно были большими. Однако недооценивать их было бы еще более несправедливо.

На первый взгляд может показаться, что во время Гражданской войны Сталину поручались не слишком ответственные дела. Это не так. Он очень много сделал для разгрома белых на Южном и Юго-Западном фронтах. Успешная оборона Царицына — его заслуга. А то,

Завещание Ленина

что он организовал доставку огромного количества зерна в Центральную Россию, скорее всего, позволило большевикам выстоять. По странной прихоти судьбы в ходе Великой Отечественной войны оборона Сталинграда оказалась таким же ключевым эпизодом, что и оборона Царицына в Гражданскую.

...В заключение своего очерка Алданов, отметив, что «диктаторское ремесло» Сталин «знает недурно», выразил сомнения в успехе его дела: «Роль Сталина в большевистской революции в последнем счете почти наверняка окажется не слишком выигрышной... Что сделает Сталин в этом трудном экзамене на трудную историческую роль?»

Как мы знаем, Сталин со временем взял в свои руки все бразды правления страной и расправился с оппозицией: сначала использовал мягкие меры партийных взысканий, а в 1930-е годы перешел к репрессиям, нередко завершавшимся смертными приговорами...

Может показаться странным, что именно Троцкий стал одним из наиболее почитаемых деятелей советского периода в ту пору, когда началась так называемая «демократизация» СССР, а затем и его расчленение. Казалось бы, такой рьяный революционный глобалист, жесточайший каратель времен Гражданской войны, вносивший смуту и в действия Красной Армии, и в ряды большевиков, ничего не сделавший для укрепления и восстановления России, зато самым активным образом участвовал в Октябрьской революции (которую новоявленные демократы из партократов стали дружно проклинять)... Что привлекло современных идеологов антисоветского пути России в образе Троцкого? Главное, пожалуй, стремление противопоставить его Сталину. (Как тут не вспомнить сопоставление Сталина и Троцкого, данное М. Алдановым!)

* * *

Итак, почему же в начале 1920-х годов преемником Ленина оказался Сталин? Разве не рекомендовал Ленин поставить во главе партии кого-нибудь другого? Как получилось, что это ленинское «завещание» не было выполнено?

Стиль и личность

«Стиль — это человек», — сказал знаменитый французский естествоиспытатель XVIII века Бюффон, отличавшийся изящным стилем. Правда, он при этом не претендовал на психологическую премудрость, а просто отметил, что в стиле проявляются личные качества, тогда как идеи являются достоянием многих.

Тем не менее по стилю есть возможность судить о некоторых чертах характера человека и даже, отчасти, его эпохи.

Вот, к примеру, высказывание талантливого писателя, получившего европейское признание и считавшегося мастером художественного слова:

«Стиль большевистской эпохи — в мужестве, в сдержанности, он полон огня, страсти, силы, веселья. На чем можно учиться? Посмотрите, как Сталин куёт свою речь, как кованы его немногочисленные слова, какой полны мускулатуры. Я не говорю, что всем нужно писать, как Сталин, но работать, как Сталин, со словом нам надо».

Так утверждал Исаак Бабель на I съезде советских писателей в 1934 году.

Завещание Ленина

Можно ли согласиться с Исааком Эммануиловичем, или он просто был то ли запуган (хотя не был трусом), то ли поддался гипнозу культа личности Сталина (хотя обладал ясным умом)? Мне кажется, с ним нужно, хотя бы отчасти, согласиться. В то время как в революционном угаре некоторые партийные ораторы выражались многословно и с мишурным блеском, Сталин предпочитал деловой тон. Хотя при случае, как мы могли убедиться по заметке «Ленин на отдыхе», умел писать и в другом стиле.

Французский писатель Анри Барбюс так высказался о выступлениях Сталина: «Он никогда не старался превратить трибуну в пьедестал, не стремился стать «громовой глоткой» на манер Муссолини или Гитлера или вести адвокатскую игру по типу Керенского, так хорошо умевшего действовать на хрусталики, барабанные перепонки и слезные железы слушателей; ему чуждо гипнотизирующее завывание Ганди».

Немецкий писатель Лион Фейхтвангер пояснял причины особенностей сталинского стиля: «Так говорит Сталин со своим народом... Его речи очень обстоятельны и несколько примитивны; но в Москве нужно говорить очень громко и отчетливо, если хотят, чтобы это было понятно даже во Владивостоке. Поэтому Сталин говорит громко и отчетливо, и каждый понимает его слова, каждый радуется им, и его речи создают чувство близости между народом, который их слушает, и человеком, который их произносит».

Интересно, что тут стиль писателя подобен сталинскому (хороший литературный прием). Важно подчеркнута доверительное отношение Сталина к слушателям и читателям. Его стиль не был нарочитым. Он опреде-

лялся особенностями личности. Ведь Сталин всегда меньше всего думал о собственных интересах. Он был не столько «прирожденным атаманом», как считал Алданов, сколько борцом за идею, можно даже сказать, народным вождем. Именно народным, а не возвышающимся на трибуне над толпой, как «большой начальник».

* * *

Лев Давидович в этом отношении вел себя иначе. Он порой упивался собственным красноречием и стремился зажечь толпу пламенными лозунгами — как теперь говорят, «завести».

О литературном даровании Троцкого Алданов отзывался так: «Троцкий вдобавок «блестящий писатель» — по твердому убеждению людей, но ничего общего с литературой». Он привел несколько «перлов» этого писателя: «Если буржуазия хочет взять для себя все место под солнцем, мы потушим солнце!» или образец сарказма: «империалистическое копыто г. Милюкова».

«Клише большевистской типографии, — пишет о Троцком Марк Алданов, — он умеет разнообразить стопудовой иронией: «В тех горних сферах, где ведутся приходно-расходные книги божественного промысла, решено было в известный момент перевести Николая на ответственный пост отставной козы барабанщика, а бразды правления вручить Родзянко, Милюкову и Керенскому»». (С такими ужимками политик описывает весьма непростое и чрезвычайно важное историческое событие — отречение царя и переход власти к Временному правительству!)

Можно добавить несколько из многих возможных подобных примеров. «Ленин безошибочно подслушал

Завещание Ленина

нарастающий напор истории на буржуазию», и в результате «ей неизбежно придется «лопаться по всем швам». «На фронте политические отделы рука об руку с заградительными отрядами и трибуналами вправляли костяк в рыхлое тело молодой армии».

Безусловно, далеко не всегда Троцкий допускал такие стилистические ляпы. Писал он, в общем-то, неплохо. Оценка его литературного таланта зависит от принятого критерия качества. Кому-то могут понравиться и приведенные выше высказывания Троцкого.

Дело, конечно, не в «отдельных недостатках». Сравнение стилей Сталина и Троцкого помогает понять, почему основная масса членов партии, не искушенная в стилистических изысках и красотах, предпочитала видеть своим вождем после Ленина не Троцкого, а Сталина. А на партийных съездах присутствовали в основном такие люди.

Правда, остаются еще вопросы, на которые желательно ответить.

Почему на съездах партии Генеральным секретарем избирали Сталина?

Можно предположить, что это связано главным образом с тем, что основную массу делегатов представляли кадры, за подбор которых отвечал Сталин. Они могли быть ему благодарны или даже преданы. Им вдобавок нравился стиль выступлений его, а не Троцкого.

Однако Сталина поддержало и большинство членов ЦК партии, а также Политбюро. Среди них преобладали старые большевики-ленинцы. Чем объяснить их выбор? Ведь они должны были постараться выполнить завет Ленина о замене Генерального секретаря. Как можно было послушаться прославляемого, пусть даже в данное время тяжело больного вождя?!

Кого же предпочел Ленин?

Ильич предложил сместить Сталина с поста генсека. И ничего не сказал о том, кого же он рекомендует взамен. Можно возразить: ничего особенного, он был подлинным демократом, а потому не мог навязывать съезду своего мнения. Он назвал возможные кандидатуры, но не счел возможным настаивать и предпочел положиться на волю большинства.

В такое объяснение трудно поверить. Подобных демократических замашек, едва ли не всегда рассчитанных на публику, лицемерных и достаточно характерных для буржуазных политиков, у него не было. Во многом его можно обвинять, но не в показной демагогии. Тем более в такой ситуации, когда она не имела никакого смысла.

Вообще-то имеются «аналитики», сумевшие довести до идиотизма версию о Сталине как злодее всех времен и народов. Они высказали мнение, будто он так запугал своих коллег, что они с перепугу проголосовали за него. И тогда получается, что почти все партийные деятели и делегаты съездов того времени были параноиками, одержимыми манией преследования и страдающими от безотчетных страхов, а их генсек-параноик упивался властью. Нечто подобное счастливому сочетанию мазохистов с садистом.

Проще, конечно, предположить, что сторонники такой версии утратили либо разум, либо совесть. Ибо в те времена у Сталина не было никакой возможности заставить партийных деятелей голосовать за себя. Они делали выбор самостоятельно, по своему разумению. Как показали последующие три десятилетия, их выбор был совершенно верным с позиций укрепления госу-

З а в е щ а н и е   Л е н и н а

дарства и партии, хотя для некоторых из них он оказался роковым.

Итак, не предложив ни одну, ни несколько (что было бы вполне «демократично») кандидатур вместо Сталина, Владимир Ильич определенно показал, что у него на примете нет никого. И все-таки на первом месте среди всех кандидатов стоял Сталин.

Это была наиболее вероятная, хотя не бесспорная кандидатура преемника (о конфликте между Лениным и Сталиным мы уже писали). Для партии и народа кандидатура Сталина стала единственной. В этом редком случае интуиция масс оказалась ближе к истине, чем незаурядный разум вождя.

Глава 4

ПОСЛЕДНИЕ ЗАВЕТЫ

Юноша бледный со взором горящим,
Ныне даю я тебе три завета:
Первый прими: не живи настоящим,
Только грядущее — область поэта.
Помни второй: никому не сочувствуй,
Сам же себя полюби беспредельно.
Третий храни: поклоняйся искусству,
Только ему, безраздумно, бесцельно.

Валерий Брюсов

Политика как искусство

Позволим себе небольшое отступление от темы.

Существует политология. Как ясно из названия, это наука о политике.

Как всякая наука, она основана на фактах и логике. В ее изложении политическое пространство уподобляется шахматной доске, где действуют фигуры разного достоинства. Такое понимание стало преобладающим во второй половине XX века. Недаром свирепый, до затмения разума, антисоветчик и русофоб Збигнев Бжезинский, советник правителей США, назвал одну из своих книг «Большая шахматная доска».

Показательно, что популярность политологии совпала с прискорбным обмельчанием ведущих политических деятелей почти всех ведущих мировых держав.

Завещание Ленина

И не только нескольких конкретных личностей, но и целого сонма их помощников и советников. В приведенной выше цитате Брюсова речь идет о поэзии. Но заветы его в значительной степени относятся и к искусству политики. Надо лишь уточнить второй его завет.

Сочувствие действительно может сильно повредить политическому деятелю. Слишком часто ему приходится быть беспощадным. Но вот любовь к самому себе характерна лишь для некоторой части политиков — почти исключительно буржуазного толка или соответствующей идеологии. Они, обуреваемые честолюбием, порой способны на грандиозные авантюры, подобно Наполеону Бонапарту.

Другую часть представляют политики, беззаветно преданные идее. Это служение для них сродни религиозному подвигу. Так религиозные средневековые фанатики Западной Европы могли сжигать на кострах сотни тысяч людей, да и сами готовы были отдать свои жизни во имя веры.

Политика, рассматриваемая как проявление научной мысли, имеет в виду только одну сторону дела. Не случайно ни один выдающийся политик ею не занимался в таком аспекте. Ведь для него первостепенное значение имеет не анализ предыдущих политических событий, а выработка стратегии и тактики в данный конкретный период времени.

Можно возразить: разве не следует тщательно анализировать уроки прошлого? Профессиональный шахматист, в отличие от любителя, запоминает огромное количество дебютов, миттельшпилей и эндшпилей, выбирая наилучшее продолжение той позиции, которая сложилась на доске. Во многом этим и определяется его успех. Разве не так?

Да, в игре подобный анализ может играть решающую роль. А вот в жизни все происходит иначе.

Политическая ситуация в мире и в какой-либо стране может повторяться, в отличие от шахматной партии, только в самых общих чертах. Для философского осмысления исторического процесса такие черты сходства имеют существенное значение. Но для принятия конкретных решений такие сопоставления могут оказаться не только бесполезными, но и вредными.

Политический деятель должен оценивать ту или иную ситуацию не только в общих чертах, но и во многих деталях, да еще с учетом конкретных «игроков» — союзников и соперников. Это больше всего напоминает динамичные спортивные командные состязания типа футбола или более интеллектуального баскетбола, где сложные решения приходится принимать при острейшем дефиците времени.

Недостаточно искушенный или не слишком сообразительный политик склонен действовать по шаблону, полагаясь на мнения советников. При этом оцениваются только ближайшие последствия данных решений. Стремление достичь ближайших результатов — особенность политиков стран буржуазной демократии.

Великий государственный деятель порой вынужден пренебрегать ближними целями, допуская порой тактические промахи. Он озабочен не только решением текущих проблем, но и стремится реализовать стратегические планы, рассчитанные на годы и десятилетия вперед. В этом отношении монархическое правление при феодальном или социалистическом (народно-демократическом) строе имеет явные преимущества.

Первый поэтический завет Брюсова принципиально важен и для искусства политики. Не имея твердых дальних ориентиров, политические лидеры постоянно

заводят свои народы в тупики, болота или смертельно опасные провалы. И когда любители ближайших выгод восторгаются крушением «коммунистической утопии», это не только подло, но и глупо. Ведь и Полярная звезда недостижима, однако она остается надежным ориентиром. Вот и для нас коммунизм должен стать не проклятием, а ориентиром.

А теперь вернемся к теме нашего повествования.

Единство

В продолжение письма к съезду Ленин изложил подтекст своих рекомендаций: «Я разумею меры против раскола». И пояснил, что враги советской власти делают ставку на раскол ВКП(б), вызванный серьезнейшими внутрипартийными разногласиями.

Мы уже упоминали об этом. Остановимся на предложениях Ленина подробнее. Вот о чем сразу же говорит Ильич: «В первую голову я ставлю увеличение числа членов ЦК до нескольких десятков или даже до сотни». В чем смысл подобного предложения? Сложилось так, что в Советской России власть фактически была в руках партии, а не Советов. Не будем вдаваться в причины этого, примем как свершившийся факт. ЦК партии, таким образом, стал, по сути, главным руководящим органом страны. Но его работа проводилась, что называется, келейно. По уставу партии он отчитывался в своих действиях перед партийным съездом, но на деле это была формальность. Следовательно, чтобы сделать его работу, как сейчас любят говорить, более «прозрачной», надо было увеличить число его членов. Причем новые цекисты должны были быть выбраны из числа передовых рабочих, хорошо разбирающихся в политике и имеющих достаточный уровень образования.

Можно ли было найти таких среди рабочего класса России? Ленин уверен, что можно: «Мне думается, что 50—100 членов ЦК наша партия вправе требовать от рабочего класса и может получить от него без чрезмерного напряжения его сил».

Думается, Ильич был абсолютно прав. Вспомним, сколько замечательных директоров заводов, полководцев, академиков и т. д. вышли из числа рабочих в годы советской власти. Да и в самой партии сколько выдающихся ее деятелей были в прошлом рабочими! И, уж конечно, можно было найти 50—100 рабочих, способных участвовать в работе руководящего органа власти.

По мнению Ленина, предложенная мера поднимет авторитет ЦК, улучшит партаппарат и предотвратит опасность распространения конфликтов внутри этого органа на всю партию.

* * *

Перемену в политическом строе при условии насыщения рабочими ЦК партии можно понимать так: у Ленина возникло ощущение необходимости переходить от жестоких казарменных мер управления страной, характерных для революционного периода, включающего Гражданскую войну, к спокойному деловому восстановлению и укреплению державы. Следовало резко ограничить влияние профессиональных революционеров, выведя на первый план трудящихся.

В третьем дополнении к письму Ленин дополнительно пояснил: «Привлечение многих рабочих в ЦК будет помогать улучшить наш аппарат, который из рук вон плох». И «несколько десятков рабочих, входя в состав ЦК, могут лучше, чем кто бы то ни было другой, заняться проверкой, улучшением и пересозданием нашего аппарата».

Завещание Ленина

Помимо требования улучшить работу партийного и советского аппарата у Ленина здесь можно уловить намек на то, что высшие партийные деятели за годы пребывания у власти «обюрократились» или «обуржуазились». Впрочем, об улучшении качества руководителей более пространно сказано у Ленина в последней статье. О ней мы чуть позже поговорим подробнее. А пока постараемся обобщить сказанное выше.

Надо сразу же отметить: вопреки мнению некоторых опровергателей и критиков Ленина, он не выказал желания укреплять свою личную власть. Напротив, предлагал упрочить коллегиальное руководство партией и страной.

Таким образом, еще раз подтверждается вывод о том, что власть была для Ленина всего лишь средством для достижения цели всей жизни — свержения государственного строя, основанного на эксплуатации трудящихся, и установления социалистического, а в перспективе коммунистического общества.

«Лучше меньше, да лучше»

Статью «Лучше меньше, да лучше» тоже принято относить к работам, составляющим «завещание» вождя. Как мы уже говорили, одна из основных идей статьи — улучшение качества партийного и советского руководящего аппарата — логически связано с высказанным прежде пожеланием увеличить ЦК. Следовательно, можно предположить, что статью Ленин послал «вдогонку» за письмом не случайно, а как бы для уточнения своей позиции и предостережения от увеличения количества руководящих товарищей при общем снижении их деловых качеств.

«Надо вовремя взяться за ум, — пишет (верней, диктует) Ленин. — Надо проникнуться спасительным недоверием к скоропалительно быстрому движению вперед, ко всякому хвастовству и т. д. Надо задуматься над проверкой тех шагов вперед, которые мы ежечасно провозглашаем, ежеминутно делаем и потом ежесекундно доказываем их непрочность, несолидность и непонятность. Вреднее всего здесь было бы спешить. Вреднее всего было бы полагаться на то, что мы хоть что-нибудь знаем, или на то, что у нас есть сколько-нибудь значительное количество элементов для построения действительно нового аппарата, действительно заслуживающего названия социалистического, советского и т. д.

Нет такого аппарата и даже элементов его у нас до смешного мало, и мы должны помнить, что для создания его не надо жалеть времени и надо затратить много, много, много лет».

Он старается не только вскрыть недостатки, но и перечислить имеющиеся предпосылки для реализации своего предложения:

«Во-первых, рабочие, увлеченные борьбой за социализм. Эти элементы недостаточно просвещены. Они хотели бы дать нам лучший аппарат. Но они не знают, как это сделать. Они не выработали в себе до сих пор такого развития, той культуры, которая необходима для этого. Тут ничего нельзя поделывать нахрапом, натиском, бойкостью или энергией, или каким бы то ни было лучшим человеческим качеством вообще.

Во-вторых, — продолжает он, — элементы знания, просвещения, обучения, которых у нас до смешного мало по сравнению со всеми другими государствами. И тут нельзя забывать, что эти знания мы слишком еще склонны возмещать (или мнить, что их можно возместить) усердием, скоропалительностью и т. д.»

Может показаться, что он преувеличивал. Ведь само он или, скажем, Троцкий получили неплохое образование. Однако в действительности практически все так называемые профессиональные революционеры не имели ни знаний, ни опыта государственного строительства. А именно это теперь им требовалось больше всего. Вся их предыдущая деятельность была ориентирована прежде всего на подпольную работу и разрушение существующего строя. Они имели весьма смутные представления о новом общественном укладе.

Ленин прекрасно сознавал, убедился на опыте, что новое руководство страны, представленное революционерами и партийными работниками, плохо справляется с возложенными на него обязанностями. Он объяснял причины такой ситуации следующим образом:

«Дела с госаппаратом у нас до такой степени печальны, чтобы не сказать отвратительны, что мы должны сначала подумать вплотную, каким образом бороться с недостатками его, памятуя, что эти недостатки коренятся в прошлом, которое хотя перевернуто, но не изжито, не отошло в стадию ушедшей уже в далекое прошлое культуры. Именно о культуре ставлю я здесь вопрос, потому что в этих делах достигнутым надо считать только то, что вошло в культуру, в быт, в привычки. А у нас, можно сказать, хорошее в социальном устройстве до последней степени не продумано, не понято, не прочувствовано, схвачено наспех, не проверено, не испытано, не подтверждено опытом, не закреплено и т. д. Иначе и не могло быть, конечно, в революционную эпоху и при такой головокружительной скорости развития, которая привела нас в пять лет от царизма к советскому строю».

Что же предлагал сделать Ильич для обновления и улучшения государственного аппарата? Совет его чрез-

вычайно прост и полезен для самых разных ситуаций. Это знаменитое:

«Во-первых — учиться, во-вторых — учиться и, в-третьих, — учиться и затем проверять то, чтобы наука у нас не оставалась мертвой буквой или мертвой фразой (а это, нечего греха таить, у нас особенно часто бывает), чтобы наука действительно входила в плоть и кровь, превращалась в составной элемент быта вполне и настоящим образом».

Помимо обучения работников, Ленин считал необходимым организовать строгий контроль за действиями государственного аппарата. Для этой цели в свое время была создана Рабоче-крестьянская инспекция (РКИ, или Рабкрин), но Ленин недоволен ее работой. Он пишет: «Мы должны сделать Рабкрин, как орудие улучшения нашего аппарата, действительно образцовым учреждением».

Несколько раньше, в конце января 1923 года он уже писал о том, как следовало бы реорганизовать Рабкрин. Он предлагал объединить Центральную контрольную комиссию (ЦКК) партии с госучреждением РКИ. (По сути, это должно было означать превращение партийного органа в государственный.) По мнению Ленина, надо было выбрать 75—100 новых членов ЦКК из рабочих и крестьян, которые будут пользоваться всеми правами членов ЦК партии. Всего в Рабкрине должно быть не более 400 служащих «особо проверенных по части добросовестности и по части знания нашего госаппарата, а также выдержавших особое испытание относительно знакомства их с основами научной организации труда вообще и, в частности, труда управленческого, канцелярского и т. д.».

По мысли Ильича, придание дополнительных важных организационных и контрольных функций Раб-

З а в е щ а н и е   Л е н и н а

крину (вплоть до участия его представителей на заседаниях высших партийных органов) приведет к тому, «что в нашем ЦК уменьшится влияние чисто личных и случайных обстоятельств и тем самым понизится опасность раскола». Нетрудно заметить, как упорно возвращается он к раздирающим Политбюро противоречиям, которые в первую очередь были связаны с расхождениями взглядов Сталина и Троцкого.

Опасения Ленина были связаны еще и с провозглашенной новой экономической политикой (нэп). «...Судьба нашей республики, — писал он, — будет зависеть от того, пойдет ли крестьянская масса с рабочим классом, сохраняя верность союзу с ним, или она даст «нэпманам», т. е. новой буржуазии, разъединить себя с рабочими... Чем яснее мы будем видеть перед собою этот двоякий исход, чем яснее будут понимать его все наши рабочие и крестьяне, тем больше шансов на то, что нам удастся избежать раскола, который был бы губителен для Советской республики».

Так завершается статья «Как нам реорганизовать Рабкрин».

* * *

В статье «Лучше меньше, да лучше» Владимир Ильич, как мы уже сказали, вновь пишет о Рабкрине. По мысли Ленина, обновленный и реорганизованный Рабкрин призван стать образцовым наркоматом. Именно он должен «определять собой весь наш госаппарат в целом».

Ленин предложил, по примеру обновленного Рабкрина, «соединить учреждения партийные с советскими», так же как «деятельность учебную с деятельностью должностной». Справедливо отметил: «У нас уживается рядом теоретическая смелость в общих построениях

и поразительная робость по отношению к какой-нибудь самой незначительной канцелярской реформе. Какая-нибудь величайшая всемирная земельная революция разрабатывается с неслыханной в иных государствах смелостью, а рядом не хватает фантазии на какую-нибудь десятистепенную канцелярскую реформу...»

Надо заметить, что увлечение «всемирной революцией» действительно было еще очень распространенным в эти годы. Революционное брожение, которое охватило после Первой мировой войны едва ли не полсвета, в начале 20-х в целом успокаивается, но международное рабочее движение по-прежнему остается мощной силой. Это способствовало сохранению веры в скорую победу социализма в мировом масштабе. Ленин и сам продолжал надеяться на всемирное торжество социалистической идеи. «На нашей стороне тот плюс, — пишет он, — что весь мир уже переходит теперь к такому движению, которое должно породить всемирную революцию». «Окончательная победа социализма вполне и безусловно обеспечена».

Собственно, в 1917 году российская социалистическая революция и совершалась большевиками в надежде на то, что непременно произойдет революция мировая и тогда победивший пролетариат Европы поможет русскому рабочему классу построить социализм в России. Поскольку мировая революция не свершилась, большевикам пришлось строить социализм самостоятельно, да еще в стране, где практически не было экономических предпосылок для его строительства.

Ленин прекрасно понимал, за какую «архитруднейшую» работу взялись русские коммунисты. Он открыто признавал, что российскому обществу «не хватает цивилизации для того, чтобы перейти непосредственно к социализму, хотя мы и имеем для этого политические предпосылки».

Выходит, правы были те немногие большевики и многие меньшевики, которые предлагали в 17-м не топиться с революцией?

Рассуждать таким образом можно, только абсолютно не понимая того, что происходило в России в 1917 году. Огромные людские и материальные потери в Первой мировой войне, экономическая разруха, кризис власти привели к небывалому революционному подъему. Подавляющая часть населения была охвачена радикальными революционными идеями, самой популярной среди которых была социалистическая. Показательный пример эволюции политического строя России весной-осенью 17-го года: Временное правительство, изначально почти полностью буржуазное (как по составу, так и по идеологии), к концу краткого периода своего существования стало почти полностью социалистическим. Можно вспомнить еще и том, что самой влиятельной и многочисленной политической партией в то время была партия социалистов-революционеров (эсеров), твердо стоявшая на социалистической платформе. В эту партию входило около 600 тыс. человек, ее представители работали во Временном правительстве, одновременно она в значительной степени контролировала деятельность Советов, ставших реальной альтернативой Временному правительству. Что касается большевиков, то численность их партии с февраля по октябрь 1917 года увеличилась в пять раз (с 40 тыс. человек до 200 тыс.). Примечательно, что число членов либеральной «партии народной свободы» (конституционно-демократическая партия — «кадеты») в первые месяцы после Февральской революции тоже возросло в пять раз (не превысив, однако, 70 тыс. человек). Но уже летом 17-го желающих вступить в кадетскую партию почти не осталось, а прием в большевистскую партию

неуклонно возрастал, особенно после попытки генерала Корнилова разогнать Советы и остановить «социализацию» страны.

Все это о многом говорит. Вопрос о выборе пути развития России в 17-м году однозначно был решен народом в пользу социализма. Если судить объективно, то октябрьские события того же года были, по сути, конфликтом между умеренными социалистами из Временного правительства и радикальными социалистами из большевистской партии. Победили, как известно, последние. Объединившись с левыми эсерами, они пользовались колоссальной поддержкой населения до весны 1918 года (так называемое «триумфальное шествие советской власти»). Но и после этого, приняв ряд непопулярных декретов, заключив тяжелейший для России мир с Германией, рассорившись с эсерами, оказавшись в кольце фронтов Гражданской войны, большевики все-таки сохранили власть и влияние в стране. Такова была тогда сила социалистической идеи.

Отсюда все рассуждения о преждевременности социалистической революции в России в 1917 году — не более как отвлеченные споры фантазеров, совершенно оторвавшихся от реальности. Напомним, кстати, подобным современным мечтательным теоретикам, что несмотря на отсутствие необходимых экономических предпосылок для строительства социализма в нашей стране, он все-таки был построен, благодаря чему мы смогли победить в самой страшной войне за всю историю человечества, первыми начать освоение космоса всего через двенадцать лет после той войны, создать до сих пор никем не непревзойденную систему широчайших социальных льгот для народа, включая бесплатное жилье, бесплатное образование, бесплатное здравоохранение и т. д. и т. д. А кто не понимает, как можно было

Завещание Ленина

это сделать без необходимых предпосылок, — не понимает ни русского национального характера, ни особенностей русской жизни!

* * *

Завершает свою статью Владимир Ильич так:

«Лишь посредством максимальной чистки нашего аппарата, посредством максимального сокращения всего, что не абсолютно необходимо в нем, мы в состоянии будем удерживаться наверняка. И притом мы будем в состоянии удержаться не на уровне мелкокрестьянской страны, не на уровне этой всеобщей ограниченности, а на уровне, поднимающемся неуклонно вперед и вперед к крупной машинной индустрии.

Вот о каких высоких задачах мечтаю я для нашего Рабкрина...»

Нетрудно понять, что он имеет в виду не только данную организацию, один из наркоматов, а его как пример всем остальным, как центр кристаллизации, от которого и по его модели, структуре начнет складываться новая система управления обществом.

Конечно, в своих последних работах Ленин не только анализировал деятельность государственного аппарата и предлагал меры по улучшению его работы, но и размышлял о вопросах экономического и культурного развития страны. Об этом у нас пойдет речь дальше.

«О кооперации»

Эту работу Владимир Ильич написал в начале 1923 года. Ее с полным правом можно отнести к его «завещанию» (не забывая об условности этого определения). Она существенно дополняет те записки и ста-

ты, о которых мы уже говорили. К ней он готовился обстоятельно. По его просьбе Крупская запросила 7 основательных книг по данному вопросу, как отечественных, так и зарубежных авторов.

Идеи этой статьи оказали существенное влияние на деятельность коммунистической партии. Они легли в основу некоторых резолюций XIII съезда РКП(б), состоявшегося в мае 1924 года. В связи с проблемами сельского хозяйства там было отмечено: «Основная линия партии в этом вопросе намечена в последней статье Ленина «О кооперации». Ленин развернул в этой статье программу развития кооперирования сельского населения, как основного способа движения к социализму в крестьянской стране... Нынешнее положение деревни с небывалой очевидностью подчеркивает правильность намеченного тов. Лениным пути и требует сосредоточения основного партийного внимания в первую очередь на кооперировании мелкого производителя, которое должно сыграть гигантскую роль в деле строительства социализма».

Выходит, что сразу после смерти Владимира Ильича та часть его «завещания», о которой мы сейчас говорим, оказалась чрезвычайно актуальной и полезной для практики социалистического строительства.

Ленин утверждал: «Кооперация получает у нас совершенно исключительное значение». Слово «кооперация» в переводе с латинского означает «сотрудничество». Ленин имел в виду, конечно, не сотрудничество вообще, а его формы в условиях ограниченных и подконтрольных государству капиталистических отношений. Использование, как он выразился, «частного торгового интереса» в данной ситуации имеет «исключительное значение... во-первых, с принципиальной стороны (собственность на средства производства в

руках государства), во-вторых, со стороны перехода к новым порядкам путем возможно более простым, легким и доступным для крестьянина».

«Собственно говоря, — пишет Ленин, — нам осталось «только» одно: сделать наше население настолько «цивилизованным», чтобы оно поняло все выгоды от поголовного участия в кооперации и наладило это участие... Но чтобы достигнуть через нэп участия в кооперации поголовно всего населения — вот для этого требуется целая историческая эпоха. Мы можем пройти на хороший конец эту эпоху за одно-два десятилетия. Но все-таки это будет особая историческая эпоха, и без этой исторической эпохи, без поголовной грамотности, без достаточной степени приучения населения к тому, чтобы пользоваться книжками, и без материальной основы этого, без известной обеспеченности, скажем, от неурожая, от голода и т. д., — без этого нам своей цели не достигнуть».

Завершается первая часть статьи выразительной и точной фразой:

«А строй цивилизованных кооператоров при общественной собственности на средства производства, при классовой победе пролетариата над буржуазией — это есть строй социализма».

Таким образом, Ленин предлагает теперь сделать основной упор в деле перехода к социализму на создании соответствующих экономических условий для нового строя, в частности, на развитии кооперации. Как мы уже упоминали, своеобразие социалистической революции в России заключалось в том, что она произошла в стране, где фактически не было предпосылок для строительства социализма. Их нужно было создавать политическим решением, и Ленин пытается найти как можно больше способов для скорейшего построения фундамента социалистического хозяйства.

Во второй части своей статьи «О кооперации» он вполне допускает использование иностранного капитала для построения социализма в СССР. Ленин пишет: «Для меня всегда была важна практическая цель. А практическая цель нашей новой экономической политика состояла в получении концессий; концессии уже несомненно были бы в наших условиях чистым типом государственного капитализма». То есть государство, владея всеми природными ресурсами и средствами производства, разрешает использовать некоторую часть их — при определенных условиях — иностранным фирмам.

Называя такой порядок «государственным капитализмом», Ленин подчеркивает, что этот «капитализм» касается только тех предприятий, где есть концессии, а в общем и целом в России развивается именно социализм, «раз государственная власть уже в руках рабочего класса, раз политическая власть эксплуататоров свергнута и раз все средства производства (кроме тех, которые рабочее государство добровольно отдает на время и условно эксплуататорам в концессию) находятся в руках рабочего класса».

О культурной революции

Для перестройки госаппарата, как мы знаем, Ленин предлагал прежде всего сделать образцовым хотя бы один наркомат — Рабкрин. Он стал бы и опытным полигоном, и примером для подражания.

Возникает вопрос: почему бы не использовать тот же принцип и для победы колхозного строительства? Создать несколько образцовых сельскохозяйственных кооперативов и на их примере убедить «темных» крестьян? Будь они даже поголовно грамотны и теоретиче-

Завещание Ленина

ски подкованы, вряд ли поддадутся на словесные посулы. Любому нормальному человеку, не утратившему способность здраво рассуждать и тем более неграмотному, практический опыт и конкретные факты куда убедительней, чем абстрактные лозунги политических вождей и агитация.

Позвольте небольшое отступление.

Здравый смысл и традиции — опора народных масс, отчужденных от высокой культуры, а то и безграмотных. Среднее, а тем более высшее образование расширяет умственный кругозор преимущественно за счет заученных, заемных знаний. Развивается способность оперировать абстрактными понятиями. Но в то же время складывается шаблонное мышление, основанное на книжных премудростях и мнениях авторитетных ученых, философов, политиков, журналистов.

Утрата в надежде на иллюзорные выгоды здравого смысла, а то и совести (что значительно хуже) — дефект, характерный именно для образованной публики. Это иллюстрирует ситуация, сложившаяся в нашей стране при Горбачеве и усугубившаяся при Ельцине. СМИ в эпоху распространения электронных средств внушения наиболее успешно обрабатывают служащих, ученых... Кроме всего прочего, сказалось плачевное интеллектуальное и моральное состояние значительной части «образованцев», готовых ради обретения вождя буржуазных ценностей предать то, что они клялись защищать и поддерживать, — народную демократию и власть трудящихся.

* * *

Почему же Ленин сделал упор на просвещение, а не предложил прежде всего организовать показательные колхозы? Ведь это мероприятие вполне осуществимо за

три-четыре года, тогда как культурная революция, имеющая целью поголовное просвещение крестьян с изменением их мировоззрения, скоротечной быть не может. Дело в том, что Ленин понимал: в ближайшее время нет никакой реальной возможности обеспечить крестьян материальными «благами цивилизации» в виде техники, удобрений, транспорта, медицинского обслуживания, товаров широкого потребления.

Создалась критическая ситуация. Горожанам, рабочим и служащим требовалась сельскохозяйственная продукция. А что они могли предложить крестьянам взамен? Почти ничего, кроме бумажных денег и надежд на лучшее будущее при неопределенных сроках.

Предположим, удалось бы сравнительно быстро создать образцово-показательные коллективные хозяйства. Все равно они не превратились бы, как это еще возможно в случае с бюрократической системой управления, в подобия центров кристаллизации. Ведь надо осуществить не только организационное мероприятие. В случае перестройки всей системы сельского хозяйства необходимо иметь солидные материальные ресурсы. Но их-то и не было.

Именно поэтому Ленин не выдвигает волюнтаристских идей о повышении производительности сельского хозяйства в энное количество раз за рекордное короткое время. Он призывает к постепенному преобразованию деревни, к осуществлению всего того комплекса мер, которые он называет «культурной революцией».

В статье «О нашей революции» Ильич пишет: «Нам наши противники не раз говорили, что мы предпринимаем безрассудное дело в недостаточно культурной стране. Но они ошибались в том, что мы начали не с того конца, как полагалось по теории (всяких педантов), и что у нас политический и социальный переворот

Завещание Ленина

оказался предшественником тому культурному перевороту, той культурной революции, перед лицом которой мы все-таки теперь стоим».

Завершает свою статью Ленин так: «Для нас достаточно теперь этой культурной революции для того, чтобы оказаться вполне социалистической страной...» Какой-нибудь другой политик на этой высокой ноте и закончил бы свои рассуждения, но Ленин не желал создавать видимость того, что все будет гладко и просто. Он делает существенную оговорку: «...Но для нас эта культурная революция представляет невероятные трудности и чисто культурного свойства (ибо мы безграмотны), и свойства материального (ибо для того, чтобы быть культурными, нужно известное развитие материальных средств производства, нужна известная материальная база)».

В связи с этим особое значение он придает развитию образования и предлагает, в первую очередь, по возможности увеличивать бюджет Наркомата просвещения. А в результате: «Народный учитель должен у нас быть поставлен на такую высоту, на которой он никогда не стоял и не стоит и не может стоять в буржуазном обществе... К этому положению дел мы должны идти систематической, неуклонной, настойчивой работой и над его духовным подъемом, и над его всесторонней подготовкой к его действительно высокому званию, и, главное, главное и главное — над поднятием его материального положения».

Как с этим не согласиться!

* * *

Подведем итоги нашего краткого обзора последних работ Ленина. Как мы знаем, он не собирался писать завещание. У Владимира Ильича в начале 1923 года оста-

вались вполне обоснованные надежды если не на полное выздоровление, то хотя бы на частичное. Ведь еще 20 ноября 1922 года он произнес речь перед депутатами Московского Совета. Говорил: «Мы социализм протащим в повседневную жизнь». Высказал твердую уверенность, что из «России нэповской будет Россия социалистическая».

Он диктовал не завещание, а статьи, содержание которых следовало довести до сведения либо только делегатов съезда (его письмо), либо широкой общественности. Поэтому его работы не объединены в одно целое, они фрагментарны, в них присутствуют, наряду с конкретными практическими советами и актуальными политическими решениями, замыслы, рассчитанные на далекое будущее.

Но надо отдать должное Ленину, — несмотря на тяжелую болезнь, он работал до последней возможности.

Он проявил незаурядное мужество и поистине беззаветную преданность своему делу.

Глава 5

СТАЛЬ И ШЛАК

Но в искушениях долгой кары,
Перетерпев судьбы удары,
Окрепла Русь. Так тяжкий млат,
Дробя стекло, кует булат.

Александр Пушкин

Перегруппировка сил

В 1923 году в партии происходили сложные внутренние процессы. На первый взгляд, острые разногласия утихли. Но в действительности шла, можно сказать, перегруппировка сил. Это неудивительно. Болезнь Ленина прогрессировала, надежд на выздоровление оставалось все меньше. Вопрос о преемнике оставался нерешенным.

Между двумя наиболее вероятными кандидатами — Сталиным и Троцким — внешне сохранялись корректные отношения, но что-то подобное взаимному согласию не наблюдалось. Явного преимущества не было ни у того, ни у другого.

Сталин продолжал вести огромную и кропотливую текущую работу, проводя политику формирования партийного и государственного аппарата, строительства многонациональной державы СССР.

Деятельность Льва Давидовича в этот период объективно, как это ни странно, охарактеризовал его по-

клонник Д. А. Волкогонов: «Троцкий не любил будничной черновой работы. Уже к концу 20-го года он быстро как вождь «слинял»; его тянуло не к партийной трибуне, а к письменному столу, не к бесконечным заседаниям Политбюро, а на охоту; не в создаваемые коммуны, а в партийные санатории... Пока он упивался славой создателя Красной Армии, писал «Уроки Октября» и готовил многотомное собрание своих сочинений, Сталин прибирал аппарат, а значит, и власть к своим рукам. Беззаботность и тщеславие подставили Троцкому подножку в самый решающий момент: когда Ленин отошел от активных дел, а затем и скончался... Троцкий был нужен русской революции, пока был жив Ленин».

Сразу же возникает вопрос: а так ли уж нужен был Лев Давидович русской революции? Ведь он стал — вольно или невольно — главным поджигателем Гражданской войны, а это уже граничит с преступлением.

Утверждение о том, будто Сталин «прибирал» аппарат к своим рукам, по меньшей мере наивно для генерал-полковника от политики. В тех условиях свободных партийных дискуссий, да еще при живом Ленине, принципы подбора руководящих работников были совсем не те, что при Волкогонове, когда дело решалось келейно, по соображениям личной преданности, на основе демагогических заверений верности марксизму-ленинизму и пр.

По мнению Волкогонова, отчасти верному, «как только стал затухать пожар российской Вандеи, Троцкий стал быстро превращаться — кем, в сущности, он и был всегда — в талантливое политическое публициста, оригинального литератора». Впрочем, о литературном даровании Троцкого, как мы знаем, более квалифицированно отзывался не политработник, а профессиональный писатель Алданов. А вот о его публицистиче-

Завещание Ленина

ском таланте мы еще упомянем в связи с появлением «Уроков Октября».

В начале 1923 года международная обстановка в Европе складывалась так, что появились надежды у разжигателей мирового революционного пожара взяться за оружие. Троцкий получал шанс вновь выйти на первый план в главной роли.

Дело в том, что в Германии крайне обострилась социально-политическая ситуация. В Германию спешно отправили Г. Л. Пятакова, К. Б. Радека (Собельсона), В. Шмидта, немца по национальности. Кадры для германской ЧК готовил еще один немец — И. С. Уншлихт. Нелегально приехавший в Берлин М. Н. Тухачевский старался сколотить руководящий состав Германской Красной Армии. Выпускной курс Военной академии выехал в Германию. Лев Троцкий сосредоточил на границе с Польшей мощный кавалерийский кулак. Зиновьев был занят составление календаря «Германского Октября».

Была задействована часть белой эмиграции, вставшая на путь сотрудничества с советской властью. Радек призывал даже к союзу с нацистами, доказывая наличие некоторых общих важных целей у коммунистов и нацистов: борьба против экономического закабаления Германии Западом, против оккупации Рура французами и бельгийцами, против режима Веймарской республики, за социализм.

Гитлер выразил готовность пойти на переговоры с Коминтерном, хотя руководство Коммунистического интернационала — Зиновьев, Бухарин, Сталин — от переговоров отказалось. Фюрер больше не возвращался к этой идее (но в душе затаил, говоря словами Зощенко, некоторое хамство).

Судя по тому, что Сталин в выступлениях этого времени ставил в пример немецкие законопослушание

и педантизм, он сомневался в успехе очередного революционного предприятия, хотя и остерегался выступить против него открыто. У него, по-видимому, сложилось твердое убеждение в силе местного национализма. Он наиболее ярко проявился в Гражданской войне, в одних случаях содействуя победам Красной Армии над белыми, а в других, как это было в Польше, определив ее поражение.

В октябре 1923 года в Гамбурге вспыхнуло восстание под руководством Эрнста Тельмана. Рабочие других германских городов его не поддержали. Капиталистические страны Европы после потрясений мировой войны вступили в период стабилизации.

* * *

Неудача «германского Октября» не ввергла Троцкого в уныние. Он решил упрочить свое положение в партии, ослабив позиции Зиновьева и Каменева. Для этого припомнил их двуручническую роль в период октябрьского переворота 1917 года. По-видимому, Лев Давидович предполагал таким образом резко ослабить авторитет Сталина, которого теперь поддерживали эти два партийных лидера.

Для укрепления собственных позиций Троцкий решился на союз с «децистами» и «рабочей оппозицией» (антиленинскими фракциями), а также попытался переманить на свою сторону молодежь. Тем самым он стремился возбудить новую революционную вспышку внутри самой партии.

Так называемые децисты выступали за демократический централизм в предельной форме — за полную коллегиальность в руководстве, против решающей роли центра. А рабочая оппозиция отвергала государственное управление производством, требуя передачи

Завещание Ленина

всей полноты власти на промышленных предприятиях трудовым коллективам. В 1923 году и те и другие, а также троцкисты были едины в своем неприятии всевластия, как они утверждали, партаппарата. Однако и среди сторонников ленинской линии наметился раскол: зиновьевцы и каменевцы выступили против «центристов», которых возглавлял Сталин.

Маневры фракционеров и оппозиции, заключение политических «сделок», попытки тех или иных деятелей усилить свои позиции перед неизбежно приближающейся кончиной Ленина — все это не оставалось незамеченным не только партийными активистами, но и в массе партийцев.

На этом фоне твердая, непоколебимая позиция Сталина, безусловно, вызывала уважение и симпатию.

Партийная смута

В 1923—1924 годах наряду с очевидными успехами нэпа обнаружились и его теневые стороны.

Основа новой экономической политики — укрепление элементов социализма с помощью элементов капитализма. Это стратегическое отступление было вынужденной мерой, которую осуществил Ленин. После страшной разрухи именно она обеспечила частичное восстановление страны. Но вскоре все определенной стали проявляться и усиливаться элементы капитализма. Их поощряли правые. Бухарин выдвинул лозунг «Обогащайтесь». По настоянию Рыкова ЦИК СССР принимал законы в интересах мелкобуржуазных слоев города и особенно деревни.

Это вызвало недовольство в партии. Опаленные боями Гражданской войны большевики, глядя на нэпманов, заполнявших рестораны и разъезжающих на ли-

хачах, задавали вопрос: «И ради этого стоило проливать столько своей и белогвардейской крови?!» Наиболее зажиточные крестьяне верховодили не только в селах, но и в местных Советах.

Боровшиеся за власть Зиновьев и Каменев обвинили остальное руководство в том, что оно идет на поводу у «спецов» — буржуазных интеллигентов. «Эти профессора как будто бы только советуют, консультируют. На самом деле они решают», — говорил Зиновьев.

Но левая оппозиция была обречена.

Из воспоминаний эмигрировавшего из СССР меньшевика Валентинова (Вольского): «Почему погибла оппозиция?.. За исключением небольших групп, у нее не было поддержки в стране. В самом деле, на симпатии каких классов она могла рассчитывать? Разумеется, не крестьянства, так как требовала нажима на деревню... Не было у нее поддержки и со стороны «бюрократов», беспартийной интеллигенции, считавших вредной и демагогической социально-экономическую программу оппозиции... Рабочая масса в то время, сытая и никогда еще так хорошо не питавшаяся, жившая лучше, чем в царское время, пользовавшаяся рядом привилегий, шла за правительством, не обнаруживая вкуса к авантюрам, перетасовкам...»

В 1923 году начался кризис, вызванный диспропорцией в скорости восстановления сельского хозяйства и промышленности. Многие предприятия были вынуждены сократить объем производства, а в ряде случаев временно приостановить работу или перейти на сокращенную рабочую неделю. Начались перебои с выплатой зарплаты, часть которой обесценилась из-за падения покупательной способности рубля. Своевременно принятые меры позволили частично устранить подобные трудности.

Завещание Ленина

Однако немало проблем осталось со времен Гражданской войны. Значительная часть территории Сибири продолжала находиться в руках белых. Почти миллион белогвардейцев находились вблизи советских границ. Они были хорошо вооружены и готовы к решительным действиям. В некоторых местах, особенно на Кавказе и, в частности, в Чечне, орудовали крупные банды.

Пуля белогвардейского террориста сразила в Швейцарии одного из первых советских дипломатов и высокообразованных большевиков В. В. Воровского. Британский министр иностранных дел лорд Керзон грозил Советскому Союзу ультиматумом. Пограничные СССР европейские страны, пользуясь поддержкой Антанты, бряцали оружием. С их территорий пробирались на советскую землю эсеровские и белогвардейские террористы, украинские националисты. Они встречали вооруженный отпор.

Все ли было благополучно в Красной Армии? Ведь она победила не столько внешних врагов, сколько своих же соотечественников. И служили в ней тысячи военспецов, а с 1920 года — многие белые офицеры и генералы. Слухи о тайной организации в РККА и заговоре в войсках Прикавказья и Закавказья появились в одном из центров белой эмиграции Берлине уже весной 1923 года. Заговор представляли как пробелогвардейский. Советское постпредство в Германии в ответ распространило «опровержение Наркомвоенмора», в котором говорилось, что «заговор был, но среди младшего состава из донских и кубанских казаков». В заявлении сообщалось о «вспышках в Туапсе, Сочи, Майкопе».

В июле того же года один из белогвардейских генералов-эмигрантов получил информацию из СССР о том, что интернационалисты-коммунисты «составили

против советского правительства заговор, так как современная советская власть слишком националистична».

ЦК РКП(б) отреагировал на данную информацию быстро. 2 июня 1923 года было принято постановление о проверке и ревизии военного ведомства. С июля по ноябрь в результате обследования были вычищены: командное ядро Западного фронта, Вооруженных сил Украины и Крыма, 5-й Отдельной армии (Дальний Восток), командование авиации РККА. Через чистку прошла даже 1-я Конная армия — легендарное кавалерийское соединение во главе с не менее легендарным командующим.

Из письма К. Е. Ворошилова И. В. Сталину от 1 февраля 1923 года:

«Буденный... слишком крестьянин, чересчур популярен и весьма хитер. Зарубежная белая пресса очень часто («Руль» от 11.01.23) пишет о Буденном в минорных тонах не без задних мыслей. Внутренняя контрреволюция тоже очень уповает на будущее, в этом будущем, в представлении наших врагов, Буденный должен сыграть роль какого-то спасителя (крестьянского вождя), возглавляющего «народное» движение...

Если действительно произошло бы когда-нибудь серьезное столкновение... интересов между пролетариатом и крестьянством, Б[уденный] оказался бы с последним...

Сегодня на вопрос комиссара штаба 1-й Кон[ной] молодому красноармейцу, за что он будет драться, последний ответил: «За Буденного».

28 августа 1923 года Оргбюро ЦК ввело в состав Реввоенсовета СССР большую группу новых членов. Среди них оказался и С. М. Буденный. Повысив в ранге, его удалось оторвать от 1-й Конной армии. Она через два месяца была расформирована.

Завещание Ленина

На фоне этих событий в Политбюро уже начиналась борьба за наследство Ленина. Часто историки, литераторы и публицисты делают ошибку, переоценивая роль Троцкого как чуть ли не официального тогда наследника Ленина. На самом деле многие троцкистские кадры еще в 1921—1922 годах были удалены В. И. Лениным с руководящих постов во многих сферах государственной жизни, в том числе и в вооруженных силах, которые Лев Давидович продолжал возглавлять.

Конечно, Троцкий претендовал на ленинское наследство. Но делал это слишком явно, напористо и грубо, чем лишь повредил сам себе (об этом мы еще поговорим).

Фактически замещала Ленина во время его болезни «тройка»: Сталин, Зиновьев, Каменев. Но и среди триумфиров шансы стать преемником вождя были разные.

В. М. Молотов вспоминал:

«У Ленина не было друзей в Политбюро. Но он нас всех сохранил — и тех и этих. Многие качались от него в разные стороны, но других-то не было!..

Со Сталиным у Ленина отношения были тесные, но больше на деловой основе. Сталина он куда выше поднимал, чем Бухарина! Да и не просто поднимал — сделал своей опорой в ЦК. И доверял ему. В последний период Ленин был очень близок со Сталиным, и на квартире Ленин бывал, пожалуй, только у него».

А Зиновьев и Каменев? Хорошо и довольно близко знавший обоих В. М. Молотов рассказал: «Так сложилось, что в литературе имена Зиновьева и Каменева идут рядом, но это совершенно разные люди... Каменев посolidнее, поглубже... Зиновьев был трусоват. Каменев — тот с характером... Ленин Зиновьеву никогда не доверял. Ленин больше любил Каменева».

Но с 1922 года Ленин начал выдвигать новых членов Политбюро, вошедших сюда на XI съезде, — А. И. Ры-

кова и М. П. Томского — энергичных, талантливых. Рыкову Владимир Ильич, сдавая дела, поручил контроль над важнейшими наркоматами.

В апреле 1923 года открылся XII съезд РКП(б), на месяц позже намеченного срока. Для многих его делегатов было ясно, что мартовский инсульт Ленина надолго, если не насовсем, вывел вождя из строя.

Еще в феврале Ворошилов писал Сталину, что разделяет предлагаемые Лениным изменения в руководстве партией и государством. Но отмечал, что они вряд ли понравятся «старикам». То есть Зиновьеву и Каменеву. Троцкого Климент Ефремович, как большевик с дореволюционным стажем, вообще выносил за рамки партии.

Прежде всего Ворошилов имел в виду предложение В.И. Ленина о массовом вливании в ряды ЦК партии «рабочих от станка» и «крестьян от сохи», в дополнение к тем «цекистам», чье рабоче-крестьянское происхождение уже приняло чисто формальный характер, уступая место начавшемуся (только еще) элитарно-бюрократическому перерождению.

Против ленинских предложений дружно выступили «старики» и примкнувший к ним Л. Д. Троцкий. «Патриархом бюрократии» называла его еще в 1920 году «децистская» оппозиция.

«Старикам» не возражал и Сталин. Новый штаб большевистской партии 12-го созыва резко отличался от ЦК 11-го, последнего ленинского созыва. Предложения Ильича были дружно отброшены. Целый ряд деятелей, входивших в состав предыдущего ЦК, оказался непереизбранным, среди них такие, как И. Кутузов, В. Михайлов, которых Ленин поднял очень высоко, но позже их имена канули в Лету.

Поразительно сходство с судьбой ЦК 19-го, последнего сталинского созыва, избранного в октябре 1952 го-

да. Пономаренко, которого Сталин предполагал своим преемником, Пегов, кому он поручал руководство кадрами, и многие другие были отодвинуты в тень сразу после сталинской смерти.

Но дело было не только в персональных изменениях. Главная цель Ленина состояла во вливании свежих сил, еще не испорченных высоким положением, дабы предотвратить партийный раскол.

Место действительных рабочих и крестьян заняли заслуженные, но уже пропитанные клановостью сторонники Зиновьева, Каменева, Сталина, Рыкова, Троцкого. Л. Д. Троцкий решил укрепить свои очень ослабленные в 1921—1922 годах позиции, 15 октября 1923 года было опубликовано «Письмо 46-ти» с изложением платформы, оппозиционной большинству ЦК. Его подписали не только троцкисты, но и ранее враждовавшие с ними члены «рабочей оппозиции», и даже «децисты», которые прежде ненавидели Троцкого, называвшего их «земцами» — тяжелое оскорбление для большевиков начала 1920-х годов. Так Троцкий пошел на беспринципный союз со своими противниками. К этому союзу примкнули и более мелкие оппозиционные организации.

В 1923 году возник «трест оппозиций», что очень усилило политическое влияние Льва Давидовича. Троцкисты и их союзники установили тесное взаимодействие с «национал-уклонистами». С последними уже давно воевал Сталин, который довел дело даже до репрессий (к примеру, дело Султан-Галиева).

Позиции этих коммунистов, представителей национальных окраин, были особенно сильны в Грузии и на Украине. Их возглавляли такие авторитетные и влиятельные большевики, как Б. Мдивани, М. Окуджава, Ф. Махарадзе, Н. А. Скрыпник, Х. Г. Раковский. Они выступали за национальную обособленность республик.

* * *

Накануне важнейших политических пертурбаций в правящих кругах страны решался вроде бы второстепенный, но отчего-то почти всегда в России роковой вопрос — о государственной торговле водкой.

Ленин сохранил запрет Николая II на торговлю высокоградусными напитками, который царское правительство ввело после начала Первой мировой войны. Результат оказался предсказуемым: вскоре самогонное море захлестнуло страну. Владимиру Ильичу пришлось отступить в войне с «зеленым змием» (сам вождь коммунистов был искренним и убежденным трезвенником). В декабре 1919 года он разрешил производство и продажу виноградных вин крепостью до 12 градусов, а в начале 1921 года увеличил количество разрешенных градусов до 14. В декабре того же года крепость выпускаемых напитков была поднята до 20 градусов; началось производство пива.

Летом 1923 года Сталин попытался отменить запрет на торговлю водкой и другими крепкими напитками. Он вынес проект постановления по этому вопросу на июньский Пленум ЦК РКП(б). Это вызвало резкий письменный протест Троцкого, отвергавшего саму возможность легализации водочной торговли. Пленум не поддержал по этому вопросу ни Сталина, ни Троцкого. Как писал Зиновьев Сталину в июле 1923 года из Кисловодска: «Беда в том, что и наши — Серго, Ворошил[ов], Бух[арин] — сильно колеблются... Даже Молот[ов], кажется, имеет большие сомнения».

Политбюро приняло решение, предлагавшее воздержаться от помещения в «Правде» дискуссионных статей о продаже водки. Оспорил такое мнение троцкист Е. А. Преображенский — член редколлегии «Правды».

З а в е щ а н и е   Л е н и н а

Сталин провел на Политбюро постановление о снятии его с этого поста. Одновременно в отсутствие главного редактора Бухарина была назначена новая редакционная коллегия.

Зиновьев, который узнал об этом, находясь в отпуске, был возмущен самоуправством Сталина. Он сразу же отправил из Кисловодска в Москву письмо Л. Б. Каменеву, упрекая его в том, что тот позволяет Сталину «прямо издеваться» над собой. Письмо заканчивалось словами: «Либо будет найден серьезный выход, либо полоса борьбы неминуема. Ну, для тебя это не ново. Ты сам не раз говорил то же. Но что меня удивило — так это то, что Ворошилов, Фрунзе и Серго думают почти так же».

И все-таки борьба внутри тройки вождей тогда еще не началась. Слишком велика была угроза усилившегося троцкизма. Лев Давидович, у которого было много влиятельных сторонников, не желал сдавать своих позиций.

***

Не менее опасной угрозой для партийного руководства было недовольство партийных низов. Осенью 1923 года произошло очень важное, знаковое событие: впервые, если не считать Кронштадтского мятежа в 1921 году, были проведены массовые аресты коммунистов. Взяли несколько десятков человек — не просто рядовых членов партии из служащих, а рабочих от станка с большим партстажем. Их можно было считать представителями партийной гвардии. Именно таких людей трагически одинокий Ленин хотел сделать большинством в новом ЦК.

Репрессии обрушились на конспиративные группы этих рабочих-большевиков как раз накануне их объ-

единения. Теоретиками оппозиционеров были и крупный мыслитель Александр Богданов — один из лидеров РСДРП в дореволюционный период, и Давид Рязанов — образованный марксист.

Возможно, ситуация разрешилась бы как-нибудь иначе, будь Ильич здоров и дееспособен. Но он оставался в Горках в положении, похожем на пленника Политбюро. Его отстранили от текущих политических проблем, приняв предложение Сталина, предусматривающее «изоляцию Владимира Ильича как в отношении личных сношений с работниками, так и переписки». Ответственным за быт больного Ленина Политбюро назначило Л. Б. Каменева.

Можно было бы квалифицировать это как негласный тихий государственный переворот, устроенный Сталиным ради захвата власти. Но, во-первых, никакой особенно большой власти у него не было, ибо решения принимались коллегиально, и он не имел возможности подавить своим авторитетом мнение большинства (других инструментов давления у него не было). Во-вторых, прежде всего сами врачи рекомендовали максимально оградить Ленина от политической деятельности, умственного напряжения и волнений.

А обстановка в стране и партии обострялась. Несмотря на аресты членов «Рабочей группы» и «Рабочей правды», всю осень и зиму 1923 года в Москве шли жаростные внутрипартийные дискуссии. Репрессии не запугали, а только «подхлестнули» недовольных всех направлений. Рабочие партийные ячейки кипели.

Споры перекинулись на страницы печати. Троцкисты попытались воспользоваться усложнившейся ситуацией. Историк С. Т. Минаков пишет: «Вероятно, именно 22—23 декабря 1923 года и состоялись переговоры В. Антонова-Овсеенко (начальника Политического

Управления РККА. — Р. Б.) и командующего Западным фронтом (Тухачевского. — Р. Б.)...» По свидетельству К. Радека, В. Антонов-Овсеенко предложил план, в соответствии с которым «Михаил Тухачевский... должен был взять на себя осуществление переворота» после того, как вопрос этот будет согласован с Л. Троцким.

Без Ильича

1923 год в истории РКП(б) можно назвать — с некоторой долей условности — периодом междуцарствия.

Ленин находился в тяжелом состоянии. Профессор В. Крамер констатировал, что инсульт привел «к стойким изменениям, как со стороны речи, так и правых конечностей». Способность говорить возвращалась к Ленину медленно и трудно. Она восстановилась только частично. Правая рука беспомощно висела плетью. Он пытался научиться писать левой, но из этого ничего не вышло. Крупская тратила много усилий, заново, почти как ребенка обучая его говорить и писать, с отчаянием убеждаясь, что успехи минимальны.

В письме от 6 мая она признается близкой знакомой: «Живу только тем, что по утрам Володя бывает мне рад, берет мою руку, да иногда говорим мы с ним без слов о разных вещах, которым все равно нет названия». Такое общение все же угнетающе действует на ее психику, хотя она убеждает себя, что дело идет на поправку. Действительно, некоторое улучшение наступило: он стал медленно с палочкой передвигаться, выговаривать некоторые междометия и даже слова.

Осенью Крупская признается в письме: «Сейчас я целые дни провожу с Володией, который быстро поправляется, а по вечерам я впадаю в очумление и неспособна уже на писание писем». А в конце октября: «Врачи

говорят — все данные, что выздоровеет, но я теперь твердо знаю, что они ни черта не знают, не могут знать».

Безусловно, ей лучше, чем кому-то еще, ясна безнадежность его положения. Вопрос лишь в том, как долго продлится его состояние «ни жизни, ни смерти».

В январе 1924 года XIII партийная конференция осудила Троцкого и его сторонников. Крупская регулярно читала Ленину материалы этой конференции. На чьей стороне был Ильич? Ответить точно на этот вопрос невозможно. Официальные идеологи брежневского времени мимоходом заявляли, что Ленин был на стороне большинства ЦК. Антисоветский историк А. Г. Авторханов приписывал вождю симпатии к Троцкому.

Остается лишь догадываться о невыразимых страданиях Ленина в те моменты, когда прояснялось его сознание, но мысли уже нельзя было даже высказать, а не только претворить в дело, как он привык.

Смерть избавила его от дальнейших мучений 21 января 1924 года.

Из медицинского заключения следует, что кровеносные сосуды его головного мозга находились в ужасном состоянии. Было даже удивительно, что ему удавалось так долго сохранять жизнедеятельность. Правда, по сообщениям некоторых медиков, у его мозга были необычайно хорошо развиты извилины лобных долей. Но это, пожалуй, следует отнести к легендам о существовании каких-то физиологических предпосылок гениальности. Мол, у великих мыслителей особенно много «серых клеточек».

Великими мыслителями не рождаются, а становятся. К тому же среди них немало чрезмерно восхваляемых более из рекламных или политических соображений, чем по справедливости (назову хотя бы А. Эйнштейна или А. Н. Сахарова).

Итак, смерть Владимира Ильича была, судя по всему, естественной. Но есть и криминальная версия. Ее высказал Р. И. Косолапов, один из советников последнего советского лидера К. У. Черненко:

«...Троцкий туманно объясняет мотивы своего отсутствия в Москве в момент кончины Ленина. Зная все о состоянии Ленина от их общего лечащего врача Ф. А. Гетье, он за три дня до рокового исхода удалился врачевать некую инфекцию на юг. Зачем понадобилось это странное «алиби», до сих пор остается загадкой.

Гетье дважды (выделено Р.И. Косолаповым. — Р. Б.) посетил Троцкого в последние сутки накануне его отбытия из Москвы. Содержание их бесед с глазу на глаз, естественно, неизвестно».

Далее Косолапов сослался на книгу Ф. Д. Волкова «Взлет и падение Сталина»: «Орудием для приведения в жизнь своих преступных замыслов Сталин и Ягода (они ли? — *Косолапов*) избрали одного из лечащих врачей В. И. Ленина Федора Александровича Гетье — в то время занимавшего пост главного врача Боткинской больницы. Гетье был личным врачом семьи В. И. Ленина (и Троцкого. — *Косолапов*), и Владимир Ильич вполне доверял ему». «Возможно, Волков и не ошибается, называя Гетье, — пишет Косолапов, — но он вряд ли точен в остальном».

Поражает неэтичное и даже скандальное отношение к похоронам Ленина со стороны двух очень известных тогда в Советской стране деятелей. Троцкий, получив телеграмму Сталину о смерти вождя, ответил, что не успеет на похороны из-за плохой работы транспорта, — и это в то время, когда железнодорожники во главе с Ф. Э. Дзержинским полностью ликвидировали разруху на стальных магистралях страны! В распоряжение

Троцкого мог быть предоставлен курьерский поезд. Кроме того, руководитель военного ведомства мог беспрепятственно воспользоваться любым военным самолетом.

Не менее странно поступил Тухачевский. В момент смерти Ленина он находился в Москве. Но демонстративно не остался на похороны и уехал в Смоленск. И эта оскорбительная для памяти вождя выходка сошла безнаказанно. Значит, ему покровительствовал кто-то очень и очень влиятельный.

Кто-то оставил во владении Тухачевского его имение. Кто-то смотрел сквозь пальцы на его частные и обильные продовольственные посылки близким во время голода 1921 года. Кто-то не обратил внимания на подозрительное самоубийство одной из его жен. Кто-то оставил без внимания его связи с женщинами весьма сомнительными в политическом отношении, но работавшими в его штабе и имевшими доступ к секретным военным документам. Об этом заговорили только после соответствующих настойчивых донесений.

Вскоре после смерти Ленина, 16 февраля 1924 года, белоэмигрантская газета «Руль» поместила заметку «Тухачевский и советская власть», в которой сообщалось: «Выступление Троцкого против «тройки» заставило ее насторожиться против тех военных начальников, которые особенно близки к председателю реввоенсовета. Среди них видное место занимает Тухачевский, командующий Западным фронтом».

В кругах белой эмиграции обсуждался вопрос о перспективах власти в СССР после кончины В. И. Ленина. «Красный Бонапарт» Тухачевский рассматривался как один из кандидатов на роль нового диктатора.

Заинтересовалось Тухачевским и ОГПУ. Еще 2 сентября 1923 года зам. полномочного представителя

Завещание Ленина

ОГПУ по Западному краю направил спецдоклад, касавшийся политической неблагонадежности Тухачевского. В декабре 1925 года поступило сообщение секретного сотрудника ОГПУ Овсянникова, где отмечалось: «В настоящее время среди кадрового офицерства и генералитета наиболее выявилось два течения: монархическое и бонапартистское, концентрация которого происходит вокруг М. Н. Тухачевского». В последующем году началось специальное агентурно-наблюдательное «дело Тухачевского». Михаил Николаевич сориентировался в считанные дни, быстро сумев заработать себе репутацию ярого антитроцкиста.

А тогда, зимой и весной 1924 года, курс политических акций Троцкого рос. Ставший его сторонником начальник Политического управления РККА В. А. Антонов-Овсеенко прямо грозил Зиновьеву, что в споре Троцкого с Политбюро он будет апеллировать к армии. В письме Антонова-Овсеенко от 27.12.1923 была важная фраза: «Среди военных коммунистов уже ходят разговоры о том, что нужно поддержать всем, как один, т. Троцкого».

Через много лет К. Е. Ворошилов пояснил эти слова: «К 1923—1924 годам троцкисты имели, как вы помните, за собой почти всю Москву (т.е. Московский военный округ. — Р. Б.) и Военную академию целиком, за исключением единиц. И здешняя школа ЦИК, и отдельные школы — пехотная, артиллерийская и другие части гарнизона Москвы — все были за Троцкого». Его дополнил Гамарник (бывший троцкист. — Р. Б.): «И штаб московского округа, где сидел Муралов, был за Троцкого».

Протроцкистскую позицию заняли партийные ячейки Главного управления военной авиации, Штаба РККА, Главного управления военных учебных заведений РККА, частей особого назначения, их возглавляли

А. П. Розенгольц, В. К. Путна, А. И. Корк и другие друзья Тухачевского. Важные военные рычаги находились в их руках. Создавалась реальная угроза, что они запустят эти рычаги в нужном им направлении, когда это станет необходимо.

Согласно устному свидетельству Ф. Ф. Раскольникова, в 1936 году состоялся диалог между И. В. Сталиным и К. Б. Радеком. Вот отрывок из него:

«СТАЛИН: ...Все-таки речь шла о том, что следовало арестовать все Политбюро, чтобы созвать Чрезвычайный съезд и чтобы на мое место выбрать нового Генерального секретаря, Троцкого, не так ли?

РАДЕК: Сколько было слухов.

СТАЛИН: Ты хочешь, чтобы я освежил тебе память? Согласно некоторым планам, молодой командарм Михаил Тухачевский... должен был получить полномочия осуществить переворот по согласованию с Троцким.

РАДЕК: Сколько было слухов. Что ты ворошишь прошлое?

СТАЛИН: В 1924 году разве не ты был секретарем подпольной группы Московского округа? На тебя возложил Троцкий решение задачи наладить связь с Тухачевским и его сторонниками».

Судя по всему, Сталин крепко запомнил то, что происходило в 1924 году, когда власть в стране вполне могла перейти к сторонникам Троцкого. Не исключено, что тогда (так же как через 12 лет) Тухачевский проявил нерешительность. Основания для этого были: ведь XII партийный съезд почти единогласно поддержал Сталина. В случае провала переворота Тухачевский рисковал жизнью, а в случае успеха на вершине власти оказался бы не он, а Троцкий. На отчаянные действия можно решиться из идейных соображений. Однако не

только Тухачевский, но и Троцкий не были на деле столь же пламенными патриотами и коммунистами, как на словах.

Но подобные соображения приходят в голову теперь, задним числом, а тогда угроза военного переворота была велика; никто не мог знать, что произойдет. Видный советский «невозвращенец» Г. Беседовский писал, вспоминая политическую обстановку в начале 1924 года: «Москва переживала критические минуты. В течение двух недель мы все ждали переворота. Троцкий мог, как писал Пилсудский, буквально в несколько минут овладеть властью... Но Троцкий смалодушествовал, Сталин тем временем вызвал из Харькова Фрунзе, быстро все переделавшего, заменившего командный состав своими людьми с Украины. Через короткое время опасность переворота была устранена, а трусивший Троцкий безнадежно скомпрометирован».

После смерти Ленина Сталин умело маневрировал. Он поддерживал конфронтацию между Троцким с одной стороны и Зиновьевым с Каменевым — с другой. В то же время у Зиновьева были опасения относительно Каменева, намеревавшегося унаследовать все ленинские посты. Это совсем не входило в зиновьевские планы. В этом внутреннем противостоянии была слабость дуумвирата Григория Евсеевича и Льва Борисовича.

Воспользовавшись недостаточно активной борьбой с троцкистами лидера московских большевиков в 1921—1924 годах И.А. Зеленского (он ориентировался на Каменева), Сталин сделал блестящий кадровый ход. Он предложил перевести Зеленского на пост первого секретаря Среднеазиатского бюро ЦК РКП(б) и председателя Среднеазиатской комиссии ЦИК и СНК СССР. Предложение наивыгоднейшее: огромная власть на колоссальных пространствах Средней Азии и Казахстана

(называемого тогда Киргизией), гораздо бо́льшая самостоятельность, чем в Москве. Но Каменев таким образом лишился ключевой позиции в МК и МГК.

Каменев во время болезни вождя возглавлял Совет труда и обороны (СТО) и председательствовал в Политбюро. И это в дополнение к его собственным постам зампреда СНК и председателя Моссовета. Но решающие механизмы власти находились в руках Рыкова, замещавшего Ленина в Совнаркоме, и у Сталина, возглавлявшего Секретариат ЦК, председательствовавшего в Оргбюро ЦК и курировавшего весь партийный аппарат.

Из воспоминаний Молотова: «После смерти Ленина, когда остались три его заместителя — Цюрупа, Рыков и Каменев, мы обсуждали вопрос, кого назначить Председателем Совнаркома. Были сторонники Каменева, но Сталин предпочитал Рыкова, потому что тот хоть и был за включение в правительство меньшевиков и эсеров, но против Октябрьской революции не выступал открыто, как Каменев».

Причины были, конечно, глубже. Ленин, ценя Каменева как теоретика, всегда спрашивал: «Но какой же он администратор?!» А вот у Рыкова безусловно были административные таланты. И Сталин, поддерживая Алексея Ивановича, знал, что он, в отличие от Льва Борисовича, не подвержен внешним влияниям и не имеет больших амбиций.

Добившись избрания Рыкова на пост главы правительства и избрания Бухарина на освободившееся после кончины Ленина место в Политбюро, Сталин мог больше не опасаться раскола в «тройке»: его позиции укрепились. А разногласия в ней начались уже в 1923 году.

Состоявшийся летом 1924 года XIII съезд РКП(б) стал звездным часом для Каменева и Зиновьева. Первый на правах председателя открыл первое заседание.

Завещание Ленина

Второй выступил с политическим докладом. И сразу же напомнил: прежде на его месте стоял Ленин. Тем самым прозрачно намекнул, что является его преемником. Это наивное выпячивание собственной фигуры, по-видимому, возмутило Троцкого, претендовавшего на главную роль, и насторожило Сталина.

Непосредственно к нашей теме относится другое утверждение Зиновьева: «В последнее время, и в частности на данном съезде, нам приходится действовать уже по ленинизму. У нас нет прямых, точных указаний, прямых директив». Он не счел нужным сослаться на последние труды Ленина и его обращение к съезду («политическое завещание»).

Почему он так поступил? Тоже, по всей вероятности, желая занять первое место в партийном руководстве. Ведь у Ленина определенно поставлены на первые два места Сталин и Троцкий, о чем Зиновьев был осведомлен. И хотя Сталина предлагалось сместить с поста Генерального секретаря за грубость, никого конкретно на этот пост Ильич не предложил. Возможно, исходя из того, что такой кандидатурой может стать Троцкий, Григорий Евсеевич на съезде обрушился на него с резкой критикой. А основным заветом Ленина назвал его слова: «Из России нэповской будет Россия социалистическая».

Говоря о национальной политике, Зиновьев сослался на Сталина, причем в оригинальном контексте. Он рассказал об инциденте «из почти что потустороннего мира»: собрании идеологов белой эмиграции в Праге, где обсуждался доклад профессора П. Н. Милюкова по национальному вопросу. По словам Зиновьева, «Милюкову возражали все абсолютно. Дело дошло до того, что Кускова апеллировала — к кому бы вы думали? — к товарищу Сталину». Е. Д. Кускова (бывшая народница)

высказала мысль, которая звучит актуально и поучительно в наше время: «Конечно, Сталин прав. Ни один фактор, может быть, не имел столь крупного значения, как фактор национальный, как центробежные силы, тянувшие каждая в свою сторону. Россия в прошлом так сумела опротиветь всем народностям, что они сразу же стали стремиться не к ее обновлению, а к отделению от нее... Так родился СССР. И так умерла старая Россия».

(Теперь мы можем с не меньшим основанием подтвердить правоту сталинского курса. Как только дали волю местным националистам, поддержанным из-за рубежа, центробежные силы разорвали СССР. Так была разрушена Великая Россия.)

Речь Зиновьева произвела большое впечатление на делегатов съезда. Как отмечено в стенографическом отчете: «Бурная, горячая овация; долго не смолкающие аплодисменты; делегаты встают и поют «Интернационал».

* * *

Здесь следует дать более подробную характеристику Григорию Евсеевичу Зиновьеву и Льву Борисовичу Каменеву.

В. И. Ленин, прекрасно зная сильные и более многочисленные слабые стороны Зиновьева, тем не менее доверял ему до революции и после нее очень ответственные, и даже ключевые посты, полагая, что тот не станет центром какой-либо более или менее сильной антиленинской оппозиции. И «Григорий» был верной тенью вождя (правда, не всегда).

Болезнь и смерть Ленина выдвинули Григория Евсеевича на первые роли в партии и в Коминтерне. Честолюбия и властолюбия у него было с избытком. Сторонники быстрыми темпами создавали культ его

личности, возможно, реализуя его тайные желания. В Петрограде—Ленинграде десятки предприятий и учреждений назывались его именем. Волны Балтики бороздил эскадренный миноносец «Зиновьев». В 1923 году началось издание 22-томного собрания сочинений Григория Евсеевича. В 1924 году родной город Зиновьева Елисаветполь на Украине был переименован в Зиновьевск (до следующего переименования в 1935-м).

Льва Борисовича Каменева Владимир Ильич хотя и ценил в качестве оппонента в часто возникавшей между ними полемике, но, по сравнению с Зиновьевым, особенно не выдвигал. Так продолжалось до 1922 года, когда Каменева вместе с Рыковым Ленин сделал своими заместителями по правительству.

* * *

Итак, на XIII съезде партии Троцкий потерпел сокрушительное поражение. Но вскоре и мнимые победители Зиновьев и Каменев с удивлением обнаружили, что их оттеснили от реальной власти. Образовался новый триумvirат: Сталин—Рыков—Бухарин. Его созданию и авторитету невольно и непродуманно содействовал... Троцкий.

Осенью 1924 года он издал сенсационную брошюру «1917» со статьей «Уроки Октября». Этим спас Политбюро от неминуемого раскола, проявив феноменальную неспособность к правильному политическому анализу. Он не только не заметил появление нового триумvirата, но считал, будто Зиновьев и Каменев имеют гораздо больший политический вес, чем Сталин. Именно по ним он нанес в своих «Уроках Октября» основной удар.

Молодые партийцы, и особенно комсомольцы (комсомол в Политбюро курировал Зиновьев), вдруг узнали

о тяжелейших политических проступках Зиновьева и Каменева в 1917 году. Это было общественным потрясением.

Опасные делишки —
 Писать в России книжки.
 Ты, Лева, тиснул зря
 «Уроки Октября».

Сочинил эту колкую и точную эпиграмму находившийся в тюремном заключении правозэсеровский лидер А. Гоц. Он был прав. Политбюро обрушилось на Троцкого. А он, дискредитировав Зиновьева и Каменева, резко убавил их политический вес. В то же время Сталин оказался в положении «над схваткой», сохраняя с ними товарищеские отношения, но и не разрывая напрочь контакты с Троцким.

«Перед Каменевым встал вопрос, кого из старых товарищей поддержать? Лев Борисович совершил роковую ошибку, выступив в союзе с Зиновьевым против Сталина» — так пишет один из современных биографов Л.Б. Каменева.

Тактику оба выбрали, по их мнению, беспроигрышную: обвинять сталинско-рыковское большинство ЦК в покровительстве троцкизму. Они недооценили способность Сталина к гибкому маневру. Он заявил, что их требования обрушить на Троцкого суровые репрессии недопустимы. Одновременно он осторожно нейтрализовал Троцкого, делая невозможным создание в 1924—1925 годах единого блока оппозиции.

* * *

Зиновьева и Каменева не отрезвило поражение конца 1924 года, когда им не удалось использовать про-

тив Сталина прозиновьевское большинство ЦК. Они по-прежнему стремились занять ключевые, ведущие посты в партии и государстве.

Почему они так боролись за власть? Вряд ли из-за каких-либо идейных соображений. Они не предлагали партии новой генеральной линии, подорвали позиции Троцкого. Казалось бы, им следовало смириться со вторыми ролями и осуществлять коллективное руководство в Политбюро. Но в таком случае соратники Сталина могли вытеснить их на третий план. И дело не только конкретно в них, но и в значительной группе партийных и государственных руководителей, которые их поддерживали. (Не исключено, что сказывался и «национальный фактор», но это уже из области предположений.)

В январе 1925 года Зиновьев и Каменев вступили в решительный бой на Пленуме ЦК РКП(б). Они потребовали исключения Троцкого из партии и даже его ареста, обвиняя Сталина в покровительстве троцкизму. Сталин взял Троцкого под защиту, одновременно не возражая против ухода Льва Давидовича с поста руководителя военного ведомства.

Тогда Каменев сделал, по его мнению, очень ловкий, а на самом деле наивный и примитивный ход. Он предложил Сталина в качестве преемника уходящему Троцкому. Цель предложения была слишком очевидна и понятна всем: предполагалось таким образом отстранить Иосифа Виссарионовича от партийного руководства. Хитрость не удалась.

Командовать вооруженными силами назначили М. В. Фрунзе. Многие годы военные теоретики рассматривали его как самого блестящего полководца Гражданской войны.

Почему победил Сталин?

Ответы на этот вопрос за последние десятилетия предлагались разные. Чаще всего ссылались на его хитрость и коварство; опору на партийный бюрократический аппарат, созданный им самим; беспощадную расправу с противниками, вплоть до террора; атмосферу подавления инакомыслия, которую он установил в партии. Уинстон Черчилль подчеркнул его умение расправляться с врагами руками своих врагов.

Все подобные объяснения либо ошибочны, либо — по большей части — нелепы, либо не вскрывают суть проблемы. Даже хитрый и опытный политик Черчилль так и не объяснил, как же удалось Сталину проделать маневр, при котором его противники перегрызлись и, как сказано Чуковским в детской сказке, «волки от испуга скушали друг друга». Все политики, да и не только они, об этом мечтают, но добиться этого не могут. Откуда бы у Иосифа Виссарионовича столь волшебная способность?

Простой и убедительный ответ: он был целеустремленней, умней, лучше ориентировался в текущей обстановке и оценивал перспективы, обладал более сильной волей, чем его противники и «конкуренты». Если, конечно, ему не сопутствовала феноменальная удача. Однако о ней вряд ли можно говорить всерьез, когда речь идет о крупном партийном и государственном деятеле, остававшемся на вершине власти три десятилетия.

Не будем забывать, что мы говорим о ситуации в стране и партии не вообще, а в начале 1920-х годов. Тогда Иосиф Виссарионович не обладал сколько-нибудь значительной властью и авторитетом не только в сравнении с Лениным, но и с Троцким. У последнего вдобавок было множество влиятельных сторонников, да и

в партийной среде о нем хорошо знали благодаря тому, что он был непомерно прославлен в Гражданскую войну.

Правда, позже Троцкий объяснял свое поражение национальной принадлежностью: мол, во главе партии и государства не мог стоять еврей. Но разве обязательно было претендовать на место преемника Ленина? Речь шла о степени авторитета и влияния, не более того. Сталин тоже был по национальности нерусским...

Вряд ли можно всерьез полагать, будто Троцкому повредила его национальность. В особенности если учесть, как много евреев находилось на верхних этажах власти.

Последнее обстоятельство часто используют анти-семиты. Они утверждают, будто евреи узурпировали советскую власть, пользуясь традиционным национальным единством и взаимной поддержкой. Однако все было (и остается) не так примитивно. В нашем конкретном случае о каком-либо «жидомасонском» заговоре говорить не приходится. Против Троцкого на стороне Сталина поначалу выступили евреи Зиновьев и Каменев (и не только они).

Если бы эти люди поставили свои националистические принципы выше политических или каких-то иных, этого бы не произошло. Ведь при их поддержке Троцкий имел реальную возможность стать единоличным партийным лидером.

Вообще, устойчивый миф о монолитном единстве всемирного еврейства не подтверждается в действительности. С древнейших времен у иудеев были острые межплеменные распри, а позже они сменились классовыми, религиозными, политическими, мировоззренческими разногласиями. Это характерно для любой нации, которую составляют не стандартные роботы или клоны, а личности.

* * *

В противостоянии с Троцким и другими своими противниками Сталин выступал на совещаниях, конференциях, съездах. Дискуссии были не келейными, тайными, а предельно открытыми. Проблемные статьи и речи печатались нередко в одних и тех же изданиях, выходили отдельными брошюрами. В этом отношении у Сталина никаких преимуществ не было, так же как отсутствовали какие-либо средства силового давления.

А может быть, он был более изощренным демагогом, чем, скажем, Троцкий? Отрицательный ответ становится очевидным, если ознакомиться с их произведениями, относящимися к разным годам. Из них следует с полной определенностью, что Сталин действовал твердо и последовательно, излагая свои мысли четко, просто и даже чрезмерно упрощенным языком. Троцкий же постоянно лавировал, порой скрывался за спинами других и существенно менял свои позиции, нередко изъяснялся уклончиво и туманно. Вот, к примеру, как начал он свое выступление на XIII съезде партии в мае 1924 года:

«Товарищи, я коснусь лишь очень ограниченного числа вопросов из тех, которые были развернуты или затронуты в докладах ЦК. Я сосредоточу (или попытаюсь это сделать) ваше внимание на том вопросе, освещение которого съезд (или известная часть съезда, вернее — весь съезд) ждет с моей стороны, причем я заранее устраню, — и я думаю, съезд поймет мотивы, которые мной руководят, — все то, что может в какой бы то ни было степени обострить вопрос, внести личные моменты и сделать более трудной ликвидацию затруднений, которые перед партией возникли и из которых все мы хотим вывести партию с пользой для ее дальнейшей работы».

Завещание Ленина

Тут поневоле удивишься поклонникам «блестящего стиля» и литературного таланта Троцкого!

Его выступление на съезде, по сравнению с многими другими, отличалось вялостью и серостью. Вот как он завершил свою речь:

«Не только у отдельного члена партии, но даже у самой партии могут быть отдельные ошибки; таковы, например, отдельные решения последней конференции, которые я считаю в известных своих частях неправильными и несправедливыми, но у партии не может быть таких решений, хотя бы неправильных и несправедливых, которые могли бы поколебать хотя бы на йоту нашу беззаветную преданность делу партии, готовность каждого из нас на своих плечах нести дисциплину партии при всяких условиях. И если партия выносит решение, которое тот или другой из нас считает решением несправедливым, то он говорит: справедливо или несправедливо, но это моя партия, и я несу последствия ее решения до конца».

Сразу же ему по всем пунктам возразил Н. А. Угланов, старый член партии, сделав вывод: «Товарищ Троцкий, — могу взять на себя смелость сказать, — по-видимому, не знает партии». Затем К. М. Гулый призвал Троцкого говорить «не парламентски, а чисто по-революционному, как честный революционер, как вождь и руководитель партии». И добавил: «Здесь между делегатами, после выступления тов. Троцкого слышались такие разговоры: «Да, тов. Троцкому очень тяжело выкручиваться, надо ему сочувствовать». (Смех.) Это совершенно правильно».

Любой политический деятель после подобных высказываний в его адрес, да еще поддержанных большинством делегатов партийного съезда, резко утрачивает авторитет, уважение и доверие. И дело, конечно,

даже не в том, допускал ли он более или менее серьезные ошибки. И не так уж важно, что он если и признавал их, то с оговорками, обиняками. Самое главное: он выкручивался.

Правда, Н. К. Крупская, встреченная продолжительными аплодисментами, овацией (все встали), попыталась сгладить конфликт и поддержать упавший авторитет Троцкого. Она согласилась с позицией Сталина и Зиновьева, предложила считать правильной политику ЦК и всей партии. А в заключение высказала пожелание прекратить дискуссию (то есть критику Троцкого), ибо «в дальнейшем оппозиция будет без всякого камня за пазухой идти нога в ногу с партией».

Судя по всему, Надежда Константиновна то ли из симпатии к Троцкому, но более вероятно, из опасения, что Сталин начинает приобретать большой авторитет, попыталась «реабилитировать» Льва Давидовича, сохранить за ним положение одного из партийных лидеров. Ее попытка оказалась неудачной, ибо уже следующий оратор вновь стал клеймить оппозицию. Председательствующий поспешил завершить дискуссию.

Однако Сталин не пожелал встать на примиренческую позицию. В своем заключительном слове он обрушился на Троцкого и его соратников: «Неумной хитростью и дипломатией вам не провести съезд». Привел конкретные примеры подобных хитростей. Подчеркнул: «Недаром меньшевики и эсеры сочувствуют оппозиции. Случайно ли это? Нет, не случайно». Сделал вывод: «Большинство хочет единства работы. Хочет ли этого искренне меньшинство, — я этого не знаю. Это зависит целиком от товарищей из оппозиции».

И Зиновьев в своем заключительном слове тоже не выпустил из прицела Льва Давидовича. Согласившись с тем, что речь того была парламентской, уточнил: «Это определение было вежливым... и вместе с тем, мне зда-

ется, и самым убийственным для наших оппонентов... Парламентскую речь можно охарактеризовать двумя чертами. Первая — когда человек говорит не совсем то, что думает, или даже совсем не то, что думает. (*Аплодисменты.*) Вторая черта — когда человек, выступая в «парламенте», «через окно» говорит какой-то другой среде..., используя легальные возможности. (*Аплодисменты.*) Я думаю, что в речи тов. Троцкого были обе эти черты».

Как видим, делегаты восприняли эти его высказывания с пониманием и одобрением. А он продолжил, дав уничтожительную критику только что вышедшей работе бывшего Демона Революции: «В «Новом курсе» товарища Троцкого нет ни грана большевизма». И постарался это доказать.

* * *

Нам сейчас нет смысла разбираться в достаточно запутанном клубке интересов и противоречий в руководстве партией. Выделим лишь самое главное.

Троцкий еще при Ленине попытался выдвинуться на первый план. В руководстве Красной Армии, где кадры подбирались при его активном участии, у него было много сторонников. Однако в мирное время эта опора не имела решающего значения, а хозяйственный и партийный аппарат оставался в ведении Ленина и Сталина. В этой среде постоянно помнили о политической «неблагонадежности» Троцкого и его идейных столкновениях с Лениным.

Вот что писал о нем в энциклопедии «Гранат» старый коммунист В. А. Невский в 1926 году: «Разногласия по вопросу о профессиональных союзах сводились к тому, что Троцкий приемы военного коммунизма переносил в сферу хозяйственных отношений, отстаивал

идею огосударствления профессиональных организаций, сращивания их с государственными органами и, таким образом, бюрократизации их... Ленин в своей брошюре по поводу этой дискуссии очень ясно и определенно охарактеризовал линию Троцкого как линию фракционную, со своей платформой, со своим центром...»

По справедливому замечанию Невского, из теории перманентной революции, которую отстаивал Троцкий, «вытекали и дальнейшие неверные положения — о роли профессиональных организаций и задачах Коминтерна на Западе и Востоке, о роли и значении партии, об аппарате партии и ее руководящих органах, о демократии и т. п.».

К тому же кропотливая деятельность была не по душе Троцкому. Он любил выступать в главных ролях и на первом плане. Сталин еще в декабре 1921 года писал: «Наступил период трезвого учета сил, период молекулярной работы...» В развязанной троцкистами дискуссии о профсоюзах и положении в партии он твердо и последовательно стоял на ленинских позициях и тогда, когда вождь уже отошел от дел по болезни. В статье «О дискуссии...» (декабрь 1923 года) он четко показал, что троцкисты говорят о приказном армейском строе в партии, «чтобы обосновать основные лозунги нынешней оппозиции: а) о свободе фракционных группировок и б) о снятии с постов руководящих элементов партии сверху донизу».

Он сформулировал положение о двух типах демократии. Один — «демократизм партийных масс, рвущихся к самостоятельности и к активному участию в деле партийного руководства». Другой — ««демократизм» недовольных партийных вельмож, видящих существо демократизма в смене одних лиц другими».

Эта мысль чрезвычайно важная. Она помогает понять коренное отличие народной демократии от бур-

Завещание Ленина

жуазной «демократии» (приходится слово ставить в кавычки, ибо по сути самого этого понятия невозможна демократия там, где господствует не народ, а буржуазия). Об этом мы еще поговорим немного в конце книги.

В своей статье Сталин высказывался коротко, ясно и веско. Чтобы в этом убедиться, достаточно ее внимательно прочесть. Он с иронией отозвался о Троцком, попытавшемся «примазаться» к старой гвардии большевиков. Раскрыл его «неумные хитрости», демагогию.

* * *

На XII и XIII съездах партии в открытой дискуссии Сталин и его сторонники наголову разгромили троцкистов. Их лидер вынужден был, как мы знаем, хотя и с оговорками (что ему лишь повредило), признать свои ошибки.

На тех же съездах Зиновьева и Каменева встречали тепло. Зиновьев удостоился даже бурных аплодисментов (хлопали и Троцкому, но без бывшего энтузиазма). Однако репутацию двум этим партийным лидерам подпортил Троцкий, припомнив в своей книге их ошибки, шатания и подчас резкие отклонения от ленинского курса.

Совершенно объективно и безоговорочно в конце 1923 года единственным реальным вождем партии стал Сталин.

Мнение свидетеля

Об обстановке в партийном руководстве того времени и причинах безоговорочной победы Сталина написал в своих мемуарах Лазарь Моисеевич Каганович. Конечно, его мнение нельзя считать объективным. Но,

полагаю, никто из свидетелей политической борьбы не мог занимать бесстрастную объективную позицию. Даже в решении научных и философских проблем доля субъективности неизбежна, а уж в политике и религии — тем более.

Однако в пользу Кагановича говорит то, что писал он на склоне своих почти мафусаиловых лет, не утратив ясности мысли, но без излишних эмоций. Он не оправдывался и не выпячивал свои заслуги, никаких репрессий не боялся, а на поощрение не мог рассчитывать (хорошо отзываться о Сталине тогда было «немодно»). В этом смысле он сохранял предельную объективность.

С 1922 года он выдвинулся на высокую должность заведующего организационно-инструкторским отделом ЦК РКП(б), а через два года стал секретарем ЦК.

«Мне посчастливилось, — вспоминал он, — в 1923 году работать в непосредственной близости к Центральному Комитету нашей партии... Во всяком, даже самом лучшем оркестре нужен дирижер. И я со всей объективностью могу сказать, что в этом большевистском квалифицированном оркестре уже тогда появился талантливый дирижер — товарищ Сталин. Я видел и каждодневно ощущал, как он, уделяя малейшему факту свое внимание, не впадал в панику, не допускал суетливости, шараханья из стороны в сторону ни в решениях, ни в действиях, а уверенно, вдумчиво излагал свою точку зрения на то или иное решение или мероприятие, и после обсуждения в коллективе твердо и неуклонно проводил в жизнь принятое решение и намеченные меры. Он произносил меньше, чем другие, речей, но зато когда он говорил, то определенно, четко, чеканно и ясно формулировал свою точку зрения и предложения. И именно поэтому даже тогда, когда в Политбюро и Оргбюро были такие авторитетные для того времени чле-

Завещание Ленина

ны, как Зиновьев, Каменев, Калинин, Рыков, Томский, Бухарин, Дзержинский, Молотов, Куйбышев и другие, я не помню случая, когда бы серьезные предложения Сталина не принимались, тем более что, выслушав те или иные замечания и сомнения, Сталин проявлял гибкость и часто сам видоизменял свои предложения. Это было результатом убедительности и верности его предложений, его силы Ленинской логики, а отнюдь не силы командования, как изображают дело его противники».

Как видим, Кагановича не завораживали сомнительные красоты речей Троцкого, который как-то сник и потускнел, когда потребовались не пламенные призывы, а каждодневный труд. Не убедили Лазаря Моисеевича и не менее красноречивые выступления Зиновьева, Каменева, Бухарина. Никто не принуждал его делать выбор в пользу Сталина.

«Можно сказать, — продолжал Каганович, — что именно с этой идейной исходной позиции в этой дискуссии — борьбы за Ленинизм начинает разворачиваться величие Сталина как будущего вождя партии. Его беспредельная идейная верность Ленину, как он не раз повторял, — своему учителю, его беззаветность и непреклонность в борьбе с врагами Ленинизма, несмотря на клеветнические нападки на него вызвали уже в тот период глубокие симпатии, глубокое уважение к нему со стороны Ленинцев — активистов партии, в том числе и у меня, непосредственно работавшего под его руководством, наблюдавшего и каждодневно ощущавшего его идейность, беззаветность, бесстрашие и самоотверженность в борьбе за Ленинскую партию. Победа партии, ее ЦК, одержанная над троцкистским блоком в дискуссии 1923 года, была победой Ленинизма, победой диктатуры пролетариата и строительства социализма в нашей стране, находящейся в капиталистическом окружении, победой над мелкобуржуазной идеологией».

Обратим внимание на то, что он ссылается на жаркую партийную дискуссию, которая предшествовала победе сталинской генеральной линии. Это сейчас многие даже из числа официально «остепененных» историков, не говоря уже об антисоветских журналистах и писателях, объясняют победу Сталина над «блистательным» Троцким, а затем над Зиновьевым и Каменевым какими-то коварными интригами, кошмарным запугиванием и прочими недозволенными приемами. Но в том-то и дело, что тогда в партии велись открытые и очень острые обсуждения важнейших вопросов. Мнения противников Сталина не замалчивались, а публиковались обычно в тех же газетах, где выступали его сторонники.

А как же с ленинской критикой в «политическом завещании» Иосифа Виссарионовича? «Можно думать, — предположил Каганович, — что Ленин и здесь, ставя так вопрос, рассчитывал на исправление Сталиным своих недостатков... Сталин во время XIII съезда обещал, что он учтет критику своего учителя Ленина и ликвидирует указанные им недостатки. И надо сказать, что непосредственно после съезда Сталин особенно соблюдал коллегиальность в работе, лояльность и вежливость, как того требовал Ленин».

И вновь надо подчеркнуть: делегаты съезда были ознакомлены с письмами Ленина и получили возможность свободно высказать свое мнение. Никто, как говорится, за язык их не тянул и никак не мог на них воздействовать силой, заставив принять решение, не отвечающее их убеждениям. По словам Кагановича, они, «отражая настроения членов партии, говорили, что смещение Сталина может принести вред окрепшему внутреннему и внешнему положению партии и всего СССР».

Завещание Ленина

Они говорили, что Сталин, который и при Ленине был авторитетным членом Политбюро ЦК, за короткий срок своей деятельности в отсутствие Ленина по болезни и после его кончины завоевал еще больший авторитет в партии и стране, и они в данное время не видят в ЦК другого человека, который мог бы заменить Сталина...

Даже Троцкий не возражал против этого, тем более Зиновьев и Каменев поддерживали такое решение и голосовали за него. Все сошлись на том, что именно такое решение принесет пользу единству партии, Советскому государству, союзу рабочих и крестьян, внешнему положению страны, международному коммунистическому движению».

Мнение Кагановича подтверждает стенограмма выступлений делегатов на данном съезде. Кто-то может возразить: а вот после этого, обретя огромную власть, Сталин принялся с неимоверной жестокостью наводить свой порядок. Но и тут можно сослаться на Лазаря Моисеевича: «Сталин, как и другие Ленинцы, проявил исключительно большое терпение к вождям оппозиции, в том числе лично к Троцкому, точно так же потом к Зиновьеву и Каменеву. Достаточно изучить факты: сколько раз ЦК их предупреждал и терпел их выходки, оставляя их в составе ЦК и Политбюро в течение нескольких лет их антипартийной работы. И только когда они в 1927 году устроили в Москве свою антисоветскую демонстрацию в дни празднования 10-летия Октябрьской революции, ЦК окончательно принял более решительные меры».

Вряд ли правильно говорить, что действия оппозиционеров были «антипартийными», а организованная ими демонстрация «антисоветской». Это — штампы из партийного официоза более поздних лет. А тогда шла внутрипартийная борьба, направленная против ста-

линской генеральной линии. Другое дело, что в результате ее могла развалиться РКП(б) и пошатнуться советская власть.

Но для кого-то подобные доводы могут показаться неубедительными. Мол, даже если все было именно так (усомниться трудно, ибо мнение подтверждено фактами), то уж потом-то разве не началась вакханалия террора и насилия, кошмарным апофеозом которой стал роковой 1937 год?!

Что ж, тут есть о чем потолковать.

* * *

«Москва, 1937» — так называется книга Лиона Фейхтвангера. У нее подзаголовок: «Отчет о поездке для моих друзей». Она была издана сначала в Амстердаме и почти одновременно — в Москве.

Почему нам следует вспомнить об этой книге? Потому что именно 1937 год стал знаковым, нарицательным. Как обычно утверждают, он наиболее полно отразил все недостатки, все ужасы сталинизма.

Одни считают, что это явилось следствием отступления Сталина от мудрых ленинских заветов. Другие, наоборот, объявляют создание тоталитарного СССР, подавляющего свободу личности, результатом упорного сталинского курса по пути, указанному Лениным.

В этой связи полезно обратиться к свидетельству Фейхтвангера — крупного писателя и незаурядного мыслителя, посетившего нашу столицу в том самом году. Он внимательно приглядывался к новому плоховато устроенному быту, восхищался огромными достижениями, высокой культурой, целеустремленностью, оптимизмом, трудовым энтузиазмом советских людей...

Можно, конечно, припомнить, что годом раньше побывал в СССР Андре Жид, известный французский

писатель. У него сложилось несколько иное впечатление от увиденного и услышанного. Сначала его отзыв был в общем благоприятным. Например, он писал:

«Дети во всех пионерских лагерях, которые я видел, красивы, сыты (кормят пять раз в день), хорошо ухожены, взлелеяны даже, веселы. Взгляд светлый, доверчивый. Смех простодушный и искренний...

Такое же выражение спокойного счастья мы часто видели и у взрослых, тоже красивых, сильных. «Парки культуры», где они собираются после работы по вечерам, — их несомненное достижение. И среди прочих — парки культуры Москвы.

Я часто туда ходил... Ступив за ворота, вы сразу оказываетесь в особом мире. Толпы молодежи, мужчин и женщин, повсюду серьезность, выражение спокойного достоинства. Ни малейшего намека на пошлость, глупый смех, вольную шутку, игривость или даже флирт. Повсюду чувствуется радостное возбуждение...»

Но чуть позже он опубликовал «Поправки» к этой книге. И тут он высказался иначе, словно одумавшись (или ему посоветовали одуматься?): «Быть невеселым — или, по крайней мере, не скрывать этого — чрезвычайно опасно. Россия не место для жалоб, для этого есть Сибирь». (Вот ведь как: и ходят с наклеенными улыбками, и Сибирь — не Россия.) «Лучшие исчезают, лучших убивают. Лучшие не в смысле физической производительности труда, а те, кто отличается от всех, выделяется из общей массы, сила и сплоченность которой в посредственности». (Так он переживал репрессии против троцкистов, по его мнению — лучших и умнейших.) «Сталин боится только тех, кто довольствуется малым, кто честен и неподкупен».

Общий вывод: «Из месяца в месяц положение в СССР ухудшается. Все больше и больше он отклоняется от того, чем, мы надеялись, он должен был бы быть».

Не станем разбираться, в чем Жид был прав, а в чем ошибался. Спору нет, далеко не все в СССР было прекрасно. Главное другое: общий его вывод, как мне кажется, был неверным. Это доказала дальнейшая история страны. А вот проницательность Фейхтвангера была убедительно подтверждена с тех пор по меньшей мере дважды: в 1945 году победой СССР в Великой Отечественной войне и в 1991 году полным поражением СССР в психологической войне с Западом.

О политических процессах 1937 года Фейхтвангер писал: «То, что акты вредительства были, не подлежит никакому сомнению. Многие, стоявшие раньше у власти — офицеры, промышленники, кулаки, — сумели окопаться на серьезных участках и занялись вредительством... Постепенно, однако, население охватил настоящий психоз вредительства...»

Это верно. Крупные кампании по борьбе с «врагами народа» (понятие, введенное, кажется, еще во времена императора Нерона) слишком часто — в разные времена и у различных народов — переходят в настоящие массовые психозы, омрачающие духовную жизнь общества. Проявляется пресловутое «стадное мышление», свойственное крупным коллективам. Так было, так есть, так будет. Вопрос — с какими целями, ради чего (или кого) используется эта особенность духовного бытия общества.

По словам Фейхтвангера, взгляды подавляющего большинства населения СССР сводились к трем пунктам: «...к общности мнений по вопросу об основных принципах коммунизма, к всеобщей любви к Советскому Союзу и к разделяемой всеми уверенности, что в недалеком будущем Советский Союз станет самой счастливой и самой сильной страной в мире.

Таким образом, прежде всего, господствует единое мнение насчет того, что лучше, когда средства произ-

водства являются не частной собственностью, а всенародным достоянием».

Опыт нашей истории доказал бесспорно: советские люди были совершенно правы. Через полвека грабительская «приватизация» национальных богатств, передача в частную собственность средств производства обернулась экономической катастрофой и социальными бедами для народа.

«Мне нравится наивное патриотическое тщеславие советских людей, — продолжал Фейхтвангер. — Молодой народ ценой неслыханных жертв создал нечто очень великое, и вот он стоит перед своим творением, сам, еще не совсем веря в него, радуется достигнутому».

Такой патриотизм укрепляет единство общества. Он не исключает критику, порой весьма важных персон, не исключает и крупных ошибок, но только не генеральной линии партии. В этом, подчеркивает Фейхтвангер, «отклонений не бывает, или если они существуют, то не осмеливаются открыто проявиться».

Безусловно, можно посетовать на подавление свободы личности, мнений и убеждений. Ведь для интеллектуала слишком часто бывает особенно важно высказать свою точку зрения, отличающую его от других, от массового сознания — как проявление сознания личного. Индивидуализм — вот знамя, под которым собираются интеллектуалы. Каждый из них стремится высказать всем свое мнение.

Такая позиция, с одной стороны, вполне оправдана. Ведь единицы, а не массы делают великие научные открытия, создают лучшие произведения литературы и искусства, изобретают нечто необыкновенное. Творчество — явление индивидуальное. Но, с другой стороны, понятие «генеральная линия» имеет в виду не одинок, а общество как единое целое; все народное хозяйство, а не мелкие частные артели.

«В чем же состоит генеральная линия партии? — задается вопросом индивидуалист Фейхтвангер. И отвечает: — В том, что при проведении всех мероприятий она исходит из убеждения, что построение социализма в Советском Союзе на основных участках успешно завершено и что о поражении в грядущей войне не может быть и речи... Если сомнения в правильности генеральной линии еще имели какой-то смысл приблизительно до середины 1935 года, то после середины 1935 года они с такой очевидностью опровергнуты возрастающим процветанием страны и мощью Красной Армии, что «консенсус омнимум» (всеобщее признание) этого пункта равносильно всеобщему признанию здравого смысла».

Что же должен сделать в таком случае даже самый махровый индивидуалист? Если он честен и уважает мнение, основанное на фактах и здравом смысле, то должен признать правоту коллектива. Иначе он станет врагом данного общества.

В книге Фейхтвангера целая глава посвящена сопоставлению Сталина и Троцкого. «Мне кажется, — пишет он, — что даже одной мелкой детали достаточно, чтобы ярко осветить превосходство Сталина перед Троцким. Сталин дал указание поместить в большом официальном издании «Истории гражданской войны»... портрет Троцкого. Между тем, Троцкий в своей книге злобно отвергает все заслуги Сталина, оборачивая его качества в их противоположность, и книга его полна ненависти и язвительной насмешки по отношению к Сталину».

И еще: «Русским патриотом Троцкий не был никогда». И привел признание Троцкого из одного его интервью, что его собственная партия рассеяна повсюду, и она может заявить о себе, если начнется война Запада с Советской Россией. Неудивительно, что, зная это, Ста-

Завещание Ленина

лин в конце 1930-х годов постарался жесточайшими средствами (из-за дефицита времени) расправиться с оппозицией и заговорщиками.

Сила Сталина была в том, что его поддерживала партия и большинство народа. В противном случае он не удержался бы на вершине власти. По словам Фейхтвангера, Сталин — «демократический диктатор». Столь странное определение он поясняет, ссылаясь на шуточное высказывание одного филолога: «Демократия — это господство народа, диктатура — господство одного человека. Но если этот человек является таким идеальным выразителем народа, как у нас, разве тогда демократия и диктатура не одно и то же?»

Писатель привел главы из Конституции СССР, где утверждаются права граждан на труд, на отдых, на материальное обеспечение в случае старости или болезни, на образование. И отметил:

«Хотя в других конституциях и объявлено о правах и свободах граждан, но средства, при помощи которых могли бы быть осуществлены эти права и свободы, не указаны, в то время как в Конституции Советского Союза перечислены даже факты, являющиеся предпосылками подлинной демократии; ведь без определенной экономической независимости невозможно свободное формирование мнения, а страх перед безработицей и нищей старостью и боязнь за будущее детей являются злейшими противниками свободы...

Средний гражданин Союза живет пока еще хуже, чем средний гражданин в некоторых других странах, но он чувствует себя более спокойным, более довольным своей судьбой, более счастливым».

Напомню, это сказано об СССР 1937 года!

Патриотизм советских людей, как отметил Фейхтвангер, имеет крепкий фундамент: «Там жизнь челове-

ка с каждым днем явно улучшается, повышается не только количество получаемых им рублей, но и покупательная сила этого рубля. Средняя реальная заработная плата советского рабочего в 1936 году поднялась по сравнению с 1929 годом на 278 процентов, и у советского гражданина есть уверенность в том, что линия развития в течение еще многих лет будет идти вверх (не только потому, что золотые резервы Германской империи уменьшились до 5 миллионов фунтов, а резервы Советского Союза увеличились до 14 000 миллионов фунтов). Гораздо легче быть патриотом, когда этот патриот получает не только больше пушек, но и больше масла, чем когда он получает больше пушек, но вовсе не получает масла».

Писатель раскрывает причины агрессивной политики гитлеровской Германии и миролюбивой политики сталинского СССР. Как всякое хищное капиталистическое государство, Германия должна была все больше захватывать «добычи» извне. В ту пору это происходило путем вооруженного захвата территорий. (В наши времена агрессивность проявляется преимущественно в экономическом и экологическом аспектах.) А Советский Союз был державой «самодостаточной», основой его процветания и залогом благополучия граждан были труд, знания и природные ресурсы.

Говоря о культуре в СССР времен 1937 года, Фейхтвангер отметил необычайный для Запада интерес советских людей к литературе, театру, кино. Тиражи писателей-классиков были в десятки раз больше, чем в странах Запада. Но в то же время нельзя было не заметить строгости цензуры, пресекающей даже слабые намеки на недовольство советской властью или неверие в торжество социализма и коммунизма. При этом ожесточение цензуры произошло за последние годы. Почему?

«Тебе отвечают: что Советскому Союзу угрожает предстоящая в недалеком будущем война и нельзя медлить с моральным вооружением».

Но может быть, свобода высказывать свое мнение, пусть даже антинародное, важнее «морального вооружения»?

Для крайнего индивидуалиста, исповедующего культ собственной личности, видимость свободы слова важнее, чем общегосударственные интересы. И ему даже невдомек, что такая свобода показать «кукиш в кармане» (как лукавый и трусливый персонаж в пьесе Шекспира) — это лишь жалкое подобие «разномыслия», предоставленное хитрым хозяином своему слуге.

Фейхтвангер совершенно верно отметил: «Никогда Советскому Союзу не удалось бы достичь того, чего он достиг, если бы он допустил у себя парламентскую демократию западноевропейского толка. Никогда при неограниченной свободе ругани не было бы возможности построить социализм. Никогда правительство, постоянно подвергающееся нападкам со стороны парламента и печати и зависящее от исхода выборов, не смогло бы заставить население взять на себя все тяготы, благодаря которым только и было возможно проведение этого строительства. Руководители Советского Союза, оказавшись перед альтернативой, предлагающей им либо тратить весьма значительную часть своих сил на отражение бессмысленных и злобных нападков, либо бросить все свои силы на завершение строительства, высказались за ограничение свободы ругани».

Демократия, по определению, — власть народа, трудящихся, большинства населения. Демагогия — болтовня о демократии, возможность имитировать демократию под присмотром государственной власти и при господстве имущих капиталов. Демагогия позволяет под видом демократии устанавливать диктатуру бога-

тых. В этом на собственном печальном и позорном опыте убедились бывшие граждане канувшего в прошлое СССР.

Приехав с Запада в Москву, Лион Фейхтвангер написал: «Когда из этой гнетущей атмосферы изолгавшейся демократии и лицемерной гуманности попадаешь в чистый воздух Советского Союза, дышать становится легко».

Кто ныне это скажет о современной России?

* * *

Но как же тогда великая и могучая держава рухнула, и ее в прошлом чистый воздух наполнился ложью, лицемерием, демагогией, алчностью, предательством, эгоизмом?

Частично ответ на этот вопрос содержится в той же книжке «Москва, 1937». Там упоминаются две закономерности: «У более высоко оплачиваемых рабочих, крестьян и служащих развивается известное мелкобуржуазное мышление, весьма отличное от пролетарского героизма...» И еще: «Общность мнений приведет к известному нивелированию личности, так что к концу осуществления социализма Советский Союз превратится в не что иное, как в гигантское государство, состоящее сплошь из посредственностей и мелких буржуа».

Справедливости ради надо отметить, что аналогичную мысль, но действительную для исторических эпох вообще, высказывали задолго до него. Так, русский философ и анархист М. А. Бакунин отмечал: «Но героические времена скоро проходят, наступают за ними времена прозаического пользования и наслаждения, когда привилегия, являясь в своем настоящем виде, порождает эгоизм, трусость, подлость и глупость. Сословная сила обращается мало-помалу в дряхлость, в разврат и бессилие».

З а в е щ а н и е   Л е н и н а

Так произошло с привилегированной прослойкой в СССР уже через десятилетие после великой победы в войне. Так было и раньше, в 30-е годы, и это отчасти объясняет разгул репрессий, направленных главным образом против тогдашних «сливок общества». Еще тогда могла осуществиться в стране буржуазная контрреволюция, но она была подавлена жесточайшими методами в зародыше. Массовых выступлений против существовавшего строя и генеральной линии партии не произошло. Такова была диалектика той героической и суровой эпохи.

* * *

Однако примерно через полвека после 1937 года буржуазная контрреволюция началась с мощной идеологической подготовки и успешно завершилась в период правления Ельцина. Именно тогда «привилегия, являясь в настоящем виде» породила «эгоизм, трусость, подлость и глупость».

Возможно, в этом беда не только России, но и всей технической цивилизации. Развитие и расцвет СССР показали в сжатом виде те гигантские потенциальные возможности, которые сопряжены с народовластием и коллективизмом. Но героический подъем сменился застоєм и духовным обнищанием, прямо пропорциональным материальному обогащению. И общество перешло в стадию разложения. Если 1937 год был героическим и трагическим, то 1987-й стал обывательским и позорным в истории великой страны, великого народа, великой культуры.

Глава 6

ИСПОЛНИЛ ЛИ СТАЛИН ЗАВЕТЫ ЛЕНИНА?

Товарищи! Но кто был он? —
Воль миллионных воплощенье!
Веков закрученный циклон!
Надежд земных осуществлень!..
Но не умалим делами дел!
Завета трудного не сузим!
Как он в грядущее глядел,
Так мир сплотим и осоюзим!

Валерий Брюсов

Чистота партийного знамени

«Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам держать высоко и хранить в чистоте великое звание члена партии. Клянемся тебе, товарищ Ленин, что мы с честью выполним эту твою заповедь!»

С этого ленинского завета начал Сталин свою клятву перед гробом вождя. Строго говоря, в последних ленинских записях, письмах, статьях такого пункта, выделенного особо, нет.

Следовательно, Сталин имел в виду заветы Ленина не из его «завещания», а в самом широком смысле.

Другой вопрос: почему Сталин поставил на первое место чистоту партийных рядов? И еще: исполнил ли он свое клятвенное обещание?

Опасность «загрязнения рядов» и морального перерождения членов единственной правящей партии была тогда очевидна. Даже значительно раньше она классифицировалась как опаснейшая болезнь.

Еще в марте 1919 года в резолюции VIII съезда партии говорилось: «В партию широкой волной приливают элементы, недостаточно коммунистические и даже прямо примазавшиеся. РКП стоит у власти, и это неизбежно притягивает к ней, наряду с лучшими элементами, и элементы карьеристские... Необходима серьезная чистка и в советских и в партийных организациях».

В конце того же года Ленин на партийной конференции предупреждал: «Мы должны сказать: теперь, когда партия побеждает, новых членов партии нам не нужно. Мы превосходно знаем, что в разлагающемся капиталистическом обществе к партии будет примазываться масса вредного элемента».

Ситуация в этом отношении значительно усугубилась после окончательной победы большевиков и тем более перехода к новой экономической политике. Осенью 1921 года началась первая основательная чистка. Как отмечалось на XI съезде партии в марте 1922 года, основными нарушениями были: плохое поведение и пренебрежение партийными обязанностями. Из 650 тыс. членов партии исключили 24%, сократив общую численность до полумиллиона. Пострадали преимущественно служащие, а процент рабочих и крестьян возрос в сельских районах до 48, а в промышленных — до 53.

Улучшилось ли от этого качество партийных масс? Почти наверняка. Хотя подобные улучшения неизбежно оказываются временными, если у членов партии существуют какие-либо привилегии. Тогда они были, можно сказать, минимальными. Особенно если срав-

нивать с временами Хрущева и т. д. Но все-таки положение правящей партии уже само по себе привлекало к ней многих карьеристов, что справедливо было отмечено ранее.

У Сталина была мечта, которую он остерегся высказать публично в те годы. В 1921 году он сделал черновой набросок плана брошюры, впервые опубликованный 26 лет спустя в его «Сочинениях». Возможно, на него оказала влияние работа «Вопросы социализма» (1918) Александра Богданова, замечательного ученого-энциклопедиста, бывшего соратника и друга Ленина, сурово упрекавшего последнего в приверженности казарменному коммунизму.

Сталин в своих набросках отмечает, что военный период наложил свою печать на всю внутреннюю и внешнюю жизнь России. Но как перейти от казарменного коммунизма, стратегии обороняющегося города, к мирному государственному строительству? Кто сможет распоряжаться национальным богатством, регулировать потоки денег и товаров без каких-либо злоупотреблений, не говоря уже о крупных хищениях, казнокрадстве?

Конечно, будут укрепляться органы контроля, надзора. Однако нет никакой гарантии, что и они не начнут в личных интересах пользоваться народным достоянием. Господство одной-единственной партии, не имеющей политических конкурентов, создает для этого отличные перспективы.

Каким способом можно бороться с такой напастью? Значительно повысить заработную плату руководящим работникам, как советовал Богданов? Но тогда она станет приманкой для любителей получать максимум денег за минимальный труд. Да и вообще жажда

Завещание Ленина

материальных благ слишком часто растет пропорционально богатству.

И тогда Сталин записывает: «Компартия как своего рода орден меченосцев внутри государства Советского, направляющий органы последнего и одухотворяющий их деятельность». Это по сути религиозный «орден» он характеризует как «могучий» и «командный состав и штаб пролетариата».

Почему он не счел нужным опубликовать эту свою идею при жизни Ленина? Может быть, считал ее второстепенной? Нет, конечно, иначе он в своей мистической клятве духу Ленина не поставил бы на первое место чистоту великого звания члена коммунистической партии. В то смутное время ему не следовало высказываться так откровенно. И только после Великой Отечественной войны, когда он превратился в легендарную фигуру, можно было вспомнить о той давней его заветной мысли.

Не исключено, что тем самым он оправдывал — не столько перед другими, сколько перед самим собой — жестокие волны репрессий, которые обрушивались на партийных деятелей. Подобные кары не характерны для светских организаций, где вполне достаточны «мягкие» наказания: понижение в должности, штрафы и т. п. А вот в религиозных орденах отступников уничтожали без пощады.

Например, Джордано Бруно сожгли в Риме на площади Цветов вовсе не за то, что он верил в систему Коперника. Во-первых, за это не убивали, во-вторых, Бруно не считал, будто Солнце находится в центре Мироздания, утверждая вслед за епископом Николаем Кузанским, что центр мира везде. Но уже за одно только

отречение от доминиканского ордена, что позволил себе Бруно, полагалась смертная казнь.

Можно как угодно квалифицировать жестокость Сталина по отношению к отступникам, предавшим коммунистическую идею (в его понимании), но в тех условиях международной напряженности, холодной и горячей войны против СССР, которая шла во весь период существования нашей великой державы, его подход к членам правящей партии был обоснован и даже, пожалуй, оправдан.

Сталин всегда предъявлял повышенные требования к членам партии, а к руководителям — вдвойне. Это коренным образом отличало период его правления от всех последующих. Если он и организовал, как пишут иные антисоветчики, большой террор, то почти исключительно по отношению к партийным руководителям, работникам, представителям карательных органов и т. п.

В чем уж никак нельзя обвинить Иосифа Виссарионовича, так это в двуличии, лицемерии, расхождении слова и дела. В своих высоких требованиях к членам партии он не делал никаких поблажек, никакого снисхождения себе или своим близким.

Говорят, во время войны, когда ему сообщили о возможности обменять его пленного сына Якова на пленного немецкого фельдмаршала, он будто бы ответил: «Я офицера на маршала не меняю». Это неправда. Вообще, реплика не в духе Сталина.

В действительности, по свидетельству очевидца, когда Берия предупредил Сталина, что сын его может погибнуть, Верховный главнокомандующий ответил просто, честно и достойно:

— На фронте каждый день гибнут мои сыновья.

«Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам хранить единство нашей партии, как зеницу ока. Клянемся тебе, товарищ Ленин, что мы с честью выполним и эту твою заповедь».

Безусловно, таков был едва ли не главный ленинский завет. До самой последней возможности Ильич призывал, доказывал, убеждал в необходимости избежать раскола в руководстве и вообще в партии. Но как это сделать?

Разногласия в партии неизбежны. Единство мнений в тех или иных важных вопросах даже в небольшой группе людей сохранить нелегко. А тут речь идет о сотнях тысяч членов партии, десятках руководителей, имеющих собственные, порой выстраданные в тюрьмах и ссылках убеждения, пристрастия, теоретические взгляды. Тем более что общество вступило на неизведанный исторический путь.

В армии единство сохраняется благодаря, прежде всего, принципу единоначалия. Троцкий и его сторонники упрекали партию большевиков — еще при жизни Ленина — в жесткой армейской системе подчинения начальству. На первый взгляд, этого требует строжайшая партийная дисциплина, установленная в ВКП(б).

Сталин, опровергая троцкиста Рафаила, пояснил отличия армейской дисциплины от партийной. Первая принудительна, вторая добровольна. Высшая мера наказания в армии расстрел, в партии — исключение из ее рядов. Военнослужащий материально полностью зависит от своего начальства, в партии — наоборот, а руководство не назначается, а выбирается.

«Разве не ясно, — пишет Сталин, — что наша партия, проделавшая три революции, разбившая Колчака и Деникина и потрясающая ныне основы мирового империализма, — что эта партия не вытерпела бы и одной недели... военного режима и приказного строя... что она мигом разбила бы их и поставила бы новый режим?..

Но страшен сон, да милостив бог... Рафаил спутал партию с армией и армию с партией, ибо он, очевидно, не знает толком ни партию, ни армию».

Сталин в таких вопросах разбирался прекрасно. Только вот дисциплину в партии он постепенно вводил не менее строгую, чем в армии. Это проистекало из его понимания «передового отряда рабочего класса» как религиозного ордена. Такова была поистине партия нового типа.

Сторонники буржуазной демократии полагают, что в России после трех революций и Гражданской войны победившая партия могла позволить себе сомнительную, но весьма выгодную роскошь быть парламентской. Такая организация, стоящая во главе государства, быстро бы распалась на фракции, группы, которые, в свою очередь, стали бы образовывать вокруг себя сторонников, превращаясь в альтернативные партии.

Теперь им уже было бы не до государственного строительства. Будь они хоть пролетарскими, рабочими, крестьянскими или какими-то другими по названию, их главной целью, как полагается в буржуазных демократиях, стала бы борьба за первенство, за власть, за увеличение числа своих сторонников. В национальных республиках местная элита постаралась бы обособиться, чтобы превратиться в единовластные структуры...

В результате, как нетрудно догадаться, сначала СССР, а затем и РСФСР потерпели бы полный крах,

последовательно разваливаясь на куски. Этим не преминули бы воспользоваться окружающие хищные государства, привлекаемые природными богатствами и людскими ресурсами России. Сталин понимал, что без опоры на монолитную партию, как на спинной хребет, новое, во многом еще неоформленное, рыхлое, ослабленное и терзаемое противоречиями общество не устоит.

Странно, что такие простые соображения не приходили в голову оппозиционерам, в частности, Троцкому. Он-то, казалось бы, являлся идеологом и приверженцем строжайшей армейской дисциплины как в армии, так и на трудовом фронте. Почему он вдруг затеял внутрипартийные дискуссии, выступая, не всегда открыто, за допустимость фракционной деятельности?

Одно из двух. Либо таким образом он стремился захватить власть и на свой лад установить общественный порядок. Либо его мог устроить и вариант расчленения страны на части и начала новых междоусобиц.

* * *

Троцкий — фигура во многом до сих пор остающаяся загадочной. Не потому, что у него были какие-то трудно понимаемые мудрые идеи (таковых у него не было и в помине). И не из-за каких-то необычайных, не поддающихся разумению личных качеств. На мой взгляд, он всегда был тем самым «парламентским» деятелем, с которым его сравнил Зиновьев, более или менее хорошо и достаточно близко его знавший. Лев Давидович с молодости привык провозглашать одно, а думать другое. Так было, безусловно, не всегда, но достаточно часто.

Рассматривать публицистические, политизированные, в основе своей демагогические работы Троцкого

так, словно это научно-философские исследования или искренние откровения, по меньшей мере наивно. Он был ярким, хотя и не глубоким, политическим деятелем, да еще находившимся в яростной оппозиции к существовавшему в России строю. Можно ли требовать от него объективного анализа и научно выверенных обобщений? Он по всем позициям проиграл Сталину схватку за власть, подведя многих своих искренних сторонников под высшую меру наказания сначала по принципам партийным, а затем и военным.

Находясь в таком положении, не только он, но и многие, почти все нормальные люди не будут склонны к философским умозрениям. Одни найдут в себе силы признать правоту победителя (тем более, когда схватка была открытая и победа бесспорная). Другие будут упорствовать, поливать словесной грязью противника, всеми правдами и неправдами стремясь доказать свое превосходство над ним (теперь уже на словах) и оправдать свое поражение.

Загадочность Троцкого в том, что неясно, какие цели он преследовал, разжигая революционный пожар и внося смуту в партию. Во что он верил? Не на словах, а в глубине души. Для чего нужна была ему мировая революция? Разве он мечтал о благе пролетариев? Весьма сомнительно. Мечтал о благе народа? Какого? Во всяком случае, не русского. Да и вряд ли он заботился о благе еврейского народа. Судя по всему, он не был националистом.

Возможно, на гребне мирового революционного подъема он мечтал вознестись над серыми людскими массами, управлять ими... Но не был же он глупцом, обуреваемым манией величия и не понимающим, что властвовать над народом можно лишь имея надежные со-

циальные, экономические, политические инструменты воздействия на людей. Но почему же он тогда решался на дробление партии большевиков на фракции, ослабляя ее?

Не исключено, что и сам Троцкий был вольным или невольным орудием в руках каких-то международных сил. Являясь, как теперь принято говорить, глобалистом, он мог ориентироваться только на всемирную силу. Какую? Если не на рабочий класс и не буржуазию (неорганизованное крестьянство не в счет), то кого еще? Кандидат только один: мировая финансовая система, негласное сообщество крупнейших владельцев капиталов, Глобальных Владык (ГВ) или какая-то его влиятельная часть. Только для них междоусобицы в крупных государствах чрезвычайно выгодны по принципу «разделяй и властвуй».

Не могу настаивать на такой версии, но полагаю, что она имеет долю вероятности. Имело бы смысл ее разработать обстоятельно. Однако эти проблемы выйдут слишком далеко за рамки темы нашей книги.

* * *

Возвращаясь к клятвенному заверению Сталина хранить единство коммунистической партии как зеницу ока, можно без всяких сомнений ответить: он выполнил свое обещание. Ради этого он действовал беспощадно и порой чрезмерно жестоко. Не потому, что он был жесток. Таким было то время в нашей стране. Как сказано поэтом:

Нас не надо жалеть,
Ведь и мы никого не жалели...

Таковыми были тогда все те, от кого зависела судьба Родины. Среди профессиональных революционеров и людей, опаленных Гражданской войной, немного было жалостливых. Подчас борьба за власть шла не на жизнь, а на смерть. Во всяком случае, если бы нарушилось единство правящей партии, начались разброд и шатания, вряд ли каким-то чудом удалось бы спасти страну от последней гибельной междоусобицы.

Диктатура

«Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам хранить и укреплять диктатуру пролетариата. Клянемся тебе, товарищ Ленин, что мы не пощадим своих сил для того, чтобы выполнить с честью твою заповедь!..»

Сразу же возникают серьезные сомнения: разве Сталин выполнил этот завет, отсутствующий в ленинском «завещании», но отражающий суть его учения? Разве Ленин, а следом Сталин не установили в действительности не диктатуру пролетариата, а власть одной партии, а вернее сказать, ее руководства, а еще с точечной точностью — одного диктатора?

В таких упреках, многократно повторяемых на разные лады, есть свой резон. Уже сам факт, что Ленина и затем Сталина называли вождями советского народа, а то и трудящихся всех стран и всего прогрессивного человечества, свидетельствует о культе, который непрос-то отделить от диктатуры личности.

Прежде всего надо определиться с понятиями. В переводе с латинского «диктатус» означает «предписание», «приказание».

В Древнем Риме, когда он еще был республикой, в трудные для державы периоды по предложению сената

один из консулов назначался диктатором. Он был наделен чрезвычайными полномочиями на срок до полугода. По мере увеличения размеров и могущества державы полномочия диктатора и срок диктатуры увеличивались, пока не была провозглашена Римская империя.

Как видим, происходил естественный процесс упорочения власти. В результате страна достигла наибольшего величия и могущества, в мире ей не было равных, а во главе ее стояли такие императоры, как Юлий Цезарь, Октавиан Август. Последний, обожествленный при жизни, был провозглашен Верховным жрецом и Отцом отечества. При нем произошел расцвет искусств и наук.

Позже диктатурой стали называть неограниченную власть одного лица, группы, социальной прослойки. В Советской России была провозглашена диктатура пролетариата — власть трудящихся, рабочих и крестьян при руководящей роли первых. Она была призвана подавить эксплуататоров, защищать завоевания трудового народа, установить социалистические производственные и общественные отношения.

В Большом энциклопедическом словаре (1998) дано уточнение: «Опыт развития СССР свидетельствует, что государственная власть, утвердившаяся после Октябрьской революции, на деле превратилась в тоталитарно-бюрократический режим...» Подобная приписка наводит на целый ряд размышлений по поводу идеологического переворота, произошедшего в нашей стране с приходом к власти «демократов» (в народе их называют, как известно, дерьмократами) горбачевско-ельцинского призыва. Ведь еще никогда у нас не было такого засилья коррумпированных бюрократов, а диктатура капитала обернулась деградацией страны по всем параметрам. Впрочем, о диктатуре народной и буржуазной

у нас еще речь впереди. А как показывает исторический опыт, тоталитарная демократия, основанная на власти капитала, несравненно страшней для народа и культуры, чем диктатура пролетариата или отдельной личности.

* * *

Попробуем разобраться, как же понимал диктатуру пролетариата Сталин. По его словам (из выступления на XII съезде): «Необходимо, чтобы партия облегалась широкой сетью беспартийных массовых аппаратов, являющихся щупальцами в руках партии, при помощи которых она передает свою волю рабочему классу, а рабочий класс из распыленной массы превращается в армию партии». Позже пояснил: «Диктатура пролетариата состоит из руководящих указаний партии, плюс проведение этих указаний массовыми организациями пролетариата, плюс их претворение в жизнь населением».

Как видим, хотя все организации добровольные и штатские, в указанной системе им надлежит придерживаться армейской дисциплины. А что значит «руководящие указания партии»? Очевидно, таковыми следует считать постановления, указы облеченных доверием партии конкретных лиц или одного человека. Партийная масса сама по себе указаний дать не способна. Она выбирает из своей среды делегатов, они в свою очередь избирают партийное руководство, а уж оно-то и вырабатывает конкретные решения — коллегиально или полагаясь на мнение авторитетного лица. Если решение не удовлетворяет значительную часть членов партии, они имеют возможность обжаловать или отменить его.

В общем, получается так называемый демократический централизм: выборность всех руководящих органов партии снизу доверху, периодическая отчетность

партийных органов перед своими организациями, строгая дисциплина с подчинением меньшинства большинству, безусловная обязательность выполнения низших партийных органов указаний «свыше».

Такая система, на первый взгляд, призвана осуществлять стремления, пожелания большинства членов партии. Ведь реализуется принцип выборности — основополагающий для демократии. Однако в действительности все обстоит не так просто.

Высшие органы власти получают в свое распоряжение, помимо всего прочего, СМИ (средства массовой агитации и пропаганды). Это позволяет им в той или иной мере навязывать массам свои решения, убеждать их, воздействовать на массовое сознание и — более глубокий уровень психики — коллективное подсознание. Хотя в тот период, о котором у нас идет речь, электронные средства информации и дезинформации находились на низком уровне развития, тогда как активность масс была высока.

Не менее существенно то, что лозунги, агитки могли сохранять свое влияние до тех пор, пока не наступала пора поверять их на практике. И тогда уже никакая демагогия не помогала. (Ситуация резко изменилась с появлением электронных СМИ, когда оболванивание населения превратилось в дело техники.)

* * *

Короче говоря, для Советского Союза Иосиф Сталин со временем стал в определенной степени аналогом Октавиана Августа имперского Рима. Это явилось результатом не его ухищрений, а свободного (!) выбора партийных масс и, в конечном счете, подавляющего большинства населения страны. Никакого насильс-

твенного навязывания собственной личности любой настоящий пожизненный диктатор (а не подставной или временный) при всем своем желании, при любых своих ухищрениях и злодействах не способен осуществить.

Сделаем вывод: Сталин сумел сохранить и укрепить диктатуру пролетариата в той форме и сущности, которую четко сформулировал, заручившись поддержкой и партаппарата, и широких партийных масс.

Союз трудящихся города и деревни

«Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам укреплять всеми силами союз рабочих и крестьян. Клянемся тебе, товарищ Ленин, что мы с честью выполним и эту твою заповедь!..»

Надо сразу сказать: при провозглашенной диктатуре пролетариата союз этот выглядит специфично. Рабочие призваны играть роль локомотива, который тянет за собой в социализм и коммунизм инертные вагоны двух классов: служащих и крестьян.

В ленинской «Страничке из дневника», опубликованной в «Правде» 4 января 1923 года, было сказано: «Тут основной политический вопрос — в отношении города к деревне, который имеет решающее значение для всей нашей революции. В то время, как буржуазное государство систематически направляет все усилия на то, чтобы отуплять рабочих города... мы можем и должны употребить нашу власть на то, чтобы действительно сделать из городского рабочего проводника коммунистических идей в среду сельского пролетариата».

Ленин счел нужным оговориться: «До тех пор, пока у нас в деревне нет материальной основы для комму-

низма, до тех пор это будет, можно сказать, вредно, это будет, можно сказать, губительно для коммунизма».

Позволим себе пояснить мысль Владимира Ильича. Большинство российских крестьян оставались «сельскими пролетариями», бедняками. Не из-за темноты, невежества, лени и пьянства, как считают индивиды, привыкшие служить и прислуживать, не запятнавшие своих рук физическим трудом и неспособные на интеллектуальное творчество. Причины бедности бывают самые разные, и о них немало писали, в частности, классики русской литературы.

Малые крестьянские хозяйства способны, да и то не в любой год, только на самообеспечение. Прокормить города и промрайоны они не в состоянии. Эту задачу можно решить только с помощью средних, а преимущественно крупных хозяйств. Однако их владельцы, как известно, имеют мелкособственнические интересы, а значит, склонны не к пролетарскому, а к «буржуазному» мировоззрению. Тут уж ничего не поделаешь.

В принципе, имелась теоретическая возможность построить общественную систему на двух принципиально разных идеологических основах: пролетарской и буржуазной. Но в таком случае первая достаточно быстро отошла бы на второй план, а затем сникла окончательно, ибо богатые крестьяне вкупе с интеллигенцией и служащими составляли и составляют подавляющее большинство населения любой страны. Сталин убедился в реальности этой опасности на практике.

Одна из сторон должна была победить. Сила была на стороне взявшего власть рабочего класса. Ему и пришлось устанавливать новый порядок в деревне не столько уговорами, сколько насильственно.

* * *

О трагедии коллективизации у нас в «перестройку» и позже понаписали немало пошлости, глупости и лжи. Сравнительно немногие мыслители (например, В. Кожин, С. Кара-Мурза) постарались раскрыть объективные причины коллективизации. Она спасла страну от кровавой междоусобицы, Гражданской войны, а в итоге — утраты государственности, иностранной оккупации.

После во многом насильственной коллективизации с последующим голодом (помимо засухи сказалось и то, что крестьяне зарезали огромное количество скота, чтобы не отдавать животных в коллективное владение) сельское хозяйство было восстановлено на индустриальных основах и в соответствии с идеологией диктатуры пролетариата.

Путь к союзу рабочих и крестьян оказался трудным и сложным. Но в конце концов его удалось пройти за несколько лет, хотя и не на добровольных началах. Колхозная система проявила свои лучшие качества во время Великой Отечественной войны. Недаром ее сохраняли фашисты на оккупированных территориях. Индустриализация сельского хозяйства, о необходимости которой писал еще Д. И. Менделеев в конце XIX века Александру III, была произведена в кратчайшие сроки Сталиным.

Дружба народов

«Товарищ Ленин неустанно говорил нам о необходимости добровольного союза народов нашей страны, о необходимости братского их сотрудничества в рамках союза республик.

Завещание Ленина

Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам укреплять и расширять союз республик. Клянемся тебе, товарищ Ленин, что мы выполним с честью и эту твою заповедь!...»

Многим из нынешних сравнительно молодых граждан государств, входивших в СССР, и тем из пожилых, кто был местным националистом или служащим, мало знакомым с жизнью народов Советского Союза, может показаться, что это свое обещание Сталин так и не сумел выполнить. Мол, будь союз республик монолитным, его бы не удалось расчленить так быстро и радикально, да еще и без особых усилий и жертв. А кое-кто не прочь называть русских оккупантами.

Позволю себе сослаться на личный опыт. Как геолог я с 1954 года четверть века работал (а не посетил как турист или журналист) во многих наших республиках вместе с представителями разных народов. Забайкалье, Узбекистан, Чукотка, Казахстан, Северный Кавказ, Сванетия, Белоруссия, Украина... Позже побывал с лекциями и как журналист в Прибалтийских республиках. Нигде не чувствовал себя чужаком, а уж тем более оккупантом, с людьми разных национальностей ладил и в труде, и на отдыхе. Тогда у нас была одна на всех единая и могучая держава.

Представьте себе, кто такие в наше время, скажем, эстонцы или латыши. Малые народности, живущие на весьма ограниченном пространстве, на заднем дворе Западной Европы. Как бы они ни тужились, определена им роль лилипутов среди таких великанов, как Германия, Франция, Великобритания... Перечисление будет немалым. А в Советском Союзе эстонцу или латышу принадлежала страна, раскинувшаяся от Балтики до Черного моря и Тихого океана. Они были полноправ-

ными гражданами этой державы, а вовсе не какими-то угнетенными инородцами.

В сталинское время разжигание межнациональной розни каралось как политическое преступление (до 8 лет лагерей). Когда я мальчишкой побывал в Карабахе, никакой вражды между армянами и азербайджанцами не замечал. Полагаю, в каких-то скрытых формах она существовала, но внешне не проявлялась, ибо это не было в интересах ни тех ни других. А вот в «перестроечной» Эстонии (там я прочел в местной Академии наук лекцию о В. И. Вернадском) один из наиболее крупных ученых республики астрофизик академик Наан, как мне довелось убедиться, подвергался нападкам националистов за то, что выступал против разрыва отношений с Россией и выхода из СССР. Ему за это даже поджигали входную дверь, а при мне в троллейбусе какая-то тетка без причин злобно обругала его (на эстонском языке).

* * *

В Советском Союзе малые народы имели немалые привилегии. Это позволило им выжить, сохранив национальную культуру. Ничего подобного не произошло, скажем, в Западной Европе, где агрессивные «имперские» народы поработщали и уничтожали более слабых.

Можно возразить: а как же расценивать всеобщее распространение русского языка и русской культуры? Разве это не экспансия со стороны имперского народа?

Да, можно это называть экспансией. Однако она объективна и естественна для единого государства. Должен быть язык межнационального общения, объединяющий всех. Кроме того, русская культура имеет мировое значение, и приобщение к ней лишь поднима-

Завещание Ленина

ет выше, на современный уровень духовное развитие других народов.

В СССР никто не мешал, скажем, украинцам или грузинам говорить и писать на родных языках, развивать свою национальную культуру. Это даже поощрялось. А русские люди имели возможность приобщаться к культурам братских народов.

Например, по всесоюзному радио передавали вовсе не только русские песни и произведения русских писателей, поэтов, драматургов... У меня сохранились десятки программ радиопередач того времени, которые бесспорно свидетельствуют об этом. Не стану приводить соответствующие примеры, коим нет числа. Кто честен и жил в те времена, тому все это хорошо известно. А подлецов и глупцов никакими доводами не убедишь.

Чего мне не довелось наблюдать, работая в разных регионах СССР, так это русского великодержавного шовинизма. Нигде и ни в каком виде его не было. Зато он возник и порой появляется в криминальных формах в нынешней «демократической» РФ. Странно? Нет, закономерно. Прав был В. И. Ленин, считая шовинизм неотъемлемым свойством насильника и подлеца из числа «бюрократической швали». Теперь в антисоветской стране шовинизм проявляется в полной мере. Отчасти по той же причине распался и Советский Союз. Хотя, безусловно, были и другие, не менее веские факторы, например, моральное вырождение партийной номенклатуры и культурной «элиты», успехи антисоветской пропаганды в обуржуазенном российском обществе.

* * *

Союз Советских Социалистических Республик, созданный под руководством Сталина, прошел неимоверно суровую проверку на прочность во время Великой

Отечественной войны. Гитлер и его советники рассчитывали, что после первых жестоких и неожиданных ударов СССР распадется на части и рухнет.

Так полагали едва ли не все зарубежные наиболее авторитетные буржуазные аналитики. На это надежались и затаившиеся враги народа. А произошло нечто невероятное. Несмотря на первые крупные поражения, на оккупацию врагами наиболее населенных районов, где осталось 40% населения страны, несмотря на то, что на стороне фашистов была вся континентальная Западная и Центральная Европа, Советский Союз устоял и победил.

Социализм и сталинская национальная политика с честью выдержали все испытания.

В заключение приведу тост Верховного главнокомандующего на приеме в Кремле 24 мая 1945 года в честь командующих войсками Красной Армии:

— Товарищи, разрешите мне поднять еще один, последний тост.

Я хотел бы поднять тост за здоровье нашего советского народа, и прежде всего русского народа.

Я пью прежде всего за здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он — руководящий народ, но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение.

У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941—1942 годах... Иной народ мог бы сказать правительству: «Вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь, мы поставим другое правительство, которое заключит мир с Гер-

Завещание Ленина

манией и обеспечит нам покой». Но русский народ не пошел на это, ибо он верил в правильность политики своего правительства и пошел на жертвы, чтобы обеспечить разгром Германии. И это доверие русского народа советскому правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила историческую победу над врагом человечества — над фашизмом.

Спасибо ему, русскому народу, за это доверие.

За здоровье русского народа!

Вооруженные силы

«Ленин не раз указывал нам, что укрепление Красной Армии и улучшение ее состояния является одной из важнейших задач нашей партии... Поклянемся же, товарищи, что мы не пощадим сил для того, чтобы укрепить нашу Красную Армию, наш Красный Флот...»

Казалось бы, победа в Великой Отечественной войне не оставляет сомнений в том, что клятву свою Иосиф Виссарионович выполнил. Однако с горбачевских времен продолжают обвинения Сталина в том, что он не подготовил СССР к войне с Германией, уничтожил всех наших лучших военачальников (позже реабилитированных), а в результате победа нам досталась ценой колоссальных потерь.

Признаться, на данную тему мне приходилось писать весьма подробно и документально обоснованно в книге «Маршал Б. М. Шапошников. Военный советник вождя» («Вече», 2005). Не стану повторяться и скажу кратко: все три приведенных выше утверждения — о нашей неготовности к войне, потере лучших военачальников и победе за счет чудовищных потерь — ложь и клевета.

Наша страна с напряжением всех сил готовилась к предстоящей войне, однако враг в первые два года сражений был сильнее. В отличие от гитлеровской Германии, сталинский СССР не превратился в милитаристское государство, нацеленное на захват чужих территорий. Укреплялось общество в целом, а не только вооруженные силы (хотя у них был приоритет). Из-за этого мы проиграли фашистам начало войны. Но по той же причине победа была за нами.

Немало повредила нам деятельность Тухачевского на посту начальника вооружений. Он ориентировался на наступательную стратегию (возможно, сказывалось троцкистское прошлое), а потому в техническом отношении мы были плохо подготовлены к обороне, имея, в частности, избыток танков и самолетов низкого качества при недостатке противотанковых орудий и ружей, штурмовой авиации.

О том, насколько внимательно и профессионально следил Сталин за вооружением нашей армии и флота, за разработкой и выпуском новейшей техники, свидетельствуют воспоминания наших ведущих конструкторов. Останавливаться на этом вопросе нет никакой нужды.

Количество репрессированных перед войной военных чрезмерно завышается (десятикратно и более). Заговор крупных чинов армии и НКВД против Сталина и его соратников действительно существовал. Если бы военный переворот удался, СССР либо примкнул к фашистской Германии, либо, что значительно вероятней, испытал бы жесточайший кризис. В конце войны Гитлер говорил, что Сталин вовремя успел навести порядок в армейском руководстве, чем обеспечил надежность своих вооруженных сил.

Наших военнослужащих (а не мирных жителей) на войне погибло не намного больше, чем фашистов. Об этом свидетельствуют достаточно точные подсчеты и опубликованные официальные данные. Надо еще иметь в виду, что мы не уничтожали немецких военнопленных (как они поступали с нашими), а то бы их потери возросли в полтора раза.

Вряд ли могут быть какие-то сомнения в том, что при Сталине советские вооруженные силы стали лучшими, сильнейшими в мире. Сделать это удалось за неимоверно короткие сроки. А главное: моральный дух наших войск был высок. Это отметили немецкие военачальники уже в самом начале вторжения в СССР.

Интернационал

«Уходя от нас, товарищ Ленин завещал нам верность принципам Коммунистического интернационала. Клянемся тебе, товарищ Ленин, что мы не пощадим своей жизни для того, чтобы укреплять и расширять союз трудящихся всего мира — Коммунистический интернационал!»

Надо сказать, что исполнить этот завет Сталину было нелегко. В международном коммунистическом движении было много сторонников Троцкого. К тому же Сталин исходил из того, что следует наводить порядок и строить социализм в своей стране. Он не был сторонником «экспорта революций», не стремился разжигать мировой пожар. Был уверен, что в случае успеха социалистического строительства в СССР трудящиеся других стран будут иметь перед собой пример, которым будут руководствоваться в борьбе с «железной пятой» (вспомним название романа Джека Лондона) капитала.

После Великой Отечественной войны у СССР появилось дружеское окружение стран народной демократии, как на западе, так и на востоке.

Нередко во времена СССР можно было услышать среди служащих, журналистов, писателей сетования на то, что наша страна тратит огромные средства на то, чтобы поддерживать дружеские государства и партии. А в «перестройку» некоторые считающиеся патриотами деятели, например, провокатор Солженицын, призывали избавить Россию не только от этих расходов, но и от среднеазиатского «подбрюшья» или даже вовсе выйти из состава СССР. Мол, тогда русский народ заживет весело и богато.

Это были рассуждения людей, не понимающих основ жизни общества, плохо представляющих себе, что такое советский народ и единое экономическое пространство страны, одураченных буржуазной пропагандой и, в частности, иллюзиями относительно процветания российских земель под лозунгами «самодержавие, православие, народность».

Советскому Союзу требовалось не только обеспечить свою внутреннюю стабильность и получить международное признание. Ему было необходимо дружественное окружение стран, сходных по социально-политическому устройству.

В апреле 1924 года Сталин писал в брошюре «Об основах ленинизма»:

«Раньше считали победу революции в одной стране невозможной, полагая, что для победы над буржуазией необходимо совместное выступление пролетариев всех передовых стран, или, во всяком случае, большинства таких стран. Теперь эта точка зрения уже не соответствует действительности. Теперь нужно исходить из воз-

Завещание Ленина

возможности такой победы, ибо неравномерный и скачкообразный характер развития различных капиталистических стран в обстановке империализма, развитие катастрофических противоречий внутри империализма, ведущих к неизбежным войнам, рост революционного движения во всех странах мира, — все это ведет не только к возможности, но и к необходимости победы пролетариата в отдельных странах».

***

Теперь на западе из бывших народно-демократических республик возникли капиталистические. Пропаганда провозглашает это большим достижением. Для кого? Только не для народов этих стран. Здесь большинство населения стало жить значительно хуже, чем при социализме. Одно уже это неопровержимо доказывает, что произошла смена более высокой общественной организации на низшую.

Репрессии против коммунистов

Может показаться странной и диковатой ссылка на такой ленинский завет. Принято считать, что Сталин отступил от ленинских принципов внутрипартийной демократии, устроив «большой террор».

Действительно, временами в сталинскую эпоху проходили волны жестоких репрессий преимущественно партийных руководителей, активистов, государственных деятелей. Надо подчеркнуть, что объектом террора был не народ, а преимущественно партийная номенклатура, включая крупных военных чинов, чекистов, чиновников. Именно это с хрущевских времен вменялось ему в вину.

Однако обратим внимание на письмо Ленина в Политбюро и ЦК РКП(б) от 18 марта 1922 года. В нем говорится:

«Московский комитет... уже не первый раз фактически послабляет преступникам-коммунистам, коих надо вешать... Подтвердить всем губкомам, что за малейшую попытку «влиять» на суды в смысле «смягчения» ответственности коммунистов ЦК будет исключать из партии... Коммунистов суды должны карать строже, чем некоммунистов...»

Понятно, предложение вешать преступников-коммунистов звучит как аллегория, образное выражение. Но гнев Владимира Ильича в их адрес неподдельный.

Можно возразить: но ведь он имел в виду, по-видимому, только криминальные преступления, а не политическое инакомыслие. На это дает ответ сам Ленин в политическом отчете на XI съезде РКП(б) в конце марта того же года:

«За публичное оказательство меньшевизма наши революционные суды должны расстреливать, а иначе это не наши суды, а бог знает что такое». И предлагал так разговаривать с идейными врагами: «Позвольте вас за это поставить к стенке. Либо вы потрудитесь от высказывания ваших взглядов воздержаться, либо если вы желаете свои политические взгляды высказывать при настоящем положении, когда мы в гораздо более трудных условиях, чем при прямом нашествии белых, то, извините, мы с вами будем обращаться как с худшими и вреднейшими элементами белогвардейщины».

Спору нет, Ильич в данном случае не давал директивных указаний, а высказывался с полемическим преувеличением. Но смысл понятен: в трудные времена (в данном случае он имел в виду нэп) приходится действовать предельно жестко, пресекая распространение

Завещание Ленина

идей, враждебных генеральной линии партии, подрывающих ее единство.

Но также бесспорно и то, что Сталин в борьбе с политическими врагами, а то и просто инакомыслящими был порой слишком жесток и, судя по всему, сознательно терроризировал партийных, государственных, хозяйственных работников. Правда, когда представишь себе обстановку в стране и за ее пределами в то время, да еще вспомнишь, как быстро предала Родину наша обуржуазенная номенклатура вкупе с диссидентами, его «чистки» выглядят более или менее оправданными...

Впрочем, наша задача не судить, а понять.

...Итак, выполнил ли Сталин свою клятву, исполнив заветы Ленина?

Краткий ответ — да. Однако он нуждается в продолжении. Слова клятвы и заветы, приведенные в ней, формулировал Сталин. Все ли идеи Ленина, изложенные в его «завещании», он перечислил? Нет, не все.

Неисполненные заветы:

1. «В первую голову я ставлю увеличение числа членов ЦК до нескольких десятков или даже сотни...

Мне думается, что 50—100 членов ЦК наша партия вправе требовать от рабочих...»

Об этом первом (во всяком случае, по порядку) завете Ильича Сталин в своей клятве не упомянул.

Можно предположить, что он имел в виду не организационные вопросы, а идейные, основополагающие. Пожалуй, так оно и было. Однако отвлечемся от слов, обратив внимание на дела. Выполнил ли Сталин данное конкретное предложение?

Лишь отчасти, да и то по минимуму.

На эту тему высказался в 1996 году наш крупный мыслитель В. В. Кожин в статье «Чему нас учит история?» (с полным основанием теперь мы можем отве-

тить, имея в виду большинство населения: ничему не учит!).

«К великому сожалению, — писал он, — общественный интерес обращен главным образом лишь к одной детали этого «завещания» — предложению переместить Сталина с поста генсека ЦК. В глазах простодушных людей все последующие беды объясняются невыполнением именно этого пункта ленинского завещания. Между тем «перемещение» Сталина с поста генсека — это одна из многих частных в ленинском завещании...

Основная перемена в политическом строе... должна была выразиться во введении в тогдашний состав высшей власти рабочих и крестьян...

Очень важно вдуматься в то количество новых членов ЦК, которое предлагал ввести Ленин; речь шла, ни много ни мало, о 50—100 рабочих и крестьянах! Поскольку ЦК тогда состоял всего из 27 человек (почти все они были профессиональными революционерами и партийными работниками с двадцатилетним и еще большим стажем), это увеличение привело бы к тому, что от 65 до 80 процентов количества членов ЦК составили бы рабочие и крестьяне...»

Здесь Вадим Валерьянович допускает лишь одну погрешность: о крестьянах Ленин не упоминал. Он имел в виду, по-видимому, сделать высших партийных руководителей, как того требует принцип диктатуры пролетариата, представителями главным образом рабочего класса.

«Но эта самая «авторитетнейшая партийная верхушка» целиком и полностью отвергла предложения Ленина. При их обсуждении в ЦК наиболее решительно выступил против введения в высший орган власти рабочих и крестьян Троцкий, но и все остальные никак не склонны были принять ленинское предложение...

Завещание Ленина

Правда, состав ЦК увеличился на 13 человек, но среди них не было ни одного рабочего и тем более крестьянина...

Поскольку опубликованную статью Ленина невозможно было совсем игнорировать, Центральная Контрольная Комиссия была увеличена на съезде до 50 членов. Однако в нее вошло всего несколько рабочих, а господствующее положение заняли в ней люди, которые ранее были членами ЦК или крупными партработниками... — Гусев-Драбкин, Ильин, Киселев, Куйбышев, Сольц, Шварц, Шкирятов, Янсон, Ярославский-Губельман. То есть предложение Ленина было осуществлено чисто формально».

Возникает вопрос: почему Ленин раньше, когда он был деятельным и самым авторитетным членом Политбюро и правительства, он не сделал того, что считал «архиважным»? Тогда у него было значительно больше шансов добиться желаемого.

Возможно, до полного завершения Гражданской войны он считал целесообразным, чтобы на вершине власти находились революционеры, его соратники. Но не исключено и другое. Как проницательный политик, он мог сознавать, насколько опасно выходить с таким предложением на Политбюро и ЦК. Большинство могло не поддержать его в этом вопросе.

Зачем же он тогда предложил насытить ЦК рабочими во время своей болезни? Какими соображениями руководствовался? Об этом остается только догадываться. Точный ответ дать невозможно. Не исключено, что таким образом он пытался стабилизировать работу центрального органа партии, сгладить разногласия между его членами. Следовательно, была бы ликвидирована опасность раскола.

Но партийные руководители понимали: вождь уже не возьмет в свои руки бразды правления. Приходилось рассчитывать на свои силы. Да и как предвидеть, к чему приведет реализация предложения Ленина? Формально правление рабочих будет соблюдено. А фактически возникнет новое большинство, которое будет определять внутреннюю и внешнюю политику партии, а значит и государства. Оно может принять сторону кого-то из Политбюро, но может и проявить своеволие. В отсутствие Ленина это грозит непредсказуемыми последствиями.

* * *

2. «Надо проникнуться спасительным недоверием к скоропалительному движению вперед... Вреднее всего было бы полагаться на то, что мы хоть что-нибудь знаем... Ничего нельзя поделаться нахрапом или натиском... Мы должны проявить в величайшей степени осторожность...»

Таков был еще один завет Ленина, на который Сталин не отозвался если не словом, то делом. Конечно, ему было бы нелепо клясться быть осторожным и неспешным. Но ведь, как известно, он порой явно пренебрегал этим советом вождя и учителя, проводя свою политику. Вот и Кожин в указанной выше статье, по этому поводу заметил:

«Само слово «мы» в этом тексте призвано было показать, что Ленин отнюдь не снимал с себя ответственности и вины за все, что происходило в стране до 1923 года; вместе с тем он безоговорочно выдвинул требование коренным образом изменить сами методы политической деятельности. Однако его преемники, начиная с

Завещание Ленина

тех двух, которых он тогда же выделил как «выдающихся членов современного ЦК» — Троцкого и Сталина, отнюдь не были склонны «проявить осторожность» — даже в самой малой степени...

Это, увы, характерно и для сегодняшних левых радикалов: любые призывы к «осторожности» приводят их в негодование».

Мне кажется, в данном случае ссылка Кожина на ленинский завет имела сугубо актуальную цель: остудить страсть «прорабов перестройки», «реформаторов», продолжавших свою разрушительную для страны деятельность. Но эти господа по большей части знали, что делают, и торопливость их определялась стремлением поскорей расхватать и поделить между собой и своими зарубежными поделщиками и вдохновителями как можно больше национальных богатств России.

Они при отупелом попустительстве или даже при содействии значительной части населения совершили буржуазную революцию, а потому спешили воспользоваться ситуацией. Если во время пролетарской революции «грабили награбленное», то теперь расхищали наработанное советским народом. Разница принципиальная.

В начале 1920-х годов даже вдохновитель пролетарской революции Ленин оказался в замешательстве. Ситуация складывалась критически и непредсказуемо. Приходилось, пусть даже отчасти и под своим контролем, использовать ради сохранения государства капиталистические отношения. Совсем не так представлялось в теории. Взяли власть легко, сохранили с огромными трудностями, но, как бы там ни укрепляли власть рабочих, не они определяли жизнь державы, а крестьяне, составлявшие чуть меньше 80% населения.

То, что хотелось считать временным отступлением — экономическим, политическим, социальным — грозило обернуться полным провалом. Это сознавали все. Только никто не знал наверняка, что надо предпринять. Теоретические схемы оказались слишком упрощенными, а исторический опыт отсутствовал, ибо социалистическая революция произошла у нас впервые в мире, если не считать скоротечной Парижской коммуны. Приходилось принимать решения в состоянии неопределенности.

Путь к социализму не был проторен. Он оказался чрезвычайно трудным и непредсказуемым. Мировая война содействовала свержению самодержавия, а затем и Временного правительства. Но эти обстоятельства были благоприятны для Октябрьской революции, но не для создания демократического, а тем более процветающего государства.

Как поется в песне: «Есть у революции начало, нет у революции конца». Да и сам Ленин повторял: надо начать драку, а там видно будет. Ну а в драке, в отличие от боксерского поединка, не предусматриваются перерывы между раундами. Тут времени на раздумья в обрез. Переход от вооруженной борьбы за власть к мирному строительству требует немалого времени. В особенности, если есть постоянная угроза извне.

При всем своем желании Сталин не мог действовать медленно, продуманно, осторожно. Ведь в отсутствие Ленина и в самом руководстве партии положение было нестабильным. Приходилось вести себя подобно эквилибристу на канате: балансировать, чутко реагируя на изменение ситуации. Но при этом требовалось управлять государством, постоянно решая насущные задачи. И нельзя было упускать из виду конечную цель.

3. «...Мы аппарат, в сущности, взяли старый от царя и от буржуазии и... теперь с наступлением мира и обеспечением минимальной потребности от голода вся работа должна быть направлена на улучшение аппарата».

Было бы смешно Сталину торжественно клясться в том, что он улучшит бюрократический аппарат. Тем более что это и без того было его прямой обязанностью. А по сути дела, выполнил ли он этот ленинский завет? Возможно, отчасти выполнил, но лишь в малой мере. Не из-за пренебрежения к указанию своего учителя. Сказывались объективные обстоятельства.

О радикальной ломке административных структур говорил и Троцкий. В этом отношении он был настроен еще более радикально, чем Ленин. Троцкий упорно доказывал необходимость не просто улучшить административный аппарат, а разломать его и создать новый.

В своей программной работе «Новый курс» Лев Давидович провозгласил: «Главная опасность старого курса, как он сложился в результате как больших исторических причин, так и наших ошибок, состоит в том, что он обнаруживает тенденцию ко все большему противопоставлению нескольких тысяч товарищей, составляющих руководящие кадры, — всей остальной партийной массе, как объекту воздействия».

«Бюрократизация в своем длительном развитии, — писал Троцкий, — грозит отрывом от массы, сосредоточением всего внимания на вопросах управления, отбора, перемещения, сужением поля зрения, ослаблением революционного чутья, т. е. большим или меньшим оппортунистическим перерождением старшего поколения, по крайней мере, значительной его части. Такие

процессы развиваются медленно и почти незаметно, а обнаруживаются сразу. Усматривать в этом предостережении, опирающемся на объективное марксистское предвидение, какое-то «оскорбление», «покушение» и пр. можно только при болезненной бюрократической мнительности и аппаратном высокомерии».

Серьезные обвинения и предупреждения! Правда, сказано лишь о тенденции, угрозе, возникающей не сразу, постепенно. Казалось бы, проявляется забота о партии и государстве. Но позже Троцкий раскроет свои карты. Он уже со всей определенностью будет утверждать, что в СССР сформировалась и правит «новая антинародная насильническая и паразитическая каста», а чтобы ее свергнуть, «нужна новая партия».

Сталин и его сторонники (на XIII съезде подобные заявления Троцкого резко критиковал Зиновьев) осознали опасность ломки сложившейся структуры управления. Хотя в партии немало оставалось сторонников троцкизма.

Такова была революционная установка. Как в песне: «Весь мир насилия мы разрушим до основания, а затем...» Что же будет затем? Начнется строительство нового мира. Но разве все прежнее было так уж плохо? И разве не приходится новой власти создавать систему управления, а также, между прочим, органы насилия или, говоря иначе, государственной безопасности.

Троцкий был талантливым демагогом. Он попытался использовать обычное недовольство граждан бюрократами в своих целях, для противостояния той административной системе, которую создавал Сталин.

Без такой бюрократической структуры не может существовать ни солидная партия, ни государство. Много из того, что было в прежнем государственном

механизме, новая власть вынуждена рано или поздно восстанавливать едва ли не в прежних формах. Поэтому целесообразно не увлекаться разрушением (крушить — не строить), а использовать все то полезное и годами отработанное, что было до революционного переворота.

Чиновник, работник государственного или партийного аппарата — необходимый винтик в этих механических структурах. Без него они не будут работать. В этом смысле бюрократ — профессия, а не ругательство. Вопрос лишь в том, как выполняет он свои обязанности, в какой мере пользуется своими административными возможностями.

Сталин прекрасно это понимал, а потому вынужден был пренебречь в принципе разумным, но в данной ситуации не вполне подходящим ленинским заветом.

* * *

4. В марте 1922 года была опубликована статья Владимира Ильича «О значении воинствующего материализма». О ней мы уже говорили. Есть все основания считать ее одним из важных пунктов ленинского «завещания». В ней он призывал развернуть широкую и решительную борьбу с церковью.

Сталин не выполнил этого завета.

Правда, за последние годы его обвиняют во всех тех антицерковных мероприятиях, которые проводились после смерти Ленина. Эти обвинения либо ошибочны, либо являются сознательной ложью.

Наиболее яростным и неугомонным борцом против Русской Православной Церкви после Троцкого был Хрущев, любимец либеральной интеллигенции. Но и при Сталине воинствующий атеизм некоторое время

процветал. И это было вполне естественно. Хотя Иосиф Виссарионович не давал клятвенного обещания бороться с христианством, однако он был решительным сторонником новой идеологии, основанной на материалистическом и атеистическом учениях.

И все-таки Сталин 16 августа 1923 года, вопреки мнению Троцкого, направил всем партийным организациям строго секретный циркуляр, в котором сразу же было заявлено:

«ЦК предлагает всем организациям партии обратить самое серьезное внимание на ряд серьезных нарушений, допущенных некоторыми организациями в области антирелигиозной пропаганды и, вообще, в области отношений к верующим и к их культам.

Партийная программа говорит: «необходимо заботливо избегать всякого оскорбления чувства верующих, ведущего лишь к закреплению религиозного фанатизма». Резолюция XII-го Партсъезда по вопросам антирелигиозной агитации и пропаганды подтверждает, что «нарочито грубые приемы, часто практикующиеся в центре и на местах, издевательства над предметами веры и культа взамен серьезного анализа и объяснения — не ускоряют, а затрудняют освобождение трудящихся масс от религиозных предрассудков»...»

Были приведены многочисленные примеры подобного отношения к верующим, попам, предметам культа. Приказывалось:

«1) воспретить закрытие церквей, молитвенных помещений... по мотивам неисполнения административных распоряжений о регистрации, а где таковое закрытие имело место — отменить немедленно;

2) воспретить ликвидацию молитвенных помещений, зданий и проч. путем голосования на собраниях с

З а в е щ а н и е   Л е н и н а

участием неверующих или посторонних той группе верующих, которая заключила договор на помещение или здание;

3) воспретить ликвидацию молитвенных помещений, зданий и пр. за невзнос налогов, поскольку такая ликвидация допущена не в строгом соответствии с инструкцией НКЮ 1918 г. п. II;

4) воспретить аресты «религиозного характера», поскольку они не связаны с явно контрреволюционными деяниями «служителей церкви» и верующих;

5) при сдаче помещений религиозным обществам и определении ставок строжайше соблюдать постановление ВЦИК от 29/III-23 г.;

6) разъяснить членам партии, что наш успех в деле разложения церкви и искоренения религиозных предрассудков зависит не от гонений на верующих — гонения только укрепляют религиозные предрассудки, — а от тактичного отношения к верующим при терпеливой и вдумчивой критике религиозных предрассудков, при серьезном историческом освещении идеи бога, культа и религии и пр.;

7) ответственность за проведение в жизнь данной директивы возложить на секретарей губкомов, обкомов, облбюро, национальных ЦК и крайкомов лично.

ЦК вместе с тем предостерегает, что такое отношение к церкви и верующим не должно, однако, ни в какой мере ослабить бдительность наших организаций в смысле тщательного наблюдения за тем, чтобы церковь и религиозные общества не обратили религию в орудие контрреволюции.

Секретарь ЦК *И. Сталин.*

16/VIII-23 г.».

Все это не означает, будто Сталин был приверженцем православного культа. Он не кривил душой, не лукавил. Это вообще было не в его правилах.

Он уже в молодости стал материалистом и атеистом. Но не воинствующим, во-первых. И не примитивным (что обычно и для теистов), во-вторых.

Впрочем, о его философских взглядах мы поговорим позже.

Глава 7

ИСТОРИЯ — ВЫСШИЙ СУДИЯ

Но есть и Божий суд, наперсники разврата!
Есть грозный судия: он ждет;
Он не доступен звону злата,
И мысли и дела он знает наперед.

Михаил Лермонтов

Извращение и опошление истории

Во времена СССР у нас преобладал упрощенный взгляд на исторический процесс. Его «раскручивали» в виде спирали, восходящей от дикости и варварства к цивилизации. На последнем этапе капитализм порождал социализм, а в перспективе сияло коммунистическое будущее.

Такая схема имеет определенное основание, обобщает множество фактов, исходит из некоторых философских предпосылок. Ее называют историческим материализмом. С ней можно соглашаться во всем или частично, ее можно опровергать. Но следует признать, что она привносит научные принципы в историософию.

При таком подходе, как мне представляется, недооценивается духовная жизнь общества, не учитываются трансформации человеческой личности в разные эпохи, взаимосвязь природы и цивилизации. Данная концепция упрощает историю человечества. Ничего плохого в этом нет (схематизация неизбежна). Беда

лишь в том, что ее считали ретивые идеологи единственно верной, что повредило более всего самому историческому материализму, превратившемуся в окаменелость, лишившись возможности развиваться.

Теперь у нас произошло нечто значительно более печальное и опасное: началось тотальное опошление истории культуры, цивилизации, природы.

Делается это под видом популяризации знаний, что само по себе не вызывало бы возмущения, если б не одно обстоятельство. Примитивнейшие, вульгарные идеи преподносятся с большим апломбом многомиллионной аудитории, в сопровождении кино- и фотоиллюстраций, со ссылками на документы, порой извлеченные из секретных архивов, с высказываниями свидетелей. Создается полная иллюзия достоверности. И только заинтересованный специалист способен заметить, что преподносится тенденциозная выборка, замалчиваются важнейшие сведения, порой показывают фальшивки, а выводы не соответствуют фактам.

Главный вопрос: для чего это делается? Ради каких целей и в чьих интересах?

Ответ на последний вопрос в нынешних условиях капиталистической, буржуазной и коррумпированной России не представляет труда: в интересах тех, кому принадлежат СМИ, — имущих власть и капиталы.

Ради каких целей? Естественно, для того, чтобы данные группы, кланы, социальные прослойки укрепляли свою власть и увеличивали капиталы.

Можно возразить: но ведь данный контингент заинтересован в том, чтобы сохранялась, укреплялась Россия, а ее народ, который они эксплуатируют, воспринимал свое положение спокойно или даже с удовольствием. Для этого следует позаботиться о его благосостоянии. Разве не так?

В идеале любой собственник не заинтересован, чтобы его «дойная корова» худела, чахла и могла отбросить копыта или взбеситься. О тех, кого эксплуатируешь, целесообразно хотя бы минимально заботиться. По-видимому, на это рассчитывали те «россияне», которые голосовали за капитализм, передачу национальных богатств в частные руки. Они готовы были служить на хозяев, надеясь получить от них больше благ, чем предоставляла им социалистическая система.

На деле вышло иначе. Ловкие хозяева позаботились о том, чтобы в кратчайшие сроки стать миллионерами и миллиардерами. За счет кого? За счет, естественно, народа. В результате появились массы безработных или месяцами не получающих зарплату, бомжи, нищие, беспризорные дети, самоубийцы в не виданных нигде и никогда масштабах, а народ стал вымирать.

Так почему же новоявленные эксплуататоры ведут себя столь непредусмотрительно? Почему они не боятся народного гнева, забастовок, бунтов, новой революции? Разве они не чувствуют, что пилят сук, на котором сидят, режут курицу, несущую золотые яйца, уничтожают собственную дойную корову?!

А чего бы им бояться, если народ предпочитает влачить жалкое существование и вымирать, но не восставать против несправедливости, ради собственного будущего? Впрочем, и восставать ему не надо. Ведь установлена в России буржуазная демократия. Значит, вполне достаточно на выборах проголосовать против тех, кто обманом навязал этот губительный для большинства режим.

Например, были недовольны Ельциным. Почему бы не «прокатить» его на выборах, как это сделали белорусы с его сообщником Шушкевичем? Нет, избрали Ель-

цина президентом второй раз даже после того, как по его приказу расстреляли Верховный Совет и убили несколько сот граждан. Он в очередной раз обманул ожидания избирателей, вызвал общее недовольство... На следующих выборах избрали того, кого он назначил своим преемником.

Подавляющее число граждан возмущены обокравшими их гайдарами, чубайсами, абрамовичами, швыдкими и пр. А в результате голосуют за партию власти и за тех президентов, при которых продолжается «гайдарономика» и на высших должностях находятся нелюбимые, а то и ненавистные деятели.

Казалось бы, уму непостижимое явление: спокойная реакция большинства населения России на то, что произошло и происходит с Отчизной, на свое униженное жалкое положение на собственной земле. Массовое безумие?

В книге одного из крупнейших современных социологов С. Г. Кара-Мурзы «Потерянный разум» подзаголовок: «Утрата здравого смысла. Утрата логики. Утрата меры». На огромном количестве примеров он показал, как чудовищно умственно деградировали современные интеллектуалы, которых удалось обмануть с помощью нехитрых приемов западной агитации и пропаганды. Им внушили веру в несусветные блага капитализма — открытого общества, правового государства, священной частной собственности — и неисправимые пороки социалистического закрытого бесправного общества. Это удалось сделать легко и просто прежде всего потому, что эти люди имели одинаково скудные представления и о западном, и о советском обществе (наиболее яркий пример — академик А. Сахаров), а также об истории Отечества и человечества.

И все-таки, пожалуй, наиболее страшная, если не безнадежная утрата этого контингента служащих по ведомствам науки, просвещения, искусства, управления и пр. — утрата совести. В отличие от подлинных интеллигентов, у которых духовные интересы преобладают над материальными, данные индивиды обуреваемы жадой накопления максимальных материальных благ. За это они с радостью готовы и родину продать.

Здравый смысл и логику люди забывают обычно тогда, когда им это выгодно. Ибо их утрату нетрудно при желании восполнить: достаточно оглядеться вокруг, поразмыслить, почитать книги умных и честных авторов. Было бы только желание понять, обдумать всерьез.

Утрата совести, сострадания, чувства взаимопомощи и справедливости — безнадежна. Подавив в себе эти чувства, люди совершают любые самые скверные, мерзкие поступки, презренные и проклятые с давних пор: предательство, измену воинской присяге, обман, казнокрадство, ложь... Послушный эмоциям рассудок подыщет им оправдание. Такова структура человеческой психики.

* * *

В том-то, пожалуй, и беда, что не утратили «враги народа» (назовем так тех, кто исполнен нечистого буржуазного духа личной выгоды, алчности, лжи, изворотливости, стремления получать максимум денег за минимум работы) ни рассудка, ни здравого смысла, ни логики. Они быстро нашли оправдание. Оно основывается главным образом на «обновленном» освещении истории России в XX веке. В кратком изложении эта версия такова.

Российская империя при Николае II была процветающим государством. Ленин на германские деньги осуществил революцию, развязал Гражданскую войну, выдворил из страны всех носителей высокой культуры, устроил геноцид русского народа. Подлинными героями и патриотами России были белогвардейцы, а носителями культуры — эмигранты. Тех и других надо прославлять.

Сталин продолжил черное дело Ленина: скрыл от народа его завещание; убил своего лучшего друга Кирова, установив режим массового террора; расстреливал или загонял в лагеря миллионы ни в чем не повинных людей; на костях рабов воздвиг «стройки коммунизма», а благодаря штрафным батальонам и заградотрядам победил фашистов; по маниакальным побуждениям репрессировал целые народы (чеченцев, крымских татар и пр.), не успев сделать то же с евреями. Подлинными патриотами России были генерал Власов, бандеровцы и все те, кто выступал против русских оккупантов и сталинщины.

Короче говоря, коммунисты — изверги, Ленин и Сталин — величайшие злодеи всех времен и народов. Они создали империю зла — Советскую Россию—СССР. Вывод очевиден: эту страну необходимо разрушить до основания; Ленина и Сталина проклясть во веки веков; русскому народу, пособнику злодеев и склонному к фашизму, надо всемирно покаяться; необходимо воспитать новых русских, россиян, отрешившихся от 70 лет гнусного и презренного советского прошлого и приобщенных к западной цивилизации.

Вполне логичная конструкция, не правда ли? Далеко не всякий обыватель сможет установить, что вся она построена на лжи, клевете, подлогах. Ну а если его та-

кая конструкция устраивает, то он примет ее и вовсе без сомнений. Когда говорят, что ложь грязная, смердящая, отравленная и отвратительная, все это субъективные определения. Та же самая ложь может быть увлекательной, привлекательной, желанной.

Достаточно «подправить» историю, умело извратить и опошлить ее, а затем представить такую стряпню чистой правдой и пищей для ума, внедрить ее с помощью СМИ в массовое сознание, и предатели родины смогут чувствовать себя патриотами, а расхитители национальных богатств и враги народа — его благодетелями.

Так произошло в нашей стране.

* * *

Не следует думать, будто современное извращение отечественной истории XX века представляет собой нечто небывалое. При советской власти многие историки, называвшие себя марксистами, старались изображать историю царской России в мрачных красках. Понять это можно: требовалось оправдать свержение царизма и укреплять доверие к советской власти. Только во второй половине 1930-х годов, когда Сталин стал диктатором, положение постепенно стало меняться: он понимал, что патриотизм предполагает любовь к Отечеству, а не только к существующему государственному устройству.

Проникновенно сказано замечательным русским философом, вынужденным эмигрантом Сергеем Николаевичем Булгаковым:

«Родина есть священная тайна каждого человека, так же как и его рождение. Такими же таинственными и неисследованными связями, которыми соединяется она

через лоно матери со своими предками и прикрепляется ко всему человеческому древу, он связан через родину и с матерью-землей, и со всем Божьим творением. Человек существует в человечестве и природе... Нужно особое проникновение, и, может быть, наиболее трудное и глубокое, чтобы познать самого себя в своей природной индивидуальности, уметь полюбить свое, род и родину, постигнуть в ней самого себя, узнать в ней свой образ Божий...»

Не следует понимать последнюю его мысль извращенно: мол, атеистическая советская власть боролась с религией, а потому не позволяла человеку узнавать в себе образ Божий. Такое толкование слишком убого. Ведь все дело в том, во что человек верит, как он живет, как относится к ближним и дальним, к Родине.

Не в отмаливании грехов своих, не в стоянии со свечкой, не в поклонении иконам, не в исполнении церковных обрядов и правил заключается твердыня веры. Она — в душе человека и его поступках. Иисус Христос учил распознавать лжепророков: «По делам их узнаете их...»

Увы, слишком много ныне на Руси расплодилось влиятельных лжепророков и их последователей. Многие из них мнят себя патриотами, так и не поняв, что в своей ненависти к Советскому Союзу они стоят в одном ряду с Гитлером, Рейганом, Тэтчер, Солженицыным и вскормленными на нашей земле горбачевцами, ельцинистами, чубайсами, новодворскими и прочей нечистью. Тем, кто по недоразумению попал в эти ряды, кто искренне уверен, будто при Николае II наша страна процветала, имея прекрасные перспективы на будущее, напомним слова Сергея Есенина, не понаслышке знавшего о тех временах:

Завещание Ленина

Монархия! Зловещий смрад!
Веками шли пиры за пиром.
И продал власть аристократ
Промышленникам и банкирам.

Конечно, были у нас во все века и замечательные выдающиеся люди из вельмож, дворян и прочих слоев общества. Были великие цари, патриархи. Но всем своим достижениям страна была обязана в первую очередь народу. Именно он нес тяжкий крест крепостного права; его труд и доблесть в сражениях определяли все достижения государства Российского. И только при советской власти народ впервые ощутил себя свободным, хозяином своей судьбы.

И не где-то среди эмигрантов типа И. А. Ильина или беглых отечественных аристократов, промышленников и банкиров надо выискивать носителей «русской идеи». Это чудовищное заблуждение тех, кто одурманен миазмами буржуазной антисоветской пропаганды. Традиции русской государственности, русской культуры, русского народа сохранялись, прежде всего и в основном, на отечественной почве, на Родине, в СССР, ибо ему и только ему суждено было стать естественным продолжением — в пространстве и времени — Великой России.

О культе и личностях

Извращение и опошление истории начинается с исторических личностей. Этот процесс протекает у нас и на Западе в русле общего опошления культуры, отрешения от высоких духовных ценностей и самобытности наций.

Достаточно обратить внимание на то, как — за редчайшими исключениями — преподносятся нам с телеэкранов, по радио, в газетах и журналах, а то и в книгах мыслители, религиозные и государственные деятели, ученые и прочие представители культуры. Выковыривают из биографий пищу для сплетен, «пикантные» эпизоды.

Кого ныне усиленно рекламируют? Прежде всего актеров и актрис, не говоря уже о президенте и некоторых политиках. Кем восхищаются? Посредственным философом из эмигрантов Ильиным, ярым антисоветчиком, вставшим на службу западным «демократам» Колчаком, изливают елей в адрес Белого движения и т. п. Замалчивают то, что в Гражданскую войну победил русский народ, не пожелавший возврата собственных помещиков и фабрикантов, а также хозяев-иностранцев.

Вывод прост и очевиден: заправляют в нынешних СМИ антинародные швондеры, штампующие — не без успеха — миллионы шариковых, без собачьего сердца, но с высшим и средним образованием. Вошли в моду порожденные хрущевской слякотью (после маленковской оттепели) поистине безродные западники, а то и монархисты без царя в голове.

С подачи великого прохвоста и немалого злодея Хрущева все эти люди дружно обрушились на культ личности Сталина. Его стали представлять необразованным маньяком, обуреваемым маниями преследования и величия. Сначала при этом его противопоставляли Ленину как великому мыслителю, чистому носителю коммунистической идеи. Но так называемая пора «перестройки, ускорения, гласности» (полезно задуматься над этим словосочетанием) свергла и втоптала в грязь и Ленина.

Одной из первых «ласточек» такого полета была книжка писателя и поэта В. Солоухина «При свете дня»,

Завещание Ленина

изданная в Москве при участии американской фирмы в 1992 году. Но в ней — то беспросветный мрак, то сумерки (по Велимиру Хлебникову — «умерки дня»). Удивительный набор нелепых суждений, извращенных сведений, беспардонной лжи. Деликатную, но уничтожающую критику этой поделки дал хорошо знавший Солоухина В. Кожин в книге «Россия. Век XX (1901—1939)». Он не сдержал своего недоумения: «Что же касается «информации», предлагаемой в книге «При свете дня», остается только руками развести — откуда такое берется?!»

Подобные Солоухину или Солженицыну «историки» пишут о десятках миллионов жертв ленинского и столько же — сталинского террора. Не говоря уже о непомерном преувеличении числа погибших или погубленных, удручает, помимо явной лжи, все то же опешение исторического процесса. Кожин тщетно пояснял: «Необходимо иметь в виду всеохватывающий и всесокрушающий «ураган» Революции, а не «агрессивную психику» Ленина или кого-либо еще».

Но вот в 1995 году вышла статья кандидата исторических наук И. В. Соколова с уничтожающим заглавием: «Ленин — палач русского народа и обычный педераст». Данный специалист и вовсе отличился. Он углубился в специфическую тему, упоминая о «марксистской попочке»... Впрочем, об этом — чуть позже. Все-таки мы сейчас говорим об историософии, а не о сексопатологии.

* * *

Революционный ураган — явление объективное, мощное и страшное. Противопоставлять ему одну какую-то личность означает, помимо всего прочего, при-

дание ей нечеловеческого могущества. Самый настоящий, да еще безмерно утрированный, исполненный злобы культ личности!

Впрочем, подобные авторы могли явно или неявно иметь в виду ту или иную фигуру как воплощение массового явления. И тогда Ленин выступает олицетворением большевиков, захвативших власть, создавших ЧК, сражавшихся с белогвардейцами и Антантой, учинивших «красный террор».

Правда, власть они взяли практически бескровно у дряблого Временного правительства, утратившего доверие народа. Орган госбезопасности учредили по необходимости (так делают руководители любого государства), а слово «чекист» пугало только врагов народа. «Красный террор» стал ответом на «белый террор»..

Разве белогвардейцы воевали в белых перчатках? Об их злодеяниях писал Михаил Булгаков, бывший белогвардейский военврач. Михаил Пришвин, долго не признававший советскую власть, сделал в июне 1920 года запись в дневнике: «Рассказывал вернувшийся пленник белых о бесчинствах, творившихся в армии Деникина, и всех нас охватило чувство радости, что мы просидели у красных». О том же писал беспристрастный свидетель В. И. Вернадский, проехавший по тылам деникинцев и не пожелавший эмигрировать в Англию, где ему предоставляли политическое убежище. Даже идеолог Белого движения Шульгин вынужден был признать, что если белые начинали воевать почти как ангелы, то кончили почти как дьяволы, тогда как красные — наоборот.

Сергей Кара-Мурза в книге «Советская цивилизация», словно возражая клеветникам, написал о Ленине:

З а в е щ а н и е   Л е н и н а

«Не палач, а спаситель». И сослался на слова Сергея Есенина, так отозвавшегося на смерть вождя:

Не славят музы голос бед.
Из меднолающих громадин
Салют последний даден, даден.
Того, кто спас нас, больше нет.
Его уж нет, а те, кто вживе,
А те, кого оставил он,
Страну в бушующем разливе
Должны заковывать в бетон.

Наш великий русский поэт, несмотря на молодость, был несравненно мудрей всех этих изолгавшихся солженицыных, солоухиных, соколовых. Не потому, что он был более образован или начитан. Он не утратил честь и совесть, был голосом русского народа, а не подголоском западных СМИ.

Вот и великий князь Алексей Михайлович, большой патриот России, чем вышеназванные «историки», вынужден был признать: «На страже русских национальных интересов стоял не кто иной, как интернационалист Ленин, который в своих постоянных выступлениях не щадил сил, чтобы протестовать против раздела бывшей Российской империи».

* * *

А что произошло в конце прошлого века с победой второй буржуазной революции в России? Под покровительством Ельцина и новых русских повсюду стали восстанавливать и строить церкви, часовни, монастыри. Члены правительства, недавние воинствующие атеисты, встали рядами со свечками. А страна не может

подняться с колен, придавленная олигархами, народ русский вымирает, культура деградирует, в населении возбуждают ненависть к недавнему советскому прошлому, к поколениям победителей и строителей Великой России — СССР. Господствует идеология эгоизма, алчности, продажности, поклонения золотому тельцу и тем самым торгашам, которых изгонял Христос из храма. Не означает ли это торжество антихриста?!

Суть этой идеологии «открытого общества» верно раскрыл Сергей Кара-Мурза: «В какой же свободе нуждался капитализм? В свободе от Природы, от человека и от Бога. Впрочем, все эти виды свободы — лишь разные ипостаси нового мировоззрения. Освобождение от человечности, разрыв общинных связей — появление индивидуума вместо личности — было возможно именно вследствие отказа от Евангелия, от идеи коллективного спасения души. Капитализм возник как общество глубоко антихристианское, несмотря на его внешнюю набожность».

Вообще, спекуляция на понятии свободы — один из приемов пропаганды самых подлых и пошлых нравов, воспитания потребленца и приспособленца. Ибо ни в природе, ни в обществе никакой человек не может быть абсолютно свободен. Ему дарована лишь духовная свобода.

Надо ясно сознавать, какая свобода имеется в виду, для кого и с какими целями. Пора бы различать свободу паразитизма от свободы трудящегося, свободу подлости и лжи от свободы искателя истины, свободу подонка от свободы личности. Когда глаголют о правах человека, надо поинтересоваться: кого имеют в виду? Если иному индивиду предоставить свободу, тем самым могут быть попраны права других людей, а то и всего народа.

* * *

Итак, сделаем вывод. Извращение и опошление истории — один из наиболее надежных способов оправдания самых гнусных человеческих качеств, подавления свободы мысли, формирования убогих стандартных индивидов, которых с полным правом можно называть недочеловеками.

Как бы мы ни относились к большевикам, их победа в Гражданской войне — неопровержимый исторический факт. Они победили в конечном счете благодаря поддержке народа. Как бы мы ни относились к Ленину, он был и остается великой и даже героической исторической личностью. Он был вознесен к вершине власти волной революционного подъема и оставался там по воле народа.

Сейчас о нем распространяют всяческие слухи, снимают подлые и пошлые кинокартины, телесериалы, где показывают его как заурядного обывателя и незаурядного злодея. Ему-то от этого, как нетрудно догадаться, ничего не сделается (разве что глумливо извлекут из Мавзолея его забальзамированное тело). Так совершают преступление против истории Отечества, против правды-истины.

* * *

Теперь даже россиянин средних лет может подивиться словам Маяковского:

Да будь я
и негром преклонных годов,
и то
без унынья и лени

я русский бы выучил
только за то,
что им
разговаривал Ленин.

Новый русский усмехнется: «Да я б лучше выучил английский, для бизнеса большая польза». Что ж, вполне резонно, в смрадном духе нового времени. Упомянутый выше И. В. Соколов, стремясь обгадить Ленина, даже стихами заговорил: «Если лидер педераст, то он и родину продаст», сославшись на народную мудрость.

Впрочем, автор завершает свою статью весьма показательно: «...Ленин был обычным гомосексуалом». Что же, мы уже говорили, — для таких, как Соколов, это действительно обычное явление!

Напомним, что при советской власти гомосексуализм карался по закону. Наши буржуазные демократы, свергнув советскую власть, чуть ли не в первую очередь отменили этот закон. Вот бы и вылил на них все свои словесные нечистоты Соколов. Нет, ему понадобилось поглумиться над покойником. Нечто маниакальное видится в этом.

Приходится упоминать об этом пасквиле на Ленина, а заодно и на историю России, чтобы читатель осознал всю ту мерзость, которую вливают в головы россиян нынешние политологи, публицисты, историки. Чтобы стало ясно, кому и для чего нужна «свобода информации» и отмена цензуры. Ведь при этом предоставлена прекрасная возможность лгать и клеветать, издавать массовыми тиражами «Ледоколы» предателя Резуна, спрятавшегося под фамилией Суворова, пошлые писания Соколова и внедрять в головы многомиллионной аудитории телезрителей и радиослушателей антисоветскую и антирусскую нечисть.

Ни при каком правителе Россия не достигала такого могущества и такой всемирной славы, как при Сталине. И никто из всех них не был посмертно так охаян, обруган и оболган, как он. Не обязательно сильно напрягать ум, чтобы усмотреть взаимосвязь между этими двумя явлениями.

До и после Великой Отечественной войны прирост населения России был выше, чем во всех странах Запада и США, а смертность примерно вдвое ниже, чем теперь. Народ поддерживал советскую власть и действительно считал Сталина великим и мудрым вождем. Это доказала победа в Великой Отечественной войне.

Какие воззрения Сталина оказались созвучными с действительностью? Если бы он не уловил неких мощных течений незримой духовной жизни общества, ему бы не удалось так долго, победоносно править и завершать жизнь в ореоле беспримерной, поистине всепланетной славы и во главе великой державы, восставшей дважды за его правление из руин.

Надо очень плохо разбираться в психологии людей, слишком поверхностно понимать жизнь общества и ход истории, чтобы думать, будто запуганный, обманутый, задавленный морально и измученный физически русский (советский) народ не только долгие годы терпел вопиющую несправедливость и унижение, но еще и вступил в смертельную схватку с государствами и народами Западной Европы, выстоял и победил. И все это ради величия и по приказу выходца из грузинского захолустья?!

В отличие от Наполеона, бросившего свою армию и позорно бежавшего из России, Сталин в тяжелейший

период войны 7 ноября 1941 года принял парад войск в прифронтовой Москве. И это было предвестием Парада Победы.

Можно ли создать и насильно внедрить культ собственной личности? Хрущев, к примеру, постоянно появлялся на людях, выступал, ездил по всему свету; о нем писали, снимали кинофильмы. И что же? Его высмеивали, не уважали в народе.

«Культ Сталина, — писал В. В. Кожинов, — это вовсе не результат интриг его самого и каких-то сомнительных подручных; это было в прямом смысле слова всемирное явление, которое осуществлялось повсюду от Мадрида до Шанхая.

Да, то, что называют «культом Сталина», ни в коей мере не сводится к личным действиям одного человека или группы людей. Идея культа, овладев, как говорится, массами, стала могущественной материальной силой. И по-настоящему действовала в истории именно эта сила, а не отдельный человек...»

Добавим: это был культ сверхличности, но не сверхчеловека, ибо в лице Сталина прославлялся советский народ, воздавалась хвала Советскому Союзу. Его имя явилось олицетворением намного более значительных факторов исторического процесса. Злобный враг Сталина Л. Д. Троцкий отметил в своем дневнике: «Победа... Сталина была предопределена. Тот результат, который зеваки и глупцы приписывают личной силе Сталина, по крайней мере, его необыкновенной хитрости, был заложен глубоко в динамику исторических сил. Сталин явился лишь полубессознательным выражением второй главы революции, ее похмелья».

Требуется уточнение. Сталин совершенно сознательно и твердо проводил политику, соответствующую исторической необходимости и выражающую волю на-

рода: государственное строительство, создание и укрепление великой державы. И это было не похмелье революции, а завершение ее разрушительного периода, где на первых ролях выступал Троцкий, и начало нового созидательного этапа, где подобные ему деятели были вредны. Тут требовался Сталин. А уж личной силой и ясным разумом он не был обделен.

Вспомним, как идейный недруг большевиков писатель Марк Алданов в конце 1927 года охарактеризовал Сталина: «Это человек выдающийся, бесспорно самый выдающийся во всей ленинской гвардии...» Через несколько лет он отметил: «К сожалению, не могу признать лицо Сталина незначительным. В нем есть и сила, и значительность... С тех пор, как существует мир, дураки диктаторами не становились...» Керенский с восторгом сравнивал Сталина с Петром I и называл его «Он» с большой буквы.

Сталин совершил нечто невероятное. Это следует уже из отношения к его деяниям русских крупных экономистов, политологов, юристов, философов, находившихся за границей. В 1920—1930-е годы они писали о неизбежном крахе Советской России и ее руководителя. Да и в самом СССР вряд ли было много людей из числа интеллигенции, кто думал иначе.

А как же народ? Трудился и поддерживал Сталина. Из страха? Нет, из чувства самосохранения. Не репрессии пугали, а возможность — вполне реальная — новой гражданской войны и разрушения державы. Политические свободы? Отстаивать право на партийные склоки и демагогию русский народ не привык. Буйная многопартийность была связана с периодом Гражданской войны. Однопартийность соответствовала самодержавию и была гарантом мирной трудовой жизни.

Сталина можно считать мыслителем не теоретиком, а практиком. Он не был твердокаменным марксистом: отступал от догм, проводя именно русскую идею. Так, в 1934 году он критически отзывался о некоторых высказываниях Энгельса, огульно охаивавшего политику царского правительства. А осенью 1945 года в обращении к народу писал о вероломном нападении Японии «на нашу страну» в 1904 году. До этого он, как известно, ввел погоны, подчеркивая единство с прошлой Россией. Он был именно русским патриотом (в июне 1935 года, беседуя с Роменом Ролланом, он обронил — «мы, русские...»).

* * *

У него были основательные знания во многих научных и технических дисциплинах. Обычно подобное «любительство» противопоставляют «профессионализму», безоговорочно отдавая все преимущества второму. В действительности ситуация не так проста. Узкая специализация уменьшает горизонты познания до минимума, определяя узость мировоззрения. О Сталине этого сказать нельзя. Некоторые его мысли поныне достойны обсуждения.

По его мнению, в природе и обществе накопление мелких изменений периодически вызывает революционные резкие конфликты и перемены как в природе, так и в обществе. Эволюцию животных ставил в зависимость от изменений окружающей среды. Отметил, что «в биологии теории неоламаркизма... уступает место неodarвинизм». В этом есть свой резон: ведь дарвинизм предполагает приспособление к среде пассивное, а ламаркизм — активное, меняющее собственную природу ради определенных целей.

Он утверждал философию монизма: «Единая и неделимая природа, выраженная в двух разных формах — в материальной и идеальной; единая и неделимая общественная жизнь, выраженная в двух различных формах — в материальной и идеальной, — вот как мы должны смотреть на развитие природы и общественной жизни». Сначала меняются внешние материальные условия, «а затем соответственно изменяется сознание, идеальная сторона». И если производство «принимает общественный характер, следовательно, скоро и собственность примет общественный характер».

Характерно, что и он, и Ленин, и Маркс идеями своими явно опережали изменение «материального базиса». Впрочем, Сталин говорил о единстве идеи и материи: «Сознание и бытие, идея и материя — это две разные формы одного и того же явления, которое, вообще говоря, называется природой или обществом». «Внешние условия существовали до нас и будут существовать после; они вызывают впечатления в нашем «я».

Через 20 лет Сталин повторил примерно то же самое. В мире, по его мнению, нет непознаваемого, а есть только непознанное, которое когда-нибудь будет открыто наукой.

Для Сталина существовали не только экономический базис и организации-надстройки (к которым Н. Я. Марр относил язык). Он понимал, что есть более высокие ценности: «Язык... создан не одним каким-нибудь классом, а всем обществом, всеми классами общества, усилиями сотен поколений». Сопоставляя язык с орудиями производства — также «надклассовыми» ценностями, он признавал приоритет духовной и материальной культуры в их единстве и взаимосвязи. Идея верная, по крайней мере, в соответствии с его представлениями о монизме природы и общества. «Сфера действия языка...

почти безгранична». Он утверждал: «Марксизм не признает неизменных выводов и формул, обязательных для всех эпох и периодов. Марксизм является врагом всякого догматизма».

* * *

Религиозный характер господствующей идеологии логически оправдан. Людям требуется вера в нечто устойчивое, абсолютное, а не относительное. Опора должна быть надежной. Однако истинность идеи должна подтвердиться на практике. Ведь речь идет о реальном обществе, а не о теоретических абстракциях.

Сталинская система выдержала труднейшие испытания. Усиление партии и государства, невиданный подъем производства, повышение жизненного уровня населения, победа над фашизмом, восстановление страны, снижение цен... Все это укрепляло в народе веру в Сталина и его руководство. Он стал выразителем воли большинства.

После его смерти руководимый Хрущевым госхозпартаппарат получил абсолютное господство над страной и народом, используя национальные богатства прежде всего на удовлетворение своих непомерно растущих материальных потребностей. После 1960 года смертность населения начала постепенно возрастать, а улучшение жизненного уровня относилось только к правящему классу и его ближайшему окружению. Диктатура народа, которую олицетворял Сталин, перешла в диктатуру «руководящих органов» и тех, кто распределял блага (хозяйственники, торговцы).

Имея минимальные материальные потребности и много работая, Сталин вынуждал и свое окружение поступать так же. Когда этот «гнет» исчез, часть его ок-

Завещание Ленина

ружения и множество более низких чинов наконец-то ощутили свободу. В народе посмеивались над хрущевскими посулами осуществить земной рай в стране за четверть века. Это недоверие свидетельствовало о том, что русская идея братского всеединства, приоритета «Мы» и духовных ценностей (под лозунгами коммунизма) превратилась в «опиум для народа», и он это осознал.

Для интеллектуалов наступила «оттепель», для народа — непролазная «слякоть». Произошло резкое разделение народа и привилегированного правящего класса, номенклатуры и ее идеологической прислуги. При «революции сверху» 1991 года, второй буржуазной революции в России, власть уже открыто захватил этот класс, поддержанный явными и тайными воротилами «бизнеса» и Западом. Наступило поистине царство Грядущего хама.

Произошла страшная незримая катастрофа: крушение русской идеи. Русский народ стал стремительно вымирать, а государство — деградировать.

История в сослагательном наклонении

Принято считать, что история не терпит сослагательного наклонения. Мол, в прошлом ничего нельзя изменить. Надо его осмысливать, извлекая полезные уроки.

Все это верно, но лишь отчасти. Того, что произошло, не изменишь. Однако понимать прошлое, даже если известны одни и те же факты, можно по-разному. Вдобавок со временем открываются новые сведения. Меняется окружающая обстановка, открываются новые исторические перспективы. Принципиально важно и

то, кто пытается осмыслить историю, с какой целью и в расчете на какую аудиторию.

Вот и получается, что история как область научных знаний и философских рассуждений вполне приемлет сослагательное наклонение. Это называется моделированием. Можно представить себе определенный исторический период и предположить, что могло произойти в тех или иных обстоятельствах.

Подобные «путешествия в прошлое» чаще всего позволяли себе писатели-фантасты. Они не имели в виду исследовательские задачи, не претендовали на научные выводы. «Машина времени» фантастов — сугубая выдумка. Как справедливо писал замечательный религиозный философ блаженный Августин, прошлое и будущее существуют в настоящем (или иначе: настоящее, прошлое и будущее пребывают в вечности, подобно тому как многие виды пространства находятся в едином пространстве Вселенной).

Тем не менее теоретические модели «альтернативных» исторических процессов могут принести определенную пользу в тех случаях, когда мы пытаемся понять смысл, значение и последствия тех или иных исторических решений, значение поступков исторических личностей.

* * *

Итак, предположим, что место Сталина занял бы Троцкий. Его сторонники могут решить, что в таком случае если не все, то многое в мечтаниях диссидентов могло реализоваться. Во всяком случае, было бы покончено с диктатурой партии, бюрократизмом, зажимом критики и прочими дефектами «сталинизма». Разве не об этом писал Лев Давидович?

Увы, его выступления против сталинской системы были чистой воды демагогией! Что ему потребовалось бы предпринять в первую очередь? Постараться удержать власть, укрепив свои позиции. А для этого был только один путь: поставить своих людей на все ключевые посты в партии, правительстве, армии, НКВД. Это было бы необходимо уже потому, что у него среди основной массы членов партии было сравнительно мало сторонников.

Чтобы произвести такую радикальную чистку и значительное обновление управленческого аппарата, где преобладали приверженцы сталинского курса (ведь он подбирал кадры), Троцкому пришлось бы устранять — правдами и неправдами — своих противников. Начались бы острейшие внутрипартийные конфликты, чем непременно должны были воспользоваться враги РКП(б) и СССР.

Обладая властными полномочиями, Троцкий вряд ли отказался бы от установки на мировую революцию, ограничившись построением социализма в одной стране (такой была стратегия Сталина). Для него даже в этом случае мирное строительство означало превращение страны в военный и трудовой лагерь для того, чтобы использовать русский народ как средство разжигания мирового пожара (с какой тайной целью — приходится только догадываться). Такая внутренняя и внешняя политика была бы губительной для России-СССР.

Итак, мы приходим к выводу: скорее всего, во время проблематичного «правления Троцкого» в партии произошел бы серьезный раскол, а в стране вспыхнула бы новая кровавая междоусобица. Этим непременно постарались бы воспользоваться западные державы.

С помощью остатков Белой армии и внутренних врагов советской власти они почти наверняка смогли бы «навести порядок» и установить «демократическое правление».

Но, может быть, такой поворот событий стал для России спасением? Из эмиграции вернулись бы представители интеллигенции, аристократы, белогвардейцы, банкиры, промышленники, помещики, представители царствовавшей династии...

К чему это могло привести?

Судить по примеру современной капиталистической России нельзя, ибо она возникла в предельно благоприятных экономических и социальных условиях, которые обеспечила советская власть. В 1923 году страна находилась в разрухе, экономика только лишь начала восстанавливаться, в народе продолжалось брожение, вызванное революциями, Гражданской войной, нэпом.

Следовательно, отказ от генеральной линии партии, предложенной Сталиным и его соратниками, переход на позиции троцкизма означал бы начало новых социальных потрясений, междоусобицы в партии и стране, усиление сепаратизма, развал только что образованного Советского Союза, а значит, Великой России.

Свергнутая народом царская или буржуазно-демократическая власть не имела никаких шансов противостоять процессу распада. Он был неизбежен, какими бы иллюзиями не тешили себя монархисты или демократы. Чтобы удержать власть, им потребовалась бы помощь извне все той же Антанты. А восстановление Великой России не входило в планы руководства крупнейших держав: Англии, Франции, Германии, Японии, США (можно добавить еще Польшу, Финляндию, Турцию). Они, как положено хищникам, не упустили бы благоприятную ситуацию для того, чтобы расчлениить

Завещание Ленина

СССР, а затем РСФСР, установив свое господство над их частями.

Разделяй и властвуй! Разве не такую политику воинствующего империализма демонстрируют они поныне?

Для советской власти в обстановке внутренней нестабильности при враждебном окружении (расчет на мировую революцию и поддержку пролетариев всех стран не оправдался) требовалась консолидация всех сил. Устойчивость нового общества могла обеспечить только правящая партия — как центр кристаллизации прочной государственной системы. Ради этого приходилось действовать жестко, а то и жестоко.

Из подобных соображений исходил Сталин. И не только он один. Это же если не понимали с полной определенностью, то интуитивно чувствовали не только делегаты партийных съездов и большинство членов партии. В народе, измученном социальными и экономическими потрясениями, тоже преобладали такие настроения.

* * *

...Постарайтесь мысленно перенестись в Россию начала 1920-х годов, только еще начавшую восстанавливать народное хозяйство и налаживать мирную жизнь. Как можно определеннее и объективней представьте себе состояние культуры и экономики, настроения, господствовавшие в разных социальных слоях, брожение в партийном руководстве и растерянность немалого числа членов партии. Необходимо решить, какой выбрать дальнейший политический курс, генеральную линию партии. Как поступить в этом случае? Какой выбор предпочесть?

На мой взгляд, партия сделала верный выбор.

Спору нет, наши рассуждения предельно упрощены. И все-таки они, как мне представляется, дают более или менее верную схему тех событий, которые могли произойти, если бы Троцкий заменил тогда Сталина.

«История нас рассудит»

Такую фразу любили повторять деятели, вынужденные сойти с исторической арены.

Суд истории суров, беспощаден и отмене не подлежит.

Об этом в буржуазной России принято забывать. Теперь даже многие историки, не говоря уже о журналистах, вершат суд над историей. Только немногие честные и квалифицированные специалисты стремятся осознать прошлое. Однако их работы издаются небольшими тиражами. Создается видимость свободы слова. Ибо за последние десятилетия массовыми являются не журналы и книги, даже не газеты, а электронные СМИ, которые правильнее называть СМРАП (средства массовой рекламы, агитации, пропаганды). В действительности важнейшая их роль для имущих капиталы и власть — использование психотехнологий для интеллектуального и духовного закабаления народа, внедрения в сознание миллионов дезинформации.

Это не означает, будто СМРАП постоянно изливают грязную ложь. На то и психотехнологии, чтобы в необходимых пропорциях предоставлять правду, приправляя ее дозами лжи, создавать информационный шум мелко раздробленными новостями, где важные сведения теряются в пустяках, воздействовать на эмоции материалами о катастрофах, убийствах. Главное —

не давать возможности задуматься, сопоставить факты, сделать самостоятельные выводы.

Для таких целей идеальное средство — теле- и радиопередачи. В отличие от книги, журнала, газеты они протекают в режиме реального времени, заставляют зрителя или слушателя входить в искусственную (техногенную) аудио- или видеосреду и направлять его мысли и чувства в определенное русло.

Наиболее распространенный прием воздействия на подсознание — повторять как бы между прочим, как само собой разумеющееся, как нечто всем известное определенное утверждение. Или сослаться на какой-либо авторитет. И тогда в сознании людей имя Сталина тотчас порождает внедренный штамп: «тиран и коварный злодей», тридцать седьмой год — «массовые репрессии», Советский Союз — «тоталитарное государство», ГУЛАГ — «система концлагерей для инакомыслящих», советский человек — «тупой совок», русский — «оккупант», а теперь еще и «фашист»...

Эти определения подлы и лживы? Не беда! Благодаря нехитрым приемам они будут неоспоримы и неотразимы. Как этого добиться? Надо действовать напористо и нагло. Ссылаться на слухи, воспользоваться единичными и ничего, по сути дела, не доказывающими фактами, фальсифицировать некоторые материалы, не гнушаться бесстыдной ложью и клеветой.

Так, говоря о репрессиях, называют несусветные цифры в десятки миллионов (тут и Солженицын сожжет, не краснея из ненависти к красным). Утверждают, что Сталин был параноиком, а его соратники тупицами и трусами. Намекают, будто в ГУЛАГе находились лишь невинные жертвы режима и политзаключенные...

Не стану продолжать. Всю эту клевету много раз опровергали В. Кожин, С. Кара-Мурза, В. Бушин и немало других знающих и честных людей. Разве что-нибудь от этого изменилось? Грязную ложь на Советский Союз, советский народ, Сталина продолжают изливать отечественные СМРАП, как ни в чем не бывало, изобильно и непрерывно. А чистая правда поступает ничтожными порциями и обычно попадая к тем людям, которые и без того ее знают или о ней догадываются.

Казалось бы, как же массы людей можно обманывать, если в реальности все иначе? Оказывается — можно. Для этого надо прежде всего представить историю так, как требуется определенной категории влиятельных деятелей. Я называю их государственными или, шире, глобальными владыками (ГВ). В их распоряжении находятся рычаги власти, включая СМРАП.

* * *

Почему требуется исказить именно историю? Потому что представления о прошлом формируют картину настоящего.

Вот, например, в интервью по ТВ 9 июня 2001 года Солженицын с возмущением признал, что Ельцин, Гайдар и Чубайс ограбили народ. А затем обмолвился: мол, в советское время расстреливали миллионы людей. Такой вот лукавый прием: подумайте, что для вас лучше: быть ограбленным или убитым? Тут же, как бы обо всем известной истине, сказал о миллионах расстрелянных. Солгал. Известно (даже по радио однажды сообщили), что с 1921 по 1953 год было у нас расстреляно около 800 тысяч человек, среди которых немалую часть составляли военные преступники, изменники Родины, мародеры, бандиты и т. д.

Завещание Ленина

Представьте себе, какое впечатление сложится у вас о человеке, про которого вам будут рассказывать только одно плохое, преувеличивая его недостатки, смакуя ошибки, выдумывая пороки, сообщая сомнительные сведения как достоверные. Естественно, у вас сложится о нем самое негативное впечатление, даже если вы его знаете с самой лучшей стороны.

Помнится, великая балерина Галина Уланова незадолго до смерти призналась, что даже не подозревала, в каком ужасном обществе жила при Сталине. Другая великая балерина, Майя Плисецкая, утверждала, что ее третиrowала советская власть, как бы позабыв, что еще в 1959 году она стала народной артисткой СССР, а в 1985 году была удостоена почетного звания Героя Социалистического Труда.

(Кстати, лишь одну эту награду носил Сталин, которого выставляют маниакальным честолюбцем. Он возражал против присвоения ему звания Героя Советского Союза, ссылаясь на то, что не совершал геройского подвига. Но разве не беспримерным его подвигом в эти годы было руководство не только действующей армией, но и тылом, партизанским движением и разведкой, внешней и внутренней политикой?)

За последние 20 лет принадлежность к семье бывших узников ГУЛАГа или к «репрессированным народам» стала преподноситься как своеобразная «родовитость», печать избранности. И никто толком не пояснит, а за что же были высланы представители некоторых национальностей? А сколько в действительности их погибло из-за, как говорят, невыносимых условий? И почему они не вымерли, как ныне вымирает русский народ, а за все те годы увеличивались в числе? И разве в ГУЛАГе пребывали одни невинные? Я, например, был

знаком с десятком «лагерников», и никто из них не был без вины виноватым. Конечно, были исключения, но только не в массовых масштабах.

* * *

...Слишком легко, просто и комфортно быть гуманистом, борцом за права человека и критиком тоталитарного режима, выдавая себя за демократа и беспокоясь не о народе, а о собственной выгоде, угождая своим финансистам или начальникам и ни за что не отвечая.

При этом прошлое представляется, обсуждается и осуждается с позиций современных. Напрочь отбрасывается исторический метод, предполагающий предельно точное воссоздание обстановки определенного периода и стремление исходить из нее, как бы переносясь в ту пору, ставя себя на место людей той эпохи.

В буржуазном обществе у его защитников и пропагандистов в цене демагогия. Деятели в политике или в СМРАП переиначивают историю на свой лад. Они сознательно извращают прошлое. Люди, превратно представляющие историю своей родины, превращаются в бездумных марионеток, неспособных адекватно реагировать на происходящее под гипнозом внедренных в их сознание штампов.

Об этом еще в 1915 году писал поэт-философ Максимилиан Волошин:

Ложь заволакивает мозг
Тягучей дремой хлороформа,
И зыбкой полуправды форма
Течет и лепится, как воск.

И гнилостной пронизан дрожью,
Томлюсь и чувствую в тиши,

Завещание Ленина

как, обезболенному ложью,
Мне вырезают часть души.

Можно возразить: а разве советская пропаганда не искажала историю? Да, искажала. Вопрос лишь в том, до какой степени и в каких целях.

Например, Кожинов справедливо возмущался словами Сталина, выступавшего в феврале 1931 года на первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности: «История старой России состояла, между прочим, в том, что ее непрерывно били...» Тут Вадим Валерьянович сделал пропуск. Запомним это обстоятельство. И учтем, что там же у Сталина высказана еще более возмутительная мысль: «В прошлом у нас не было и не могло быть отечества».

Вот вам и руководитель Великой России — СССР! Его послушать, так у русского народа до победы большевиков вся история состояла из битья и не было никакого отечества.

Правда, следует учесть обстановку того времени, цель доклада и все высказывание вождя без пропусков. Тут он объясняет, в частности, почему не может последовать совету Ленина не торопиться.

«Иногда спрашивают, — говорил Сталин, — нельзя ли несколько замедлить темпы, придержать движение. Нет, нельзя, товарищи! Нельзя снижать темпы! Наоборот, по мере сил и возможностей их надо увеличивать. Этого требуют от нас наши обязательства перед рабочими и крестьянами СССР. Этого требуют от нас наши обязательства перед рабочим классом всего мира.

Задержать темпы — это значит отстать. А отсталых бьют. Но мы не хотим оказаться битыми. Нет, не хотим! История старой России состояла, между прочим, в том, что ее непрерывно били. Били монгольские ханы. Били

турецкие беки. Били шведские феодалы. Били польско-литовские паны. Били англо-французские капиталисты. Били японские бароны. Били все — за отсталость. За отсталость военную, за отсталость культурную, за отсталость государственную, за отсталость промышленную, за отсталость сельскохозяйственную. Били потому, что это было доходно и сходило безнаказанно...»

Общий посыл понятен: убедить слушателей в необходимости мобилизовать все ресурсы для индустриализации страны.

Он продолжил:

«Помните слова дореволюционного поэта: «Ты и убогая, ты и обильная, ты и могучая, ты и бессильная, матушка Русь». Эти слова старого поэта хорошо заучили эти господа. Они били и приговаривали: «ты обильная» — стало быть, можно на твой счет поживиться. Они били и приговаривали: «ты убогая, бессильная», стало быть, можно бить и грабить тебя безнаказанно. Таков уже закон эксплуататоров — бить отсталых и слабых. Волчий закон капитализма. Ты отстал, ты слаб — значит, ты неправ, стало быть, тебя можно бить и порабощать. Ты могуч — значит, ты прав, стало быть, тебя надо остерегаться.

Вот почему нельзя нам больше отставать».

Как видим, он стремится доказать главную мысль своего доклада. Ради этого пренебрегает исторической точностью и справедливостью. С той же целью он высказал сомнительную мысль о том, что «у нас не было и не могло быть отечества». Если понимать отечество в привычном для нас значении «родина», «место рождения», то получается нелепость. Родина есть у каждого, кто рожден, и отрицать это глупо. Вряд ли Сталин этого не понимал.

Значит, он имел в виду другой смысл этого слова: «государство, в отношении к подданным своим» (так

З а в е щ а н и е   Л е н и н а

пояснено в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля). И он пояснил:

«Но теперь, когда мы свергли капитализм, а власть у нас рабочая, — у нас есть отечество и мы будем отстаивать его независимость. Хотите ли, чтобы наше социалистическое отечество было побито и чтобы оно утеряло свою независимость?..

Мы отстали от передовых стран на 50—100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут».

Так поставлена проблема. Прав Сталин? Да, прав. Через десять лет началась Великая Отечественная война. Успели мы до этого срока провести индустриализацию? Да, почти успели. И только поэтому победили в войне, где решали все техника, общее состояние страны и духовная мощь народа.

Вот характерное признание В. И. Вернадского, убежденного индивидуалиста и поборника прав личности, свидетеля двух мировых войн и революций. Сравнивая Первую мировую с Отечественной, он сделал вывод: «Совершенно несравнимо. Народ как бы переродился. Нет интендантства, наживы и обворовывания. Армия снабжается, по-видимому, прекрасно. Много помогают колхозы. Исчезла рознь между офицерами и солдатами. Много талантливых людей... достигает высших военных должностей».

Правда Сталина заключалась в том, что к трудящимся прежней России государство и руководство не относились по-отечески. Выражение «царь-батюшка» звучало аллегорически. Какой это батюшка, если его надо почитать как наместника Бога на земле? Если ему надо кланяться в ноги? Если к нему нельзя обратиться, как к отцу родному?

В этом отношении новый «хозяин», безусловно, значительно больше походил на отца. Новая государствен-

ная власть относилась к трудящимся по-отечески, а не свысока, по-барски или с показной «демократической» простотой.

Сталин был прав даже тогда, когда говорил не полную правду, а то и неправду. Потому что он не только говорил, но действовал. Не ради себя, — ради Великой России, советского народа, русской и, шире, советской многонациональной культуры. Он поднял страну на трудовой подвиг. Он не дал врагам смять нас.

Такова правда истории. Она рассудила именно так, а не иначе.

* * *

Бесстыдные и продажные духовные пигмеи переиначивают и переписывают, извращая, прошлое. Они внедряют в сознание и подсознание десятков миллионов лживую версию исторических событий и уродуют образы великих исторических личностей. Пока господствуют кланы ГВ, с этим ничего не поделаешь. В этом трагедия нашего времени.

Тоталитарный режим

Утверждение об исторической правде сталинских деяний может показаться не только преувеличением, но и чудовищной попыткой оправдать создание тоталитарного государства, подавляющего свободу личности и попирающего права человека. Кому-то даже может показаться, что на этом пути Сталин пренебрег ленинским заветом укреплять демократию.

Если даже напрямую Ленин этого не писал, то, например, в марте 1921 года говорил: «Мы... очень много погрешили, идя слишком далеко... нами было сделано

Завещание Ленина

слишком много просто ошибочного, и было бы величайшим преступлением здесь не видеть и не понимать того, что мы меры не соблюдали... мы зашли дальше, чем это теоретически и политически необходимо».

Вновь припоминается указание Ленина на то, чтобы во главе партии стоял человек, отличающийся «от тов. Сталина только одним перевесом, именно более терпим, более лоялен, более вежлив». Не исполнили этого завета, вот и получили жестокий, нетерпимый, грубый тоталитарный режим, отражающий нехорошие черты своего создателя.

При всей наивности такого суждения в нем есть своя «сермяжная правда». Если только не учитывать того, что государственные режимы, если они устойчивы (а Сталин 30 лет находился на вершине власти), складываются под воздействием многих объективных факторов и менее всего отражают личные качества любого вождя.

При Сталине, да и позже, наше государство было тоталитарным. Это понятие (сошлюсь на словарь иностранных слов) означает политический строй, при котором власть сосредоточена в руках какой-либо одной партии (группы), уничтожившей демократические свободы и возможность возникновения оппозиции, полностью подчиняющей жизнь общества своим интересам и сохраняющей свою власть насилием, террором, духовным порабощением народа. Над всеми сферами жизни общества осуществляется полный контроль со стороны государственной власти.

Но есть одно обстоятельство, на которое обычно не обращают внимания. Политический строй еще не тождественен общественному устройству. Господство одной-единственной партии означает, безусловно, тоталитарность режима. Но разве обязательно при этом

осуществляется экономическое и духовное порабощение народа в пользу каких-либо привилегированных групп?

Например, в США официально разрешена многопартийность. Это — чистая демагогия, а не демократия. Во-первых, реально борьба за власть идет только между двумя партиями. Во-вторых, обе они являются двумя крылами правящей в стране буржуазной элиты. В-третьих, в руках или под контролем этой элиты находятся практически все финансы и СМРАП державы.

Гражданам внушают, будто у них есть выбор. Однако пространство политического выбора у них предельно узкое. В сущности, это две параллельные дорожки с незначительными различиями. Обман примитивный, давно разоблаченный, но действующий поныне безотказно. За иллюзию выбора граждане платят колоссальные суммы. А результат предсказуем: победит партия, осуществляющая тоталитарную буржуазную демократию.

В XX веке сформировались три типа тоталитарных обществ: тоталитарная буржуазная демократия капиталистического типа (США, Великобритания и т. п.); тоталитарная народная демократия социалистического типа (СССР, КНР и др.); тоталитарная военизированная фашистская демократия национал-социалистического типа по названию и национал-капиталистическая по сути (фашистские Италия, Германия и пр.).

К сожалению, даже в теоретических трудах отсутствует подобное четкое разделение, схематично отражающее характерные черты общественного устройства. А политизированные идеологи постарались предельно запутать проблему. Теперь даже у нас господство частного капитала стали называть торжеством подлинной свободы и демократии. Хотя на примере развала СССР

Завещание Ленина

в результате победы буржуазной революции совершенно очевидно, какое это несчастье для народа и культуры.

Тоталитарная буржуазная демократия наиболее близка к фашизму. Она разрушительна для духовной культуры и человеческой личности. Об этом в 1923 году писал Николай Бердяев:

«В демократическом принципе нет никаких гарантий того, что осуществление его не понизит качественный уровень человеческой жизни и не истребит величайшие ценности. В отвлеченной идее демократии есть величайшее презрение к качествам человека и народа, к их духовному уровню. Эта идея хотела бы отвлечь внимание от содержания человеческой жизни и цели жизни и направить его целиком на формы волеизъявления... Вы поверили в демократию потому, что вы потеряли веру в правду и истину».

В дальнейшем его мысль полностью подтвердилась. Цивилизация, где главенствует принцип выгоды, подавляет культуру, техника — научно-философскую мысль, материальные ценности безраздельно господствуют над духовными.

Буржуазная демократия тоталитарна и агрессивна (подобно фашистской диктатуре), ибо ориентирована на постоянное увеличение материальных потребностей, которые не может удовлетворить, используя собственные ресурсы. Сталин отказался от идеи мировой коммунистической революции. Однако США и их союзники во второй половине XX века стали негласно осуществлять мировую капиталистическую революцию. Они бросили огромные средства на развал социалистической системы, на расчленение СССР, Чехословакии, Югославии.

Сталин окружил СССР дружескими странами народной демократии, создав единое экономическое пространство. При этом «старший брат» не эксплуатировал более слабые государства, а осуществлял взаимовыгодное сотрудничество нередко в убыток себе.

США тоже помогали странам Западной Европы. Но, во-первых, нажившись на войне; во-вторых, предварительно ограбив эти страны; в-третьих, препятствуя влиянию социалистических идей и развязав информационную войну.

С позиций марксизма-ленинизма хищнический характер капитализма объясняется классовыми интересами буржуазии и шкурными — их услуги, включая интеллектуальную. Однако причины значительно глубже и серьезнее.

Сказывается общая принципиальная установка технической цивилизации на создание, умножение, распространение и усовершенствование технических систем. Происходит это за счет деградации окружающей среды, биосферы. В. И. Вернадский надеялся на переход ее на более высокий уровень ноосферы, области господства научной мысли. В действительности она превращается в техносферу, область господства техники.

Тоталитарная буржуазная демократия в наибольшей степени (так же как фашистская диктатура) соответствует техносфере. Она механична в своей основе. Некоторые ее защитники и пропагандисты утверждают, будто она представляет собой «открытое общество». В реальности все как раз наоборот. Никогда еще не было столь закрытого общественного устройства, где разобщение людей так велико.

Что произошло в России при установлении в конце прошлого века тоталитарной буржуазной демократии,

«открытого общества»? Металлические двери, огромные глухие заборы, строго охраняемые виллы, многочисленные охранники повсюду, камеры видеонаблюдения, заказные убийства, пронизывающие всю государственную систему метастазы коррупции, на работе страх быть уволенным, «черный нал» и тройная бухгалтерия... Открытыми для расхищения оказались национальные богатства, открыт их вывоз за рубеж, открыты для врагов многие государственные тайны, открыта утечка в другие страны отечественных специалистов, открыта безудержная кампания лжи и клеветы на Советский Союз, советских вождей, советский народ.

Это и есть реальное, а не на рекламе, западное «открытое общество». Многих у нас оно устраивает. Эти «закрытые» люди и есть нынешняя правящая элита и их обслуга, «новые русские» (пусть не всегда русские по национальности), ловкие дельцы, продажные приспособленцы и ненасытные потребленцы, поистине враги народа. Они — мутанты, возникшие под воздействием интенсивного облучения западной пропагандой. Это и есть торжество буржуазной демократии. Она губительна для настоящих русских людей — открытых миру и друг другу, товарищей.

Могу свидетельствовать как очевидец: даже в суровые, порой трагические сталинские времена не было у нас такого духовного и экономического тоталитаризма, такого упадка культуры, такого массового снижения интеллектуального и нравственного уровня, такой деградации личности, как за последние 20 лет. Победа буржуазной идеологии обернулась потерей русской национальной идеи, в основе которой — любовь к Родине, и утратой отечества как страны для народа, а не для «избранных», не достойных ничего, кроме презрения.

Буржуазная тоталитарная демократия — это социальная организация, поощряющая худшие человеческие качества. Она формирует убогую личность, ориентированную на получение прибыли, приспособление к окружающей среде и максимальное потребление материальных ценностей. В таком обществе гасятся творческие порывы и опошляются высокие идеалы. Возможно, это путь к позорному финалу современной глобальной технической цивилизации.

Заключение

ПРОШЛОЕ — ПРОЛОГ БУДУЩЕГО

Для разума нет исхода,
Но дух ему вопреки
И в безднах чует ростки
Неведомого восхода.

Максимилиан Волошин

1

Не было политического завещания Ленина. Но были его заветы. Чтобы осознать эти заветы, надо избавиться от гипнотического воздействия СМРАП и продажных историков, действующих по заказу ГВ (имущих власть и капиталы). Надо суметь отрешиться от нечистой, а то и пропитанной ядом духовной пищи; надо стараться думать самостоятельно, сопоставлять факты, обращая внимание на самое существенное, а не пустяки; надо интересоваться, кто и почему высказывает то или иное мнение, что это за человек и какие у него цели.

Можно проклинать или восхвалять свое прошлое, даже отречься от него, это не изменит главного: мы — его продолжение. Оно остается в нас, входит во все то, что нас окружает. Без него нет настоящего.

Можно хулить или хвалить прошлое, однако занятие это будет бесплодным или даже вредным, если не

пытаться исследовать историю с предельной скрупулезностью, внимательно и чистосердечно, ради поисков истины, а не того, чего хотелось бы найти.

Для понимания исторического процесса совершенно недостаточно знать и выстраивать в хронологическом порядке различные сведения. Такую работу способен выполнить и компьютер. Необходимо научиться думать, что не так уж просто. Желательно обладать достаточно полным и конструктивным личным опытом, знать ту страну и тот народ, о которых пытаешься судить.

Но даже при выполнении всех этих условий вряд ли можно претендовать на то, что нам удалось понять прошлое, тем более не в общих чертах, а в деталях. Вот и тайны ленинского завещания, о которых у нас шла речь, невозможно раскрыть полностью и окончательно. Вспомнить совет Козьмы Пруtkова: «Плюнь в глаза тому, кто скажет, что можно объять необъятное».

Основная трудность в том, что многое зависит не только от стихийных процессов и статистических закономерностей, связанных с взаимодействием общества с окружающей средой, с развитием техники и социальных структур, демографических явлений и т. п. Порой существенно сказываются субъективные факторы, связанные с конкретными историческими личностями, их замыслами и устремлениями, интеллектуальными и нравственными качествами.

Например, я совсем не уверен, что хорошо понимаю сокровенные замыслы Троцкого, Зиновьева, Каменева. В их поведении, высказываниях, деятельности слишком много противоречивого, двусмысленного, изменчивого со временем. Возможно, никогда не будут раскрыты в полной мере их связи с международным революционным и сионистским движением. В этом отношении

Завещание Ленина

действия Ленина и Сталина более ясны, ибо прошли проверку временем.

В отношении этих двух величайших политических и государственных деятелей XX века самое трудное — освободить их образы от массы грязных, пошлых и подлых измышлений, на которые так падки грязные, пошлые и подлые представители не самых честных профессий: журналисты, политики, историки. Аналогия с фресками великих авторов, пострадавшими от времени, замаранными бездарными художниками, изгаженными и исцарапанными пошляками, оставившими свои подписи...

Увы, после такого глумления над прошлым многое невозможно восстановить! А сделать это необходимо даже не ради минувшего и ушедшего безвозвратно, не ради давно почивших людей, кои «сраму не имут». Сделать это необходимо ради нашего общего будущего, ради нашей Родины, нашей культуры, нашего народа.

2

Историографы — хроникеры минувших событий. Историософы пытаются осмыслить исторический процесс. Первые восстанавливают события прошлого, выстраивают их в хронологическом порядке. Вторые по большей части философствуют.

И то и другое занятие по-своему интересны, увлекательны. Однако вновь и вновь возникает вопрос: зачем вообще нам нужно знать историю?

Очевидный ответ: знание былого помогает предвидеть будущее. Это справедливо, но лишь отчасти и с оговорками. Ведь многое нам никогда не удастся воссоздать во всей полноте и непротиворечии.

Прошлое раскрывает сущность настоящего и нас самих. Ведь общество продолжает существовать при постоянном обновлении слагающих его клеточек-индивидуумов, нас с вами. Оно сохраняет свои извечные качества и приобретает новые. Оно, как всякий живой организм, не может измениться совершенно — это будет означать его перерождение и гибель.

Итак, история помогает нам лучше и глубже понимать свою страну, свой народ и собственную личность. Это чрезвычайно важно. С этого начинается культура. Недаром во времена Античности был популярен афоризм: «Познай самого себя». Самопознание — отличительная черта человека.

Самопознание общества — это и есть история.

Расширяя в прошлое свой умственный горизонт, охватывая длительные исторические периоды, переходишь в иные масштабы пространства и времени, для которых десятилетия и наша собственная жизнь — лишь краткий эпизод.

Общество меняется, и чаще всего — необратимо. Уроки прошлого не пойдут впредь, если плохо ориентируешься в настоящем и не осмыслил общее направление эволюции глобальной цивилизации и данной конкретной ее части. Но в любом случае невозможно безошибочно определить, что может произойти в ближайшие годы, не говоря уж о более дальних перспективах.

Будущее многовариантно. Мы и прошлое-то восстанавливаем не однозначно, а в нескольких вариантах в зависимости от принятой точки зрения и имеющихся фактов.

Кроме того, какие гарантии, что будущее угадано верно? Как можно это доказать не ретроспективно, а загодя?

Даже если какие-то доказательства и приводятся, это мало кого может убедить. Люди привыкли смотреть в будущее с верой и надеждой, основываясь на своих убеждениях. Они склонны обманываться, доверяя ловким лжепророкам.

Убедительных прогнозов на будущее не выработать никакими средствами. Хотя, конечно же, есть возможность просчитать и оценить те или иные варианты. Только при этом нужна не только компетентность, но и абсолютная честность — продукт во все века дефицитный.

Нам надо уяснить одну простую мысль, высказанную Николаем Бердяевым: «Перед Россией стоит роковая дилемма. Приходится делать выбор между величием, великой миссией, великими делами и совершенным ничтожеством, историческим отступничеством, небытием. Среднего, «скромного» пути для России нет».

Не хочется думать, что выбор уже сделан.

3

Историческую память можно не только извращать, но и ловко использовать в политических целях.

Какое событие наиболее доказало верность политического курса Сталина, исполнившего, отчасти посвоему, ленинские заветы? Победа в Великой Отечественной войне. Это бесспорное доказательство, достоверный исторический факт.

Но вот парадокс: в буржуазной, антисоветской РФ торжественно празднуют великую победу в Отечественной войне советского народа под руководством И. В. Сталина. И одновременно не прекращаются потоки лжи, изливаемые СМРАП на советскую эпоху и, ко-

нечно же, на Сталина, Ленина, большевиков и коммунистов.

Пожалуй, чудовищную нелепость происходящего не признают создатели информационного месива. Они соединяют сладкие приветствия ветеранам с мерзостями геббельсовской, даллесовской и прочей антисоветской клеветы. А миллионы потребителей этой грязной страпни воспринимают ее как нечто само собой разумеющееся.

Это не только утрата здравого смысла. Это нечто худшее: утрата исторической памяти и совести. Ведь речь идет о тех, кому мы обязаны своей жизнью, о создателях великой мировой державы СССР, о победителях фашизма, отстоявших нашу Родину от врагов.

Так воспитываются новые поколения «россиян», отучаемых от чувства собственного достоинства и любви к Отечеству, которое выставляют как тюрьму народов, империю зла, возглавляемую тираном?! Вдобавок этот вождь был еще и врагом своего народа. Как пишет нынешний антисоветский историк Б. С. Илизаров: «Сталин умер в тот момент, когда подготовил очередную удавку своему рабски покорному, пресмыкающемуся народу».

Тут ясно обозначена цель, в которую метят враги России, понося Сталина: советский (читай — русский) народ. То, что не удалось свершить гитлеровцам, теперь с успехом осуществляют их последователи, преисполненные ненависти не только к социалистическому строю и коммунистической партии, но и всему советскому русскому народу.

Например, отвечая на лукавый вопрос А. Караулова, Майя Плисецкая подтвердила: некоторые балерины Большого театра готовились встречать фашистов с цве-

тами и танцами (она даже забыла, что театр эвакуировали). Пояснила, что нет никакой разницы между сталинским СССР и гитлеровской Германией, ибо и той и другой страной руководили преступники. Подобным журналистам, историкам и балеринам, вроде лучше бы жилось и плясало при нацистах где-нибудь в Освенциме. Но если умственные и нравственные качества балерины допустимо считать невысокими, то как быть с такими «властителями дум», как тележурналист или профессор истории?

Неудивительно, что на Западе к нам и нашей величайшей победе отношение презрительное или снисходительное: мол, была победа ваша — стала наша; прежде мы вас опасались, с вами считались, а то и заискивали перед вами, а теперь вы у нас под пятой.

Некогда благодаря успешной, поистине мудрой внешней политике Ленина, а затем Сталина мы не только стали сверхдержавой, уважаемой во всем мире, но и создали дружественное окружение стран народной демократии. Теперь из некоторых бывших союзных республик раздаются проклятия в адрес «русских оккупантов». Но где это видано, чтобы оккупанты имели не больше (а то и поменьше) прав и возможностей, чем «порабощенные» народы? Не секрет, что нацисты считали прибалтов недочеловеками. Неужели им теперь хочется оправдать эту гнусную характеристику?

Ну а какое же отношение к нашей 60-летней давности победе в современной Германии? Коротко сказать — разное. Однако общую, отчасти официальную установку раскрывает полученное мной в мае 2004 года письмо из Кёльна. Автор, ссылаясь на мою (соавтор С. С. Миронов) книгу «Дипломатические поединки Сталина», пишет:

«Я ждал эту книгу 50 лет! Мой отец, которому в этом году исполнилось 90 лет, ветеран Великой Отечественной войны, просит передать низкий поклон авторам...

Приближается Великий юбилей — 60-летие нашей Победы. Магазины Европы завалены макулатурой о войне (альбомы, мемуары, энциклопедии, хорошо иллюстрированные фотографиями сгоревших танков и колоннами наших пленных), они доказывают, что войну выиграли западные «союзники», высадив 2-й фронт и разгромив в Африке 80-тысячный (!) корпус Роммеля. А куда исчезли тысячи «тигров», «пантер», «фердинандов», «мессершмиттов» и миллионы немецких солдат и офицеров в 1945-м? Кто победил во Второй мировой войне? Кто «заплатил» за Победу? Что такое «Блокада»? Немцы считают, что «блокада» была в 1948 году в Западном Берлине, но почему-то стесняются показывать свое Пискаревское кладбище. Где они, умершие от голода в Западном Берлине?

Мой отец участвовал в великих битвах: в 1941-м их 104-я стрелковая дивизия не пустила немецкий горнострелковый корпус «Норвегия» в Мурманск, а в 1944-м выгнала захватчиков-террористов с родной земли. Осенью 1944-го их дивизию перебросили на 3-й Украинский фронт, под Яссы. В январе 1945 г. под Будапештом 104-я и многие другие попали в окружение: это была вторая Курская битва: остановив наступление в Арденнах (Бельгия), немцы перебросили 6-ю танковую армию СС за 1000 км по всей Европе (где же были хваленые бомбардировщики союзников? Бомбили беззащитные Лейпциг и Дрезден!) и ударили по 3-му Украинскому фронту. Окружение было недолгим — на помощь пришел 2-й Украинский, и они вместе освободили Будапешт и Вену. В Вене — памятник нашим с боевым приказом Сталина!..

Моя семья в 1996 г. была вынуждена эмигрировать из-за голода, переживаний за детей, ухудшения жизни. Я работал начальником производства завода железобетонных изделий, моя жена — старший инженер ПКТБ, дети учились в школе. Наша беда — мы не умели воровать и спекулировать! Поэтому был только один выход — продали квартиру наших родителей (ничего больше у нас продать не было), купили билеты на самолет и улетели: это тоже история России!

Я никогда и ничего не боялся: играл в регби на первенство Москвы, служил в СА в РЭЗМ-3 Прикарпатского ВО (сам напросился в боевую часть — как отец). Мой отец строил Останкинскую телебашню и лауреат: это тоже история России!

С уважением Александр Тринкер.

Кёльн, Германия».

Так пишет русский советский патриот, немец по национальности. Он приводит не мнения, а факты.

Под лозунгом «ускорение, перестройка, гласность» свершилась у нас буржуазная революция. Перезревшая номенклатура и массы жаждущих капиталистического рая подорвали моральный дух народа и экономику страны, получили доступ к национальным богатствам, расчленили СССР. Появились миллионы безработных и нищих, беженцев, десятки миллионов бедняков.

С тех пор повторяется: лишь бы не было гражданской войны, довольно с нас потрясений! А гражданская война не прекращается все эти годы. Она происходит в скрытой форме, подобно коварной смертельной болезни, а потому для многих прозрение, осознание опасности может прийти слишком поздно.

Симптомы этого недуга нетрудно распознать. Катастрофически растет смертность и вымирает население.

ние. Средняя продолжительность жизни мужчин не дотягивает до пенсионного возраста. Не утихают кровавые конфликты на Северном Кавказе. В московском метро предупреждают о возможности взрывов. Нечестивые богачи (включая крупных чиновников) окружены вооруженной охраной, а их дома напоминают крепости.

Убийства и самоубийства, эпидемия СПИДа и проституция, наркомания и алкоголизм... Счет погубленным жизням идет на миллионы. Реформаторы поясняют: выбраковываются «лишние» люди, не вписавшиеся в рыночную экономику. Но лишние здесь именно они, кто «вписался», кто выгадал на упадке Отечества, а беды народа и русской культуры использовал на благо себе. Все может завершиться через несколько лет распадом обширной и дряблой РФ, имеющей на востоке мощные центры притяжения: Китай, Японию, Аляску (США), а на западе — Германию, Англию, Францию, Италию...

Корысть, стремление к наживе — основа нынешней идеологии — разъединяют людей и разлагают общество. Утрачиваются понятия Родина, патриотизм, справедливость, равенство, братство. Разгул коррупции, расхищение национального достояния, падение нравов. Продажность и преступность как принципы жизни. Такая гнилая социальная структура обречена на полное вырождение.

В нынешней гражданской войне, и это надо ясно сознавать, народ оказался побежденным, униженным, подавленным, загнанным в экономическое и духовное рабство. Теперь его убеждают, будто так было при советской власти. Тем самым хозяева и их лакеи оправдывают свое владычество и предательство интересов России.

Что самое важное в «политическом завещании» Ленина? На мой взгляд, то, как оно было воплощено в жизнь.

Насколько полно удалось осуществить ленинские заветы? Что было изменено и насколько? Какие могли быть альтернативы сталинскому генеральному курсу?

Отвечая на эти вопросы, пришлось достаточно много уделять внимания ближайшим соратникам Ленина — Сталину и Троцкому. Первый показан как положительный герой, второй — как отрицательный. С такой оценкой согласятся не все. Многих может возмутить хорошее отношение к Сталину.

Переубеждать убежденных врагов Советского Союза, русского народа и коммунистической идеи я не собираюсь. Объясню свою позицию тем, кого это интересует.

С именем Сталина неразрывно связана история СССР, его великие победы в труде и сражениях. И не в данном выдающемся государственном и общественном деятеле корень проблемы. Его имя — символ, лишь косвенно связанный с конкретной личностью. У этого человека были свои достоинства и недостатки. Но не только пропаганда, а, прежде всего, народная молва, вера и чаяния сотен миллионов людей во всем мире вознесли его на вершину славы. Ему суждено было стать ключевой фигурой XX века.

Он 30 лет руководил государством нового типа, которое в одиночку противостояло ведущим капиталистическим державам. Оно выигрывало мирное соревнование с ними практически по всем показателям развития: экономического, социального, нравственного,

культурного, научно-технического. Это стало залогом победы в Великой Отечественной войне.

В те времена многомиллионные массы людей нельзя было оболванить, как это делается теперь с помощью электронных СМРАП. Для народов мира он был не сверхчеловеком или полубогом; он и сам был предельно прост, общаясь с самыми разными людьми или выступая перед аудиторией. Его имя прославляли как символ СССР, советского (русского) народа.

После смерти Иосифа Виссарионовича возобладало в массовой пропаганде другое мнение. Та же номенклатура КПСС, непомерно восхвалявшая своего вождя и учителя, после речи Н. С. Хрущева осудила культ личности Сталина, обвинив его в репрессиях 30-х годов и чрезмерно преувеличивая их масштабы. Будто бы десятки миллионов политзаключенных томились и умирали в сталинских лагерях, а еще десятки миллионов погибли — опять же по его вине — в Великой Отечественной войне. Столь несусветную ложь не позволял себе даже Геббельс.

Одно уже это неоспоримо свидетельствует о том, что враги СССР и Сталина испытывают острый дефицит в негативных фактах о том времени и об этом государственном деятеле. Антисоветская пропаганда замусорила мозги миллионам россиян. Загрязнение духовной среды в наше время стало самым страшным бедствием, разрушившим связь поколений и породившим массовое отторжение тысячелетних нравственных идеалов.

Эпоха сталинского правления была для нашего народа героической. В такие времена свершаются великие деяния, а они сопряжены с немалыми жертвами. Так было во все века в разных странах. И дело, конечно, не

столько в правителе, сколько в народе, вернее сказать, в его единстве и самоотверженности.

Героизм не бывает подневольным, трудовой подъем — по приказу начальства. Массовый террор никогда и нигде не укреплял государство. Тем, кто убежден в обратном, хорошо известны, по-видимому, страх и лицемерие, но неведома суть подвига, энтузиазма и любви к родине.

Существует два принципиально разных вида террора. В одном случае он направлен на привилегированные, криминальные и антинародные группировки, в другом — на народ.

За последние два-три столетия в капиталистических странах особенно успешно используется экономический тоталитаризм. Он действует значительно эффективней, чем политический (который существовал в СССР и практически не затрагивал интересов народных масс).

Как мы уже говорили, элементы духовного гнета в той или иной степени присутствуют в любом обществе. Были они и в Советском Союзе. Вопрос лишь в том, во имя чего осуществляется диктат. Или — ради сохранения власти и материального процветания меньшинства, порой ничтожного (и количественно, и качественно). Или — ради процветания страны и улучшения жизни народа.

В нынешних СМРАП появляются передачи, представляющие, в частности, предателя Власова борцом с проклятым сталинизмом. Вспомним приведенную выше цитату из книги Илизарова: получается, что на фронте с германским авангардом западной цивилизации сражался «рабски покорный» тирану русский народ... Вот что следовало бы иметь в виду всем тем, кто

ныне славословит Победу, попутно обгаживая СССР, социалистическую систему, коммунистическую идею и Сталина.

Безусловно, далеко не все наши воины шли умирать за официальную идеологию, не все любили Сталина. Но все они сражались и умирали за Родину. А она у них была одна — Советская Россия. Другой у них не было! Это нынешние предатели глаголют о какой-то иной России, «которую мы потеряли». Пора бы понять: у тех, кто ценой собственной крови добывал Победу, даже родившихся в царское время и служивших в царской армии, родиной был Советский Союз.

А генерал Власов оказался шкурником и подлецом. Он сдался в плен после разгрома своей армии — вовсе не из идейных соображений. В записях Геббельса 7 марта 1945 года приведен его разговор с Власовым. Этот бывший советский генерал утверждал, будто русский народ мечтает сбросить сталинское иго — надо лишь нанести Красной Армии сокрушительный удар.

Геббельс отметил: «Когда Власов заявляет, что Сталин — самый ненавистный человек в России, то это, конечно, говорится ради собственного оправдания».

Существует синдром предателя. Тот, кому по каким-то соображениям или обстоятельствам приходится нарушать присягу, отказываться от партии, в которую вступал добровольно, резко менять идеологическую установку, вынужден оправдываться прежде всего перед самим собой (если он не законченный подлец). Поэтому он начинает выпячивать, преувеличивать многократно недостатки преданного им государства и его руководителей. Никому не нравится клеймо предателя, а потому надо выставить себя идейным противником, борцом за демократию, права человека и пр.

На мой взгляд, наиболее яростно нападали на «сталинский режим» именно те, кто был замешан в репрессиях как активнейший доносчик или исполнитель (типа генсека Хрущева), как стукач-клеветник (Солженицын и т. п.) или как пропагандист (типа генерала от политики Волкогонова). Горбачев, принимая в США очередную денежную премию, недаром пожаловался хозяевам, что в России называют его Иудушкой.

...За последние два десятилетия в сознание наших граждан упорно внедряется мысль, будто подлинную высокую русскую культуру, отечественные традиции хранили в годы «плебейской» советской власти многочисленные эмигранты: дворяне, графы и князья, офицеры, писатели, философы.

Безусловно, можно сочувствовать русским патриотам, которые волею рока были оторваны от родины, вынуждены были жить на чужбине. Но надо ясно понимать: национальная русская культура всегда произрастала на родимой почве, а не ютилась, подобно паразитическому растению или экзоту, в каких-то иных местах. Упоминаю об этом для тех, кого одурманила антисоветская (а по сути своей — антирусская) пропаганда.

5

Признаю свое предвзятое отношение к личностям Ленина, Троцкого, Сталина, Зиновьева, Тухачевского.

Объясняется это прежде всего тем, что приходится преодолевать ложные стереотипы, внедренные за последние десятилетия в сознание миллионов людей. Невольно допускаешь полемические преувеличения. Другая причина: стараюсь выяснить правду. Никакой дру-

гой цели у меня нет. В наше время моя позиция не приносит ни выгод, ни славы. Напротив, грозит неприятностями. Третья причина: я люблю свою Родину, свою культуру, свой народ — тех «старых русских», к которым принадлежу сам.

В отличие от многих нынешних антисоветчиков я не был членом КПСС, не имел никаких привилегий, работал много лет геологом. Бывали у меня неприятные столкновения с цензурой (как автора «Нового мира» и концепции техносферы). Отец мой воевал в Гражданскую и Отечественную войны, отчим — в Финскую и Отечественную.

Отношение к советской власти, недостатки которой я видел всегда, у меня изменилось в период горбачевской «перестройки». Я понимал: взят курс на уничтожение народовластия даже в тех ограниченных пределах, которые были в СССР, на развал великой России. К сожалению, мои прогнозы сбылись.

...Писать эту книгу было нелегко прежде всего из-за обилия разнообразных материалов и противоречивых мнений. Помимо всего прочего, трудно судить о взаимоотношениях главных героев между собой и со многими государственными, общественными, военными деятелями, об их замыслах, дружеских или враждебных отношениях, тайных сговорах. Возможно, следовало бы основательно поработать в архивах, пытаться обнаружить какие-нибудь сенсационные материалы.

Впрочем, как я убежден, известных фактов достаточно много, а среди них имеются наиболее существенные. Поэтому задача не выискивать мелочи и не закатываться в них, а пытаться осмыслить то, что более или менее хорошо известно. Делать это я старался исходя не из частных, а из самых общих представлений об эволюции цивилизации, истории России-СССР.

З а в е щ а н и е   Л е н и н а

Мои научные и философские интересы мало связаны со сталинской эпохой. Не стал бы я тратить время и силы на изучение соответствующих материалов и написание книг, посвященных этой теме, и, в частности, на данную нелегкую для меня работу, если бы не одно обстоятельство.

Россия находится на грани полной деградации, развала, русский народ деморализован и духовно подавлен, русская культура (включая науку) переходит в разряд «бывших», прекративших свое развитие. Гибель еще недавно великой цивилизации — катастрофа. Для меня это личная трагедия, ибо речь идет о моей Родине.

Приложения

В. И. Ленин

ПИСЬМО К СЪЕЗДУ

I

Я советовал бы очень предпринять на этом съезде ряд перемен в нашем политическом строе.

Мне хочется поделиться с вами теми соображениями, которые я считаю наиболее важными.

В первую голову я ставлю увеличение числа членов ЦК до нескольких десятков или даже до сотни. Мне думается, что нашему Центральному Комитету грозили бы большие опасности на случай, если бы течение событий не было бы вполне благоприятно для нас (а на это мы рассчитывать не можем), — если бы мы не предприняли такой реформы.

Затем, я думаю предложить вниманию съезда придать законодательный характер на известных условиях решениям Госплана, идя в этом отношении навстречу тов. Троцкому, до известной степени и на известных условиях.

Что касается до первого пункта, т. е. увеличения числа членов ЦК, то я думаю, что такая вещь нужна и для поднятия авторитета ЦК, и для серьезной работы по улучшению нашего аппарата, и для предотвращения того, чтобы конфликты небольших частей ЦК могли получить слишком непомерное значение для всех судеб партии.

З а в е щ а н и е   Л е н и н а

Мне думается, что 50—100 членов ЦК наша партия вправе требовать от рабочего класса и может получить от него без чрезмерного напряжения его сил.

Такая реформа значительно увеличила бы прочность нашей партии и облегчила бы для нее борьбу среди враждебных государств, которая, по моему мнению, может и должна сильно обостриться в ближайшие годы. Мне думается, что устойчивость нашей партии благодаря такой мере выиграла бы в тысячу раз.

Ленин.

23.XII.22 г.

Записано М. В.

II

Продолжение записок.

24 декабря 22 г.

Под устойчивостью Центрального Комитета, о которой я говорил выше, я разумею меры против раскола, поскольку такие меры вообще могут быть приняты. Ибо, конечно, белогвардеец в «Русской Мысли» (кажется, это был С. С. Ольденбург) был прав, когда, во-первых, ставил ставку по отношению к их игре против Советской России на раскол нашей партии и когда, во-вторых, ставил ставку для этого раскола на серьезнейшие разногласия в партии.

Наша партия опирается на два класса, и поэтому возможна ее неустойчивость и неизбежно ее падение, если бы между этими двумя классами не могло состояться соглашения. На этот случай принимать те или иные меры, вообще рассуждать об устойчивости нашего ЦК бесполезно. Никакие меры в этом случае не окажутся способными предупредить раскол. Но я надеюсь, что это слишком отдаленное будущее и слишком невероятное событие, чтобы о нем говорить.

Я имею в виду устойчивость, как гарантию от раскола на ближайшее время, и намерен разобрать здесь ряд соображений чисто личного свойства.

Я думаю, что основным в вопросе устойчивости с этой точки зрения являются такие члены ЦК, как Сталин и Троцкий. Отношения между ними, по-моему, составляют большую половину опасности того раскола, который мог бы быть избегнут и избежанию которого, по моему мнению, должно служить, между прочим, увеличение числа членов ЦК до 50, до 100 человек.

Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью. С другой стороны, тов. Троцкий, как доказала уже его борьба против ЦК в связи с вопросом о НКПС, отличается не только выдающимися способностями. Лично он, пожалуй, самый способный человек в настоящем ЦК, но и чрезмерно хвастающий самоуверенностью и чрезмерным увеличением чисто административной стороной дела.

Эти два качества двух выдающихся вождей современного ЦК способны ненароком привести к расколу, и если наша партия не примет мер к тому, чтобы этому помешать, то раскол может наступить неожиданно.

Я не буду дальше характеризовать других членов ЦК по их личным качествам. Напомню лишь, что октябрьский эпизод Зиновьева и Каменева, конечно, не являлся случайностью, но что он также мало может быть ставим им в вину лично, как небольшевизм Троцкому.

Из молодых членов ЦК хочу сказать несколько слов о Бухарине и Пятакове. Это, по-моему, самые выдающиеся силы (из самых молодых сил), и относительно их надо бы иметь в виду следующее: Бухарин не только

З а в е щ а н и е   Л е н и н а

ценнейший и крупнейший теоретик партии, но также законно считается любимцем всей партии, но его теоретические воззрения очень с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским, ибо в нем есть нечто схоластическое (он никогда не учился и, думаю, никогда не понимал вполне диалектики).

25. XII. Затем Пятаков — человек несомненно выдающейся воли и выдающихся способностей, но слишком увлекающийся администраторством и администраторской стороной дела, чтобы на него можно было положиться в серьезном политическом вопросе.

Конечно, и то и другое замечание делается мной лишь для настоящего времени в предположении, что эти оба выдающиеся и преданные работники не найдут случая пополнить свои знания и изменить свои одно-сторонности.

Ленин.

25. XII. 22 г.

Записано М. В.

ДОБАВЛЕНИЕ К ПИСЬМУ от 24 декабря 1922 г.

Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общении между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях отличается от тов. Сталина только одним перевесом, именно более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т. д. Это обстоятельство может показаться ничтожной мелочью. Но я думаю, что с точки зрения

предохранения от раскола и с точки зрения написанного мною выше о взаимоотношении Сталина и Троцкого это не мелочь, или это такая мелочь, которая может получить решающее значение.

Ленин

Записано Л.Ф.

4 января 1923 г.

III

Продолжение записок.

26 декабря 1922 г.

Увеличение числа членов ЦК до количества 50 или даже 100 человек должно служить, по-моему, двоякой или даже тройкой цели: чем больше будет членов ЦК, тем больше будет обучение цекистской работе и тем меньше будет опасности раскола от какой-нибудь неосторожности. Привлечение многих рабочих в ЦК будет помогать рабочим улучшить наш аппарат, который из рук вон плох. Он у нас, в сущности, унаследован от старого режима, ибо переделать его в такой короткий срок, особенно при войне, при голоде и т. п., было совершенно невозможно. Поэтому тем «критикам», которые с усмешечкой или со злобой преподносят нам указания на дефекты нашего аппарата, можно спокойно ответить, что эти люди совершенно не понимают условий современной революции. За пятилетие достаточно переделать аппарат вообще невозможно, в особенности при тех условиях, при которых происходила революция у нас. Достаточно, если мы за пять лет создали новый тип государства, в котором рабочие идут впереди крестьян против буржуазии, и это при условии враждебной международной обстановки представляет из себя дело гигантское. Но сознание этого никоим образом не должно

З а в е щ а н и е   Л е н и н а

закрывать от нас того, что мы аппарат, в сущности, взяли старый от царя и от буржуазии и что теперь с наступлением мира и обеспечением минимальной потребности от голода вся работа должна быть направлена на улучшение аппарата.

Я представляю себе дело таким образом, что несколько десятков рабочих, входя в состав ЦК, могут лучше, чем кто бы то ни было другой, заняться проверкой, улучшением и пересозданием нашего аппарата. РКИ, которой принадлежала эта функция вначале, оказалась не в состоянии справиться с нею и может быть употреблена лишь как «придаток» или как помощница, при известных условиях, к этим членам ЦК. Рабочие, входящие в ЦК, должны быть, по моему мнению, преимущественно не из тех рабочих, которые прошли длинную советскую службу (к рабочим в этой части своего письма я отношу всюду и крестьян), потому что в этих рабочих уже создались известные традиции и известные предубеждения, с которыми именно желательно бороться.

В число рабочих членов ЦК должны войти преимущественно рабочие, стоящие ниже того слоя, который выдвинулся у нас за пять лет в число советских служащих, и принадлежащие ближе к числу рядовых рабочих и крестьян, которые, однако, не попадают в разряд прямо или косвенно эксплуататоров. Я думаю, что такие рабочие, присутствуя на всех заседаниях ЦК, на всех заседаниях Политбюро, читая все документы ЦК, могут составить кадр преданных сторонников советского строя, способных, во-первых, придать устойчивость самому ЦК, во-вторых, способных действительно работать над обновлением и улучшением аппарата.

Ленин.

Записано Л. Ф.

26.XII.22 г.

IV

Продолжение записок.

27 декабря 1922 г.

**О ПРИДАНИИ
ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ФУНКЦИЙ ГОСПЛАНУ**

Эта мысль выдвигалась тов. Троцким, кажется, уже давно. Я выступил противником ее, потому что находил, что в таком случае будет основная неувязка в системе наших законодательных учреждений. Но по внимательном рассмотрении дела я нахожу, что, в сущности, тут есть здоровая мысль, именно: Госплан стоит несколько в стороне от наших законодательных учреждений, несмотря на то, что он, как совокупность сведущих людей, экспертов, представителей науки и техники, обладает, в сущности, наибольшими данными для правильного суждения о делах.

Однако мы исходили до сих пор из той точки зрения, что Госплан должен доставлять государству материал критически разобранный, а государственные учреждения должны решать государственные дела. Я думаю, что при теперешнем положении, когда государственные дела необыкновенно усложнились, когда приходится сплошь и рядом решать вперемежку вопросы, в которых требуется экспертиза членов Госплана, с вопросами, в которых таковая не требуется, и даже более того, решать дела, в которых некоторые пункты требуют экспертизы Госплана, вперемежку с такими пунктами, которые таковой не требуют, я думаю, что в настоящее время следует сделать шаг в сторону увеличения компетенции Госплана.

Я мыслю себе этот шаг таким образом, чтобы решения Госплана не могли быть опрокинуты обычным со-

Завещание Ленина

ветским порядком, а требовали бы для своего перерешения особого порядка, например, внесения вопроса в сессию ВЦИКа, подготовки вопроса для перерешения по особой инструкции, с составлением, на основании особых правил, докладных записок для взвешивания того, подлежит ли это решение Госплана отмене, наконец, назначения особых сроков для перерешения вопроса Госплана и т. п.

В этом отношении, я думаю, можно и должно пойти навстречу тов. Троцкому, но не в отношении председательства в Госплане, либо особого лица из наших политических вождей, либо председателя Высшего совета народного хозяйства и т. п. Мне кажется, что здесь с вопросом принципиальным слишком тесно переплетается в настоящее время вопрос личный. Я думаю, что те нападки, которые слышатся сейчас на председателя Госплана, тов. Кржижановского, и на его заместителя, тов. Пятакова, и которые направляются обоюдно так, что, с одной стороны, мы слышим обвинения в чрезмерной мягкости, несамостоятельности, в бесхарактерности, а с другой стороны, слышим обвинения в чрезмерной аляповатости, фельдфебельстве, недостаточно солидной научной подготовке и т. п., — я думаю, что эти нападки выражают две стороны вопроса, преувеличивая их до крайности, и что на самом деле нам нужно в Госплане умелое соединение двух типов характера, из которых образцом одного может быть Пятаков, а другого — Кржижановский.

Я думаю, что во главе Госплана должен стоять человек, с одной стороны, научно образованный, именно по технической либо агрономической линии, с большим, многими десятилетиями измеряемым, опытом практической работы в области либо техники, либо агро-

номии. Я думаю, что такой человек должен обладать не столько администраторскими качествами, сколько широким опытом и способностью привлекать к себе людей.

Ленин.

27.XII.22 г.

Записано М. В.

V

Продолжение письма
о законодательном характере
решений Госплана.

28.XII.22 г.

Я замечал у некоторых наших товарищей, способных влиять на направление государственных дел решающим образом, преувеличение администраторской стороны, которая, конечно, необходима в своем месте и в свое время, но которую не надо смешивать со стороной научной, с охватыванием широкой действительности, способной привлекать людей и т. д.

Во всяком государственном учреждении, особенно в Госплане, необходимо соединение этих двух качеств, и когда тов. Кржижановский сказал мне, что он привлек к Госплану Пятакова и договорился с ним о работе, я, давая свое согласие на это, с одной стороны, держал про себя известные сомнения, с другой, иногда надеялся, что мы здесь получим сочетание обоих типов государственных деятелей. Исполнилась ли эта надежда, это надо теперь выждать и посмотреть на опыте несколько дольше, но в принципе, я думаю, не может подлежать сомнению, что такое соединение характеров и типов (людей, качеств) безусловно необходимо для правиль-

Завещание Ленина

ного функционирования государственных учреждений. Я думаю, что здесь одинаково вредно преувеличение «администраторства», как и всякое преувеличение вообще. Руководитель государственного учреждения должен обладать в высшей степени способностью привлекать к себе людей и в достаточной степени солидными научными и техническими знаниями для проверки их работы. Это — как основное. Без него работа не может быть правильной. С другой стороны, очень важно, чтобы он умел администрировать и имел достойного помощника или помощников в этом деле. Соединение этих двух качеств в одном лице вряд ли будет встречаться и вряд ли будет необходимо.

Ленин.

Записано Л. Ф.

28.XII.22 г.

VI

Продолжение записок о Госплане.

29 декабря 1922 г.

Госплан, по-видимому, развивается у нас всесторонне в комиссию экспертов. Во главе такого учреждения не может не стоять лицо с большим опытом и всесторонним научным образованием по части техники. Администрирующая сила тут по сути дела должна быть подсобной. Известная независимость и самостоятельность Госплана обязательна с точки зрения авторитета этого научного учреждения и обусловлена одним, именно добросовестностью его работников и добросовестным стремлением их провести в жизнь наш план экономического и социального строительства.

Это последнее качество, конечно, сейчас может встречаться лишь как исключение, ибо подавляющее

большинство ученых, из которых, естественно, составляется Госплан, по неизбежности заражено буржуазными взглядами и буржуазными предрассудками. Проверка их с этой стороны должна составлять задачу нескольких лиц, которые могут образовывать президиум Госплана, которые должны состоять из коммунистов и следить изо дня в день во всем ходе работы за степенью преданности буржуазных ученых и за их отказом от буржуазных предрассудков, а также за их постепенным переходом на точку зрения социализма. Эта обоюдная работа такой научной проверки вместе с работой по чистому администрированию должна бы составить идеал руководителей Госплана в нашей Республике.

Ленин.

Записано М. В.

29 декабря 22 г.

Рационально ли разделять на отдельные поручения ту работу, которую ведет Госплан, и, напротив, не следует ли стремиться к тому, чтобы выработать круг постоянных специалистов, которые проверялись бы систематически президиумом Госплана и могли разрешать всю совокупность вопросов, входящих в его решение? Я думаю, что рациональнее последнее и что следует стремиться к уменьшению числа временных и срочных отдельных заданий.

Ленин.

29 декабря 22 г.

Записано М. В.

Впервые напечатано в 1956 г. Печатается по записи секретаря в журнале «Коммунист» № 9 (машинописный экземпляр).

VII

Продолжение записок.

29 декабря 1922 г.

**(К ОТДЕЛУ ОБ УВЕЛИЧЕНИИ
ЧИСЛА ЧЛЕНОВ ЦК)**

При увеличении числа членов ЦК должно, по моему мнению, заняться также и, пожалуй, главным образом проверкой и улучшением нашего аппарата, который никуда не годится. Для этой цели мы должны пользоваться услугами высококвалифицированных специалистов, и задача поставки этих специалистов должна быть задачей РКИ.

Как сочетать этих специалистов по проверке, имеющих достаточные знания, и этих новых членов ЦК — эта задача должна быть решена практически.

Мне кажется, что РКИ (в результате своего развития и в результате наших недоумений по поводу его развития) дал в итоге то, что мы сейчас наблюдаем, а именно — переходное состояние от особого наркомата к особой функции членов ЦК; от учреждения, ревизирующего все и вся, к совокупности численно небольших, но первоклассных ревизоров, которые должны быть хорошо оплачены (это особо необходимо в наш век платности и при тех условиях, когда ревизоры прямо состоят на службе тех учреждений, которые их лучше оплачивают).

Если число членов ЦК будет надлежащим образом увеличено и они будут год от году проходить курс государственного управления при помощи таких высокок-

валифицированных специалистов и высокоавторитетных во всех отраслях членов Рабоче-крестьянской инспекции, — тогда, я думаю, мы решим удачно эту задачу, которая столько времени нам не удавалась.

Значит, в итоге — до 100 членов ЦК и не больше чем 400—500 их помощников, ревизующих по их указанию, — членов РКИ.

Ленин.

29 декабря 22 г.

Записано М. В.

Впервые напечатано в 1956 г. Печатается по записи секретаря в журнале «Коммунист» № 9 (машинописный экземпляр).

VIII

Продолжение записок.

30 декабря 1922 г.

К ВОПРОСУ О НАЦИОНАЛЬНОСТЯХ ИЛИ ОБ «АВТОНОМИЗАЦИИ»

Я, кажется, сильно виноват перед рабочими России за то, что не вмешался достаточно энергично и достаточно резко в пресловутый вопрос об автономизации, официально называемый, кажется, вопросом о союзе советских социалистических республик.

Летом, когда этот вопрос возникал, я был болен, а затем, осенью, я возложил чрезмерные надежды на свое выздоровление и на то, что октябрьский и декабрьский пленумы дадут мне возможность вмешаться в этот вопрос. Но, между тем, ни на октябрьском пленуме

Завещание Ленина

(по этому вопросу), ни на декабрьском мне не удалось быть, и таким образом вопрос миновал меня почти совершенно.

Я успел только побеседовать с тов. Дзержинским, который приехал с Кавказа и рассказал мне о том, как стоит этот вопрос в Грузии. Я успел также обменяться парой слов с тов. Зиновьевым и выразить ему свои опасения по поводу этого вопроса. Из того, что сообщил тов. Дзержинский, стоявший во главе комиссии, посланной Центральным Комитетом для «расследования» грузинского инцидента, я мог вынести только самые большие опасения. Если дело дошло до того, что Орджоникидзе мог зарваться до применения физического насилия, о чем мне сообщил тов. Дзержинский, то можно себе представить, в какое болото мы слетели. Видимо, вся эта затея «автономизации» в корне была неверна и несвоевременна.

Говорят, что требовалось единство аппарата. Но откуда исходили эти уверения? Не от того ли самого русского аппарата, который, как я указал уже в одном из предыдущих номеров своего дневника, заимствован нами от царизма и только чуть-чуть подмазан советским миром.

Несомненно, что следовало бы подождать с этой мерой до тех пор, пока мы могли бы сказать, что ручаемся за свой аппарат, как за свой. А сейчас мы должны по совести сказать обратное, что мы называем своим аппарат, который на самом деле насквозь еще чужд нам и представляет из себя буржуазную и царскую мешанину, переделать которую в пять лет при отсутствии помощи от других стран и при преобладании «занятий» военных и борьбы с голодом не было никакой возможности.

При таких условиях очень естественно, что «свобода выхода из союза», которой мы оправдываем себя, окажется пустою бумажкой, неспособной защитить российских инородцев от нашествия того истинно русского человека, великоросса-шовиниста, в сущности, подлеца и насильника, каким является типичный русский бюрократ. Нет сомнения, что ничтожный процент советских и советизированных рабочих будет тонуть в этом море шовинистической великорусской швали, как муха в молоке.

Говорят в защиту этой меры, что выделили наркоматы, касающиеся непосредственно национальной психологии, национального просвещения. Но тут является вопрос, можно ли выделить эти наркоматы полностью, и второй вопрос, приняли ли мы с достаточной заботливостью меры, чтобы действительно защитить инородцев от истинно русского держиморды? Я думаю, что мы этих мер не приняли, хотя могли и должны были принять.

Я думаю, что тут сыграли роковую роль торопливость и администраторское увлечение Сталина, а также его озлобление против пресловутого «социал-национализма». Озлобление вообще играет в политике обычно самую худую роль.

Я боюсь также, что тов. Дзержинский, который ездил на Кавказ расследовать дело о «преступлениях» этих «социал-националов», отличился тут тоже только своим истинно русским настроением (известно, что обрусевшие инородцы всегда пересаливают по части истинно русского настроения) и что беспристрастие всей его комиссии достаточно характеризуется «рукоприкладством» Орджоникидзе. Я думаю, что никакой провокацией, никаким даже оскорблением нельзя оправдать этого русского рукоприкладства и что тов. Дзер-

З а в е щ а н и е   Л е н и н а

жинский непоправимо виноват в том, что отнесся к этому рукоприкладству легкомысленно.

Орджоникидзе был властью по отношению ко всем остальным гражданам на Кавказе. Орджоникидзе не имел права на ту раздражаемость, на которую он и Дзержинский ссылались. Орджоникидзе, напротив, обязан был вести себя с той выдержкой, с какой не обязан вести себя ни один обыкновенный гражданин, а тем более обвиняемый в «политическом» преступлении. А ведь, в сущности говоря, социал-националы это были граждане, обвиняемые в политическом преступлении, и вся обстановка этого обвинения только так и могла его квалифицировать.

Тут встает уже важный принципиальный вопрос: как понимать интернационализм?

Ленин.

30.XII.22 г.

Записано М. В.

IX

Продолжение записок.

31 декабря 1922 г.

К ВОПРОСУ О НАЦИОНАЛЬНОСТЯХ ИЛИ ОБ «АВТОНОМИЗАЦИИ»

(продолжение)

Я уже писал в своих произведениях по национальному вопросу, что никуда не годится абстрактная постановка вопроса о национализме вообще. Необходимо отличать национализм нации угнетающей и национа-

лизм нации угнетенной, национализм большой нации и национализм нации маленькой.

По отношению ко второму национализму почти всегда в исторической практике мы, националы большой нации, оказываемся виноватыми в бесконечном количестве насилия, и даже больше того — незаметно для себя совершаем бесконечное количество насилий и оскорблений, — стоит только припомнить мои волжские воспоминания о том, как у нас третируют инородцев, как поляка не называют иначе, как «полячишкой», как татарина не высмеивают иначе, как «князь», украинца иначе, как «хохол», грузина и других кавказских инородцев, — как «кавказский человек».

Поэтому интернационализм со стороны угнетающей или так называемой «великой» нации (хотя великой только своими насилиями, великой только так, как велик держиморда) должен состоять не только в соблюдении формального равенства наций, но и в таком неравенстве, которое возмещало бы со стороны нации угнетающей, нации большой, то неравенство, которое складывается в жизни фактически. Кто не понял этого, тот не понял действительно пролетарского отношения к национальному вопросу, тот остался, в сущности, на точке зрения мелкобуржуазной и поэтому не может не скатываться ежеминутно к буржуазной точке зрения.

Что важно для пролетария? Для пролетария не только важно, но и существенно необходимо обеспечить его максимумом доверия в пролетарской классовой борьбе со стороны инородцев. Что нужно для этого? Для этого нужно не только формальное равенство. Для этого нужно возместить так или иначе своим обращением или своими уступками по отношению к инородцу то недоверие, ту подозрительность, те обиды, которые в историческом прошлом нанесены ему правительством «великодержавной» нации.

З а в е щ а н и е   Л е н и н а

Я думаю, что для большевиков, для коммунистов разъяснять это дальше и подробно не приходится. И я думаю, что в данном случае, по отношению к грузинской нации, мы имеем типичный пример того, где сугубая осторожность, предупредительность и уступчивость требуются с нашей стороны поистине пролетарским отношением к делу. Тот грузин, который пренебрежительно относится к этой стороне дела, пренебрежительно швыряется обвинениями в «социал-национализме» (тогда как он сам является настоящим и истинным не только «социал-националом», но и грубым великорусским держимордой), тот грузин, в сущности, нарушает интересы пролетарской классовой солидарности, потому что ничто так не задерживает развития и упроченности пролетарской классовой солидарности, как национальная несправедливость, и ни к чему так не чутки «обиженные» националы, как к чувству равенства и к нарушению этого равенства, хотя бы даже по небрежности, хотя бы даже в виде шутки, к нарушению этого равенства своими товарищами пролетариями. Вот почему в данном случае лучше пересолить в сторону уступчивости и мягкости к национальным меньшинствам, чем недосолить. Вот почему в данном случае коренной интерес пролетарской солидарности, а следовательно и пролетарской классовой борьбы, требует, чтобы мы никогда не относились формально к национальному вопросу, а всегда учитывали обязательную разницу в отношении пролетария нации угнетенной (или малой) к нации угнетающей (или большой).

Ленин.

Записано М. В.

31.XII.22 г.

X

Продолжение записок.

31 декабря 1922 г.

Какие же практические меры следует предпринять при создавшемся положении?

Во-первых, следует оставить и укрепить союз социалистических республик; об этой мере не может быть сомнения. Она нам нужна, как нужна всемирному коммунистическому пролетариату для борьбы с всемирной буржуазией и для защиты от ее интриг.

Во-вторых, нужно оставить союз социалистических республик в отношении дипломатического аппарата. Кстати сказать, этот аппарат исключительный в составе нашего государственного аппарата. В него мы не допускали ни одного человека сколько-нибудь влиятельного из старого царского аппарата. В нем весь аппарат сколько-нибудь авторитетный составил из коммунистов. Поэтому этот аппарат уже завоевал себе (можно сказать это смело) название проверенного коммунистического аппарата, очищенного несравненно, неизмеримо в большей степени от царского, буржуазного и мелкобуржуазного аппарата, чем тот, которым мы вынуждены пробавляться в остальных наркоматах.

В-третьих, нужно примерно наказать тов. Орджоникидзе (говорю это с большим сожалением, потому что лично принадлежу к числу его друзей и работал с ним за границей и в эмиграции), а также доследовать или расследовать вновь все материалы комиссии Дзержинского на предмет исправления той громадной массы неправильностей и пристрастных суждений, которые там несомненно имеются. Политически ответственными за всю эту поистине великорусско-националисти-

ческую кампанию следует сделать, конечно, Сталина и Дзержинского.

В-четвертых, надо ввести строжайшие правила относительно употребления национального языка в инонациональных республиках, входящих в наш союз, и проверить эти правила особенно тщательно. Нет сомнения, что под предлогом единства железнодорожной службы, под предлогом единства фискального и т. п. у нас, при современном нашем аппарате, будет проникать масса злоупотреблений истинно русского свойства. Для борьбы с этими злоупотреблениями необходима особая изобретательность, не говоря уже об особой искренности тех, которые за такую борьбу возьмутся. Тут потребуются детальный кодекс, который могут составить сколько-нибудь успешно только националы, живущие в данной республике. Причем не следует зарекаться заранее никоим образом от того, чтобы в результате всей этой работы вернуться на следующем съезде Советов назад, т. е. оставить союз советских социалистических республик лишь в отношении военном и дипломатическом, а во всех других отношениях восстановить полную самостоятельность полных наркоматов.

Надо иметь в виду, что дробление наркоматов и несогласованность между их работой в отношении Москвы и других центров может быть парализовано достаточно партийным авторитетом, если он будет применяться со сколько-нибудь достаточной осмотрительностью и беспристрастностью; вред, который может проистечь для нашего государства от отсутствия объединенных аппаратов национальных с аппаратом русским, неизмеримо меньше, бесконечно меньше, чем тот вред, который проистечет не только для нас, но и для всего Интернационала, для сотен миллионов народов Азии, которой предстоит выступить на историче-

ской авансцене в ближайшем будущем, вслед за нами. Было бы непростительным оппортунизмом, если бы мы накануне этого выступления Востока и в начале его пробуждения подрывали свой авторитет среди него малейшей хотя бы грубостью и несправедливостью по отношению к нашим собственным инородцам. Одно дело необходимость сплочения против империалистов Запада, защищающих капиталистический мир. Тут не может быть сомнений, и мне излишне говорить о том, что я безусловно одобряю эти меры. Другое дело, когда мы сами попадаем, хотя бы даже в мелочах, в империалистские отношения к угнетаемым народностям, подрывая этим совершенно всю свою принципиальную искренность, всю свою принципиальную защиту борьбы с империализмом. А завтрашний день во всемирной истории будет именно таким днем, когда окончательно проснутся пробужденные угнетенные империализмом народы и когда начнется решительный долгий и тяжелый бой за их освобождение.

Ленин.

31.XII.22 г.

Записано М. В.

Впервые напечатано в 1956 г. Печатается по записи секретаря в журнале «Коммунист» № 9 (машинописный экземпляр).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение. ПРОШЛОЕ — ПРОЛОГ НАСТОЯЩЕГО	5
Глава 1. ТРАГЕДИЯ ВОЖДЯ	12
Глава 2. КОНФЛИКТ	35
Глава 3. НАСЛЕДНИКИ	69
Глава 4. ПОСЛЕДНИЕ ЗАВЕТЫ	98
Глава 5. СТАЛЬ И ШЛАК	119
Глава 6. ИСПОЛНИЛ ЛИ СТАЛИН ЗАВЕТЫ ЛЕНИНА?	168
Глава 7. ИСТОРИЯ — ВЫСШИЙ СУДИЯ	207
Заключение. ПРОШЛОЕ — ПРОЛОГ БУДУЩЕГО	249
ПРИЛОЖЕНИЯ	266

Баландин Рудольф Константинович

ЗАВЕЩАНИЕ ЛЕНИНА

Редактор *О. В. Селин*
Художественный редактор *С. В. Курбатов*
Верстка *А. А. Кувшинников*
Корректор *Н. Н. Самойлова*

ООО «Алгоритм-Книга»
Лицензия ИД 00368 от 29.10.99. Тел.: 617-0825
Оптовая торговля: 617-0825, 617-0952
Мелкооптовая торговля: г. Москва, СК «Олимпийский». Книжный клуб.
Торговое место № 30, 1-й эт. Тел. 8-903-519-85-41
Сайт: <http://www.algoritm-kniga.ru>
Электронная почта: algoritm-kniga@mail.ru
Интернет-магазине: <http://www.politkniga.ru>

Подписано в печать 25.03.2009. Формат 84×108 1/32.
Печать офсетная. Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 15,12.
Тираж 4000 экз. Заказ № 4931005

Отпечатано на ОАО «Нижполиграф»
603006 Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

ЗАВЕЩАНИЕ ЛЕНИНА

Последние годы жизни В.И. Ленина всегда привлекали историков и публицистов. Именно в этот период Ленин написал свои статьи, считающиеся его политическим завещанием. В них содержится немало фрагментов, по сей день вызывающих споры и разночтения. Однако вопреки злобным домыслам некоторых псевдоисследователей автор книги Р.К. Баландин убедительно доказывает, что В.И. Ленин, несмотря на огромную занятость и ухудшающееся состояние здоровья, сумел в своем завещании обозначить важнейшие проблемы, которые стояли перед молодым Советским государством, и наметить меры по их преодолению.

В книге показано, в какой мере события, последовавшие после смерти Ленина, были им предсказаны или напрямую продиктованы и в чем Сталин стал продолжателем дела Ленина.

ISBN 978-5-9265-0679-9

9 785926 506799 >